

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2018

ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

- Флоря Б.Н.* (Москва). Политическая элита Великого княжества Литовского и Россия в 1673 году..... 3
- Денисов Н.Г., Калугин В.В.* (Москва). Холстяные книги старообрядческого мастера Максима около 20-х годов XIX века..... 10
- Ефимова В.С.* (Москва). К вопросу об образовании старославянских сложных слов... 27

СООБЩЕНИЯ

- Великанов В.С.* (Москва). Российский гарнизон в Гадяче в 1664–1668 годах (эпизод становления российского военно-административного присутствия на Украине)..... 40
- Богатырёв А.В.* (Тольятти). Еще раз о Яне Собеском, В.М. Тяпкине и балтийской политике..... 49
- Рыбалка А.А.* (Пенза). Любек – не Любек: Ф.Л. Морошкин в поисках Приодерской Руси..... 54
- Косик В.И.* (Москва). Память русских в Бая-Луке (из биографий)..... 62
- Бакунцев А.В.* (Москва). И.А. Бунин и Русский научный институт в Белграде (к истории несостоявшегося сотрудничества)..... 74
- Дулатов Б.* (Острава; Алма-Ата). Военнопленные-славяне Первой мировой войны в Симбирской губернии (по материалам Государственного архива Ульяновской области)..... 81

IN MEMORIAM

- Петрухин В.Я.* Семиотика и мифы древних славян в трудах Вячеслава Всеволодовича Иванова (памяти ученого)..... 91
- Петрухин В.Я.* Исландские пряди и Древняя Русь: памяти Елены Ароновны Гуревич..... 97

РЕЦЕНЗИИ

- Боровков Д.А.* Н.Ф. Котляр. Удельная раздробленность Руси..... 103
- Пескова А.Ю.* М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян..... 106
- Гусев Н.С.* Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы..... 111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Копченова И.В.* Международная конференция «Запреты и предписания в славянской и еврейской культурной традиции»..... 114

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<i>Кочегаров К.А., Рычаловский А.А.</i> По поводу рецензии Т.Г. Таировой-Яковлевой на издание «Переписки гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом 1654–1764 гг.».....	119
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Мельников Г.П.</i> К юбилею Бориса Николаевича Флори.....	123
<i>Некрашевич-Короткая Ж.В.</i> К юбилею Ханса Роте	125
<i>Базилевский А.Б.</i> К юбилею Миодрага Сибиновича	127

НЕКРОЛОГИ

<i>Толстая С.М.</i> Памяти Андрея Анатольевича Зализняка (1935–2017).....	130
Памяти Анны Леонидовны Хорошкевич (1931–2017).....	134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА,

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО И РОССИЯ В 1673 ГОДУ

© 2018 г. Б.Н. Флоря

*Чл.-корр. РАН, заведующий отделом Института славяноведения РАН
E-mail: zhurslav@mail.ru*

В статье рассматриваются свидетельства о попытках политических руководителей Великого княжества создать у русских политиков отрицательный образ польских лидеров, чтобы убедить их в том, что только литовцы могут быть их надежными партнерами при осуществлении внешнеполитических планов.

The article considers evidence of how the political leaders of the Grand Duchy of Lithuania were attempting to create a negative image of the polish politicians among the Russian elite in order to persuade them that those were only the Lithuanians, who might be their reliable partners in achieving foreign-political goal.

Ключевые слова: Россия, Польша, Великое княжество Литовское, Османская империя, Франция.

Keywords: Russia, Poland, Grand Duchy of Lithuania, Ottoman Empire, France.

DOI: 10.31857/S0869544X0000458-6

Одной из характерных черт допетровской России было отсутствие у русских политиков контактов с какими-либо группировками политических элит западных соседей Русского государства. Исключением в этом плане стали контакты с магнатами Великого княжества Литовского, закономерно возникшие, когда в 1654–1655 гг. бо́льшая часть Великого княжества оказалась занята русскими войсками. Уже тогда, в конце 50-х годов XVII в., у представителей литовской элиты проявилось стремление использовать такие контакты в интересах Великого княжества. Такой известный литовский политик, как гетман Винцент Госевский убеждал А.Л. Ордина-Нашокина, что следует заключить антишведский союз, который привел бы к разделу шведской Ливонии между Россией и Великим княжеством [1. С. 358–368]. Новая попытка была предпринята во время «бескоролевья» 1668–1669 гг., когда в обмен на избрание на польский трон царевича – сына Алексея Михайловича русское правительство должно

было содействовать выполнению разных планов магнатской семьи Пацов, занявшей главные государственные посты в Великом княжестве [2. С. 385–390, 410–411, 413–415].

В исторической литературе было уже отмечено установление в 1673 г. по инициативе литовской стороны постоянных контактов между главой Посольского приказа А.С. Матвеевым и первым светским сенатором Великого княжества воеводой виленским и великим гетманом Михаилом Пацом [3. С. 54–56]. Однако до сих пор остается неясным, как литовская сторона подготавливала почву для переговоров и какие цели преследовал М. Пац, направляя послания А.С. Матвееву.

Первые следы соответствующих усилий обнаруживаются в статейном списке русского гонца С. Протопопова, направленного в Речь Посполитую в декабре 1672 г. Протопопов приехал, когда в Варшаве происходили важные события. На сейме в начале 1673 г. примирились борющиеся за власть группировки, и было принято решение отвергнуть заключенный в октябре 1672 г. мирный договор с османами и возобновить войну с Османской империей. Вместе с сообщениями об этих решениях С. Протопопов привез важную информацию о том, как такие решения принимались. Согласно полученным им сведениям, коронные сенаторы соглашались выплачивать дань (харадж) султану, предлагая отложить войну с османами «на другой год», и лишь литовские участники сейма сумели добиться другого решения. Протопопов записал и сообщение, что, если коронные сенаторы договорятся с османами, то Великое княжество Литовское «разделение с Коронай будет иметь» и перейдет под власть царя, чтобы избавиться от «бусурманской неволи». Из-за возникших разногласий «в-ызбе сенаторской не заседали многое время», но литовцы сумели настоять на своем [4. Кн. 152. Л. 50об.–53].

В исследовании Л.А. Вержбицкого, специально посвященном деятельности этого «пацификационного» сейма, на основании разных источников подробно говорится о принятом решении по вопросу о войне и мире с Османской империей. 21 января н.ст. собрание представителей трех главных «провинций» Речи Посполитой (Великой и Малой Польши и Великого княжества Литовского) приняло решение иметь дело с османами «nie przez traktaty, ale armis» [5. S. 145]. 1 февраля был созван «concilium bellicum» из представителей и Польши, и Литвы [5. S. 243], обсуждавший различные проекты войны с Османской империей [5. S. 246–250]. Никаких столкновений представителей Литвы и Короны, тем более столкновений серьезных и длительных, источники не фиксируют. Очевидно, что и эти сообщенные С. Протопопову сведения не соответствовали действительности. Вместе с тем это не были записи разговоров, которые гонец мог слышать в Варшаве. 9 февраля ст.ст. ему сообщил об этих спорах сопровождавший его пристав Станислав Якубовский. Несколькими днями позднее он снова говорил гонцу, что, если бы не литовцы, «коронные все сенатори подлинно по замыслу Сабежского турку гарачь дали и войны с ним не вели» [4. Кн. 152. Л. 54об.]. Вряд ли пристав делал такие заявления по собственной инициативе. Сам характер информации позволяет судить, от кого исходили такие сообщения. Они явно должны были убедить царя и его советников, что главной (если не единственной) силой в Речи Посполитой, которая может обеспечить мир между Россией и Речью Посполитой

и их сотрудничество в борьбе с османами, это литовские политики. К сожалению, записи, сделанные Протопоповым, не дают ответа на вопрос, зачем литовским политикам нужно было создать о себе такое представление в Москве.

Протопопов вернулся в Москву и передал свои записи в конце апреля 1673 г. [4. Кн. 152. Л. 60–61]. К этому времени в Речь Посполитую был направлен уже новый русский гонец Прокофий Возницын. Сообщая о приготовлениях в Речи Посполитой к войне с османами, гонец одновременно сообщил сведения о существовании в стране могущественных сил враждебных войне. Командующий польской армией Ян Собеский совсем не участвует в подготовке к войне, «хотя и к Варшаве турок придет, но и тогда не подумает». Ян Собеский и его единомышленники (среди которых называется коронный подканцлер А. Ольшовский) хотят, «чтоб быть королевству Польскому под державою француза, а если они того учинить не возмогут, то хотят государство Полское отдать бусурманом, что уж явно чинитца» [4. Кн. 154. Л. 79, 80об.–81]. Гонцу прямо советовали, чтобы русские войска не соединялись с польской армией, так как Ян Собеский «зело розгневался на царское величество» [4. Кн. 154. Л. 83об.]. Сведения эти, как и более ранние сообщения, не соответствовали действительности. Ян Собеский активно участвовал в подготовке военной кампании¹. Ближайший советник короля Михаила Вишневецкого А. Ольшовский вовсе не был единомышленником Собеского и не придерживался профранцузской ориентации. Напротив, он активно содействовал браку короля Михаила с сестрой императора Леопольда. Соединение в одну группу Я. Собеского и А. Ольшовского позволяло создать особенно впечатляющий негативный образ политической элиты Польского королевства, когда единственными надежными партнерами для Москвы могли бы быть литовские политики.

П. Возницын вернулся в Москву в конце июня 1673 г. [4. Кн. 154. Л. 110]. Еще до его приезда 24 июня «через виленскую почту» к главе Посольского приказа А.С. Матвееву пришло письмо от М. Паца (перевод письма см. [4. Кн. 157. Л. 3–5]). Выражая пожелание «общей войны» против османов, гетман послал А.С. Матвееву «вести» о подготовке османов к войне и о сборах войска Речи Посполитой для борьбы с ними. После решений сейма отправка такого послания руководителю русской внешней политики была понятным и естественным делом. Вместе с тем обращает на себя внимание такая особенность послания, как настойчивое утверждение его автора, что лишь благодаря литовским послам во главе с М. Пацом на сейме было принято решение о сохранении в силе перемирного договора между Россией и Речью Посполитой. Очевидно, что и официальное послание первого светского сенатора Великого княжества должно было создать впечатление в Москве, что настоящими партнерами для русского правительства в Речи Посполитой могут быть только литовские политики.

Гораздо более серьезный шаг в этом отношении был предпринят при установлении контактов с новым русским гонцом Максимом Бурцовым. Это произошло 26–27 июня 1673 г. в Вильно, когда Бурцов возвращался

¹ В статейном списке П. Возницына, в частности, отмечено, что о сборе войска на войну Ян Собеский «посылал трижды» [4. Кн. 154. Л. 79об.].

в Россию. Тогда с ним встретился доверенный человек гетмана С. Венславский и сообщил ему важную информацию. Позднее, при встрече, сам гетман сказал гонцу, что С. Венславский говорил с М. Бурцовым по его поручению [4. Кн. 155. Л. 73–76об.; 1673 г. № 7. Л. 92]. Переговоры были секретными, и С. Венславский отказался дать гонцу письменный текст с изложением своего сообщения.

Гетман советовал, чтобы царь не приказывал своим войскам «за Днестр переходить», чтобы «не обলেখчить Коруны и не притягнуть на себя большие потуги»². Высказанная здесь мысль, что помощь «Коруны» — Польскому королевству может создать для русской стороны серьезные проблемы, в последующих советах получила разъяснения и развитие. Так, гетман советовал не соединять русские войска с польской армией, «чтоб не пришла лукавым в мысль Чюдновская притча». Это была отсылка к событиям 1660 г., когда под Чудновым русская армия была окружена соединенными силами поляков и татар. После тяжелых боев русская армия заключила с польскими военачальниками соглашение о капитуляции на определенных условиях, а затем татары напали на разоруженное русское войско. Таким образом гетман делал очевидный намек на то, что русская армия может стать жертвой сговора поляков и османов. Прежде чем действовать, в Москве должны выяснить, «что первее чинитца будет у корунных и какую истинною стояти и за отчизну свою отпор турку давати начнут». «Советы» завершались заявлением самого гетмана Паца, что и он, собрав войско, «случатца с корунными не будет», пока не выяснит, «как начнут о себе радеть корунные». Наконец, все завершалось весьма важным, хотя и устным, заявлением: если «хотя мало еще протянется корунных непостоянство и нерадение, и гетман со всею Литвою присовокупятца под высокодержавную оборону великого государя его царского величества». В искренности последнего заявления можно с основанием сомневаться, но ясно, что гетман приложил серьезные усилия, чтобы создать у царя и его советников в Москве негативный образ Короны и стоявших во главе ее политиков.

Какую же цель преследовали достаточно упорные и последовательные действия литовской стороны?

Можно было бы предположить, что литовские политики во главе с М. Пацом хотели бы воспрепятствовать военно-политическому союзу России и Речи Посполитой против османов, но письма Паца к Матвееву, написанные 6–7 июля н.ст., т.е. тогда, когда имели место беседы с М. Бурцовым, опровергают такое предположение. Бурцову было вручено письмо гетмана к Матвееву от 6 июля, где гетман писал, что выезжает на Волынь для сбора войска и о необходимости совместных действий против османов вместе с русскими воеводами и просил сообщить, «с кем ссылаться имам» [4. Кн. 157. Л. 43об.–45]. Не довольствуясь этим, 7 июля гетман отправил письмо сходного содержания по почте [4. Кн. 157. Л. 23–24]. В письме, отправленном из Вильно позднее, 22 июля, гетман снова выражал надежды на соединение войск, а «наши уж собираются войска и праздны не будут» [4. Кн. 157. Л. 45об.–46].

² Запись этих советов см. [4. 1673 г. № 7. Л. 88–91]. Краткое изложение см. [6. С. 504].

Какие же цели преследовал М. Пац, призывая к соединению армий и одновременно предостерегая против польских военачальников и польского войска?

Как представляется, ответ на этот вопрос может дать предложенный М. Пацем в сентябре 1673 г. план военной кампании против османов. Согласно этому плану польская армия во главе с Яном Собеским должна была выйти на территорию Молдавии в роли своего рода армии «прикрытия» от возможного наступления главных сил Османской империи, а другая, «литовская» армия во главе с самим королем, должна была вернуть в состав Речи Посполитой Правобережную Украину и Подолию [7. С. 360]. Очевидно, именно эта армия по плану М. Паца должна была соединиться с русскими войсками и сыграть главную роль в приближающейся военной кампании. Именно благодаря действиям литовских военачальников (и прежде всего их главы — гетмана М. Паца) в состав Речи Посполитой должны были вернуться утраченные ею области.

Политическая элита Великого княжества была часто недовольна ролью младшего партнера в Польско-Литовском государстве. В начале 70-х годов XVII в. сложились благоприятные условия для пересмотра невыгодных для Великого княжества соглашений. Польское королевство оказалось под угрозой нападения османов и для отражения такого нападения нуждалось в помощи и поддержке со стороны Великого княжества. По акту Люблинской унии 1569 г. все заседания высшего органа власти Речи Посполитой — сейма должны были происходить в Варшаве — близко от границ Великого княжества, но на территории Польши. На «пацификационном» сейме 1673 г. литовские представители потребовали и после долгих споров добились того, что каждый третий сейм будет проводиться на территории Великого княжества — в Гродно (см. об этом подробнее [5. S. 217–218]). Победоносная военная кампания «литовской армии» должна была способствовать росту престижа и значения Великого княжества в Польско-Литовском государстве. Участие русских войск способствовало бы успеху такого похода и повышению политического веса Великого княжества в отношениях между Речью Посполитой и Россией, а чтобы в Москве не пытались искать соглашения с Коронай, в Вильно не жалели усилий на то, чтобы создать в сознании царя и его советников отрицательный образ Короны и ее руководителей.

Характерно, что вернувшийся в Москву в сентябре 1673 г. новый русский гонец Вас. Тимофеев сообщал, что «корунные все сенатури с королем согласия мало имеют», а наиболее влиятельный среди них — Ян Собеский «чинит измену тайно по прежнему». Его сподвижник — подскарбий коронный Ян Морштын «в Варшаве строит палаты французу, желая ему быть в Польше королем». А подканцлер коронный А. Ольшовский «Собеского и Морштейна во всем слушает и желает миру с турком, нежели с великим государем». Только «литовские гетман и канцлер Пацы и иные знатные люди королю радетельны» [4. 1673 г. № 9. Л. 45–47].

Осуществить задуманный план М. Пацу не удалось. Изучавшая переписку в 1673 г. М. Паца и А.С. Матвеева О.А. Перова справедливо отметила большую активность литовского гетмана и отсутствие позитивного ответа на его предложения [3. С. 55–56]. Есть основания полагать, что в

Москве сообщения и советы литовской стороны вызвали совсем не ту реакцию, на которую они были рассчитаны. В Москве находились под впечатлением от событий 1672 г., когда, несмотря на угрозы со стороны османов, между разными частями политической элиты Речи Посполитой происходили резкие конфликты, боровшиеся между собой группировки формировали собственные вооруженные силы, и между ними происходили столкновения. В таких условиях Речь Посполитая не смогла противостоять наступлению османской армии. «Советы» М. Паца говорили русским политикам о том, что эти конфликты после «пацификационного» сейма отнюдь не прекратились.

На сообщения о противоречиях между Литвой и Короной наслаивались сообщения русских гонцов, стремившихся в соответствии с их наказами наблюдать за тем, как Речь Посполитая готовится к приближающейся войне. Они были неутешительными. П. Возницын привез «вести» из Львова, в которых говорилось, что турки уже «обозом стали и загоны пушают блиско Кракова», а «наши панове сонными ставятца и о том нисколько не радеют» и заявляют, что должны защищать свои места, «а до обозу всеми силами не повинни ставать» [4. Кн. 154. Л. 78–78об.]. На обратном пути гонец мог наблюдать, как идет сбор на войну войска Великого княжества: «Иные, государь, збираютца, а иные розъезжаются». Он пришел к выводу, что «от литовского войска одваль скоро тому неприятелю отпор учинен» [4. Кн. 154. Л. 49]. М. Бурцов, проезжая через Великое княжество, также сообщал, что «войск литовских по се время нет ничего в собрании», а польского войска в лагере под Берестечком «не много болши десяти тысяч» [4. Кн. 155. Л. 41–41об.]. В Варшаве, где находился король, «войск в собрании [...] по отъезд ево ничего не было» [4. Кн. 155. Л. 59об.]. Встречавшиеся с гонцом люди говорили, что с них собирают налоги на войну, но деньги эти скорее всего пойдут «турку в харачь», так как приближается война, «а войск в собрании ничего нет» [4. Кн. 155. Л. 41об., 43об.]. Под влиянием всех этих сообщений в Москве складывалось представление, что следует ожидать повторения событий 1672 г. Со страной, находящейся в таком состоянии, в Москве опасались соединять свои армии³.

Когда в сентябре 1673 г. в Москву прибыл постоянный представитель («резидент») польско-литовской стороны Павел Свицерский с предложением о соединении армий для совместного выступления, предложение это было резко отклонено со следующей показательной мотивировкой: «Всякой государь вспомоществует тому, которые сами о себе радеют и промысл чинят, а в стороне королевского величества сенатори только противны королевскому величеству и ево не почитают, а промыслу никакова против неприятеля не чинят, а иные в государстве королевского величества и то говорят, что такой же, де, им пан и турок и всякой называет себя королем» [4. 1674 г. № 8. Л. 279].

Использовать русскую помощь для усиления позиций Великого княжества в Речи Посполитой важной частью литовской политической элиты во

---

³ Свою роль могли играть и опасения, что в случае победы сторонников профранцузской ориентации дело может дойти не только до заключения мира, но и до союза между Речью Посполитой и Османской империей.

главе с первым светским сенатором М. Пацом не удалось. Но сама идея литовцами не была оставлена. Во время «бескоролевья» 1674 г. они снова выдвинули идею избрать на польский трон сына Алексея Михайловича, чтобы таким способом вернуть Великому княжеству земли, утраченные им в 1654–1655 гг., и обеспечить литовским политикам главное влияние на будущего монарха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.
2. *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
3. *Перова О.А.* Дипломатическая деятельность А.С. Матвеева, связанная с разработкой нового внешнеполитического курса России во второй половине XVII в. (На примере переписки А.С. Матвеева с литовским гетманом М. Пацом о совместных действиях турок) // Проблемы истории России от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79 (Сношения России с Польшей).
5. *Wierzbicki L.A.* O zgodę w Rzeczypospolitej. Zjazd warszawski i sejm pacyfikacyjny 1673 roku. Lublin, 2005.
6. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1967. Кн. VI.
7. *Wagner M.* Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. Т. I.

ХОЛСТЯНЫЕ КНИГИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО МАСТЕРА МАКСИМА ОКОЛО 20-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

© 2018 г. Н.Г. Денисов¹, В.В. Калугин^{2*}

¹*Д-р искусствоведения, профессор МГК им. П.И. Чайковского, заместитель
начальника управления гуманитарных наук РФФИ.*

²*Д-р филол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.*

*E-mail: vasilykalugin@mail.ru

Статья представляет в новом свете деятельность малоизвестного мастера Максима, писавшего уникальные книги на холсте, и вводит в научный оборот ценные источники, не известные ранее. Максим жил в конце XVIII—первой трети XIX в. и принадлежал к поповскому согласию. Это был типично народный провинциальный мастер, объединивший в одном лице писца, рисовальщика и переплетчика. Возможно его связь со скитниками и бродячими монахами. Максим изготавливал около 20-х годов XIX в. маленькие холстяные рукописи, продолжающие традиции древнерусских и старообрядческих Канонников. Частым употреблением таких книг в дороге и странствиях объясняется выбор столь необычного материала для письма, не известного в предшествующей истории славяно-русской книги. Позднее одна из его рукописей могла перейти к староверам-бегунам, а другая покинула Россию и оказалась в Турции у казаков-некрасовцев.

The article sheds new light on the work of the little-known artisan Maxim, who wrote unique books on canvas. Maxim lived in the late eighteenth and the first third of the nineteenth century and belonged to the association of the so called run away priests («popovtsy»). He was a typical folk provincial artisan — a scribe, a draughtsman and a bookbinder in one person. It might be, he was closely connected to the hermitages and vagrant monks. In the 1820s, Maxim made small canvas manuscripts, which were developing the traditions of Old Russian and Old Believers Canon-books. His choice of such an unusual material for writing, which had never been used for making of Slavic or Russian books before, might be explained by frequent use of such books in travels and wandering. Later, one of his manuscripts might go to the Old Believers-wanderers, and the other one left Russia and turned up in Turkey among the Nekrasov Cossacks.

Ключевые слова: книги на холсте, письмо, орнамент, оригинал, список, разночтения, ошибки, старопечатные издания, Канонник, старообрядцы.

Keywords: books on canvas, script, ornament, original, manuscript, discrepancies, mistakes, early printed editions, Canon-book, Old Believers.

DOI: 10.31857/S0869544X0000459-7

§ 1. *Необычные старообрядческие рукописи.* Среди подделок А.И. Сулакадзева (1771–1830) особое место занимает «Книгорек, то есть Каталог древним книгам». Документ содержит перечень потрясающих по древности и содержанию восточнославянских произведений, разумеется, подложных. В пространном заглавии «Книгорека» указан материал письма этих «уникумов»: «...большая часть оных писаны на пергамене, иные на кожах, на букowych досках, берестяных листах, на холсте толстом, напитанном составом, и другие» (цит. по [1. С. 235]). Неизвестно, писал ли А.И. Сулакадзев наобум, как это нередко случалось с ним, или откуда-то почерпнул сведения о русских книгах, написанных на загрунтованных холстяных листах¹, но такие действительно существовали. Более того, их создатель и А.И. Сулакадзев жили в одно время. Сейчас две из них, Молитвослов и Молитвенник, находятся в ОР РГБ [3; 4], а третья, Канонник, хранится как семейная реликвия у потомков казаков-некрасовцев, вернувшихся в Россию из Турции в 1962 г. [5].

В своем большинстве некрасовцы являются старообрядцами белокрыницкого согласия. С самого начала возвращения в Россию они стали объектом пристального научного внимания. Рукописи и старопечатные книги, собранные у них археографическими экспедициями МГУ им. М.В. Ломоносова, вошли в состав Кавказской коллекции Научной библиотеки МГУ (см., например, [6. С. 239, 250–252; 7. С. 160–197]). Однако некрасовский Канонник ускользнул от исследователей или не был оценен ими по достоинству. Во всяком случае, о нем до сих пор ничего не известно в научной литературе. Между тем этот редчайший источник содержит выходную запись писца с ценными сведениями и дает ключ к разгадке тайны его личности.

Все три холстяные рукописи старообрядческие по правописанию и дониконовским редакциям текстов. Когда жил их писец и к какому согласию принадлежал, был ли он некрасовцем, почему стал изготавливать книги на столь необычном материале письма, что представляют из себя его сборники по составу и источникам – вот вопросы, на которые должно дать ответ настоящее исследование.

§ 2. *Холстяные книги из Отдела рукописей РГБ.* Первую холстяную книгу – Молитвослов – обнаружил известный филолог и археограф Е.В. Барсов не позднее 1894 г. [4; 8. С. 88, № 189]. Е.В. Барсов собрал ценнейшую коллекцию древних славяно-русских рукописей. Иногда он поставлял их царской семье [8. С. 85–87, 89, № 183, 184, 186, 190]. Для Николая II у него купили необычный Молитвослов. На обороте верхней переплетной крышки приклеен посередине экслибрис Николая II. В книгу вложена записка конца XIX в.: «№ 1. Сборник страннических молений, писанный на полотне в XVIII веке. Единственная в России рукопись на полотне. Приобретена от секретаря имп. Общества истории и древностей российских, действ[ительного] статского советника Барсова в 1894 году».

---

¹ В I в. н. э. Плиний упоминает в «Естественной истории» (XIII.11) «полотняные книги» (libri lintei) – свитки для записи частных документов. В Риме во времена Плиния они были «уже отмиравшей стариной» [2. С. 29]. Возможно, А.И. Сулакадзев знал это свидетельство и перенес его на Древнюю Русь.

Сборник (I, 59 л. 4°, 18×14,8 см) написан четким полууставом, выдающим руку опытного мастера. Книга содержит три статьи, которые часто входят в Канонники: 1) афонский «Чин, како подобает пети дванадесять псалмов особь» архимандрита Печерского Досифея² (л. Иоб., 1–27об., л. 28 без текста), 2) общее «Начало каноном» (л. 28об.–31об.) и 3) «Канон благодарен и акафист Богородице» византийского гимнографа Иосифа Песнопевца (л. 32–59об.).

В описи фонда И.Н. Деминой и публикациях Г.В. Аксеновой книга определена как «Молитвослов страннический», впрочем, без малейших объяснений и доказательств [8. С. 88, № 189; 10. С. 16, 17; 11. С. 66]. А.Г. Гудков также убежден, что обе холстяные книги из ОР РГБ «выполнены одним и тем же человеком, принадлежавшим к общине странников» [12. С. 87], но и он ничем не подкрепляет своего мнения. Повод для такого заключения подала уже упомянутая записка в Молитвослове. Возможно, что Е.В. Барсов разыскал редкую книгу у староверов-странников, или бегунов, отделившихся в XVIII в. от филипповцев [13. С. 24, 113]. Не исключено, что сведения о происхождении рукописи и ее датировка были записаны со слов Е.В. Барсова. Однако даже если Молитвослов и оказался каким-то образом у странников, то это еще не значит, что его переписчик происходил из их среды.

Вторую рукопись на холсте – миниатюрный Молитвенник (I, 64 л. 16°, 11,3–4×9,2–3 см) – где-то приобрел нижегородский коллекционер Ю.Г. Галай [3; 14. С. 21–22, № 13]. В 1992–1993 гг. он передал часть своего собрания в ОР РГБ. Там при сравнении Молитвослова и Молитвенника выяснилось, что их изготовил один писец [10. С. 17; 11. С. 67]. Он переписал более половины Молитвенника на холсте (л. I, 1–39), но затем перешел на бумагу (л. 40–64). Почерк в обеих частях один и тот же. Как видно, у мастера закончились холстяные листы и не было возможности сделать новые. Обе части дополняют друг друга. Правда, обращает на себя внимание несколько разное оформление. В холстяной части тексты часто сопровождаются колонтитулом и помещены на листах в рамку, обычно простую линейную, нередко двойную: дополнительно «прошитую» крупными стежками (л. 1, 25, 27об.–39), изредка со стилизованной растительностью на блекло-зеленом фоне (л. 1, 15об.–16). В бумажной части ничего этого нет. Последняя статья в книге на л. 64об. производит впечатление добавленной позднее. Она написана под заставкой работы того же мастера, его почерком, но неровными, прыгающими буквами и кривыми, ползущими то вверх, то вниз строчками. Этой же вялой, нетвердой рукой сделана и более поздняя помета на нижнем поле соседнего л. 63об. Соединил обе части сам писец, переплетавший свои рукописи (о чем речь пойдет ниже).

Содержание Молитвенника не пересекается с барсовским Молитвословом. Но, за единичными исключениями, вошедшие и в этот сборник ста-

---

² Г.М. Прохоров отождествлял его с архимандритом печерского Вознесенского монастыря под Нижним Новгородом в конце XIV – начале XV в. [9. С. 198].

ты также относятся к литературе Канонников. В холстяной части помещены: правило келейное (л. 1–14об.), указ о правиле на Светлой неделе из книги «Старчество», гл. 17 (л. 14об.–16), келейные молитвы «спальные» (перед сном) для «подвижнѣйши ѿно» из Канонника (л. 16–27об.), поклоны приходные и исходные (л. 28–29), молитвы Василия Великого Богородице, мниха Антиоха на сон грядущим и др. (л. 29об.–38), дидактического статьи (л. 38об.–39об.). Бумажная часть включает в себя: о благодарении перед обедом (л. 40–40об.), молитвы по восстании от стола (л. 41–43), о молитве за оскорбивших братию во время общей работы (л. 43–43об.), отрывки из книги «Старчество» о келейном правиле и молитве, переданных ангелом Пахомию Великому (л. 43об.–46)³, начало полунощницы (л. 46–52об.), начало утрени (л. 52об.–56), начало часов (л. 56–57), начало вечерни (л. 57–57об.), заметка о чтении девяти кафизм Псалтыри за суточный богослужебный круг (л. 57об.–58), сокращенный Устав правила на Пасху, Светлую неделю и воскресные дни (л. 58–64), о троекратном погружении во время крещения (л. 64об.).

Г.В. Аксенова нечетко датирует обе книги то началом [10. С. 16; 11. С. 66], то первой третью XIX в. [10. С. 16, 17; 11. С. 66, 67]. Она отметила в бумажной части сборника филигрань «в виде вензеля из букв БУ, связанных дугой (типа Клепиков – № 98)» [10. С. 17; 11. С. 67]. Однако С.А. Клепиков указывает под № 98, что эта бумага братьев Усачевых имеет на левой стороне листа буквы «БУ в картуше», а на правой – открытый герб «Семь провинций» [18. С. 15, 78, 95, № 98 – 1823 г.]. В Молитвеннике же использована другая бумага: на левой стороне листа буквы «БУ, соединенные дугой по верху», и на правой – герб «Pro Patria» с волнами [18. С. 15, 78, № 97 – 1823 г.] (см. также: [14. С. 21, № 13]). Совпадение между водяным знаком в источнике [3] и рисунком в альбоме полное. Поэтому Молитвенник можно датировать первой половиной 20-х годов XIX в. Два других холстяных сборника появились, скорее всего, около этого времени.

§ 3. «Книга спасенных» в ее отношении к другим холстяным рукописям. Третий кодекс на холсте – Канонник (56 л. 4°, 22,5×17,5 см) работы того же мастера обнаружил Н.Г. Денисов в конце 90-х годов XX в. у казаков-некрасовцев [5]. Владелица Канонника, которой мы приносим сердечную благодарность за помощь в работе, рассказала о нем следующее.

«Эту книгу подарил мне папа Б. (1943 г. р.). Ему книга осталась от его отца. Его отец был Б. Т. С. (1902 или 1905 г. р.). Папа рассказывал, что в Турции по дедовой линии у них был родственник. Его люди называли *нерод*, так как у него не родились дети. И вроде бы он писал книги для некрасовцев. Это был наш родственник. Папа мой считается таким, которых некрасовцы в Турции называли “учеными”. То есть с детства он мог служить в церкви: петь, читать. Сейчас он этого не делает по болезни, так как перенес инсульт. В Турции было принято так: набирали группу детей, которых учили читать и петь. Их готовили для участия в службе.

³ Эти отрывки извлечены не из самого «Старчества», а из Канонника (например, [15. Л. 46об.–48об.; 16. Л. 46об.–48об. второго счета; 17. Л. 46об.–48об.]). Фрагменты входят в статью «О правиле утреннем и вечернем в дому своем», часто присоединяемую к Чину 12 псалмов. В холстяных списках с Чинем 12 псалмов эта статья отсутствует.

Когда дед был жив, я помню, что у него было много книг, он их привез с собой в Россию. Но мы тогда были студентами, нам это было неинтересно. А потом, когда папа мне дал эту книгу, я спросила: “Папа, а было же у деда много книг?”. Когда он умер, люди из прихода стали у папы просить их почитать. Но никто не вернул ни одной книги. Не буду называть их фамилии. Поэтому папина библиотека оказалась распыленной. Много книг взял брат папы, мой крестный. Его звали Я. Т. Б. Он ходил на службу и принимал в ней участие. Скончался в 2000-е годы.

Моему брату папа дал две книги, в том числе одну певческую. А мне он эту дал. Так попала ко мне эта книга. Когда её увидел священник о. Т. Д., он стал просить её у меня — я отказала. Он объяснил, что в ней “Скитское покаяние”. Это было связано с тем, что когда у староверов не было священников, то они могли совершить крещение, отпевание, покаяться и т. д. В книге есть все эти молитвы. Он предлагал променять за неё целую библиотеку. Я отказала. Другие люди стали просить взять её и почитать. *Тогда я решила и сказала, что эта книга не выйдет из этого дома никогда.*

Некрасовский Канонник переписал тот же мастер, что и две другие холстяные книги. Грамотное в целом правописание и четкий полуустав с элементами каллиграфии выдают руку опытного писца. Одинаково пишутся **е** с коротким язычком; **ж** из трех не соединенных между собой частей; **з** в виде тройки и реже угловатая **з** в строке с сильно сокращенным хвостом или совсем без него; манерная ломаная **з** с двумя горизонтальными углами в разные стороны посередине (верх и низ как у **з**, а середина как у **з**); **м**, похожая на лигатуру **л+и**; **р** часто с незамкнутой внизу петлей; **х** с искривленным внизу под строкой правым хвостом; **ψ** с укороченной мачтой и угловатой чашей с загибом-носиком от ее правого края; выносные: хвостатая **а** в конце строки, напоминающая **ѣ**, лежащую на боку; **д** с очень характерным крючком-покрытием, примыкающим вплотную слева, и т. п. Многие малые инициалы (**В, Г, Д, З, К, М, Р, Т, Ц, Ю** и даже вытянутая искривленная **О, Ё** и др.) имеют декоративные загнутые хвосты. Заглавная **М** состоит из трех равновеликих прямых мачт с петлями и геометрическими украшениями посередине.

В почерке заметно влияние старообрядческих типографских шрифтов. Манерная ломаная **з**, прописная и строчная (см. выше), — точная копия заглавной печатной буквы (ср., например, [16. Л. 47об., 103, 107]). Она встречается иногда и в некоторых рукописных полууставных почерках XVIII—XIX вв., причем не только старообрядческих. Киноварные инициалы с утолщениями на мачтах и стилизованными растительными отростками похожи на киноварные буквы, например, в изданиях Ф. и А. Карташевых [15; 16].

Заканчивает Канонник выходная запись с ценными сведениями: «(л. 55) ꙗко ѿдѣлноу преѡдромѣ бѣше малоѡмныи ѡзъ и многогрѣшныи рабѣ маѡѡи воздаю ѡ всѣхъ славѣ многоѡ. давшемѣ и сѡю мѣнѣ спѣсенныхъ списать книгѣ, вѣ чѣмъ славѣ бжѣтвенны. ѡце во и мала ѣсть зрѣнїемъ : (л. 55об.) влѣтеть [так!] ѡже на всакъ дѣ исправльшимъ ю. и ѡце чѣдѣ в ней ѡбращаете ѡ неразвѣмѣ, или завѣнїа и недозрѣнїа (‘невнимательности’ [19. С. 84]) моѡго погрѣшительно, и ѣлико когдѣ вѣ дѣхъ стѣи оумѣдрилъ ѣсть блго[ра]зѡмнѣ исправитѣ. а мѣнѣ трѣ[ди]вшемѣса, бѣа радн процѣнїе

дадѣте ѿ бл҃гословѣте, а не кле[ни]те, да ѿ сами тѣжде ѿ вл҃ки всѣхъ винахъ ваши полѣтити вѣможете в' дѣнь сѣны ѡмѣнь;». Писец хорошо знал стандартные выражения выходных записей и умело воспользовался ими. Он высокопарно наименовал обычный малый Канонник «Книгой спасенных», посвятил ее «в честь слуг божественных», указал на необходимость ее ежедневного чтения и объявил свое имя — Максим. Выражение «ѿ сѣю... сѣсенныхъ списать книгѣ» с упором на ѿ сѣю означает, что мастер изготавливал книги и ранее: Канонник не был его первой работой.

По составу Канонник совпадает с барсовской рукописью, но имеет дополнительные статьи по сравнению с нею. Он содержит: 1) афонский «Чин, како подобает пяти дванадесять псалмов особь» архимандрита Печерского Досифея (л. 1–17об.), 2) «Скитское покаяние» (л. 17об.–29), 3) «Чин, како подобает самому себе причастити пречистых и животворящих Таин Христовых нужды ради великия, не сущу священнику» (л. 29об.–33об.), 4) общее «Начало канонном» (л. 33об.–35об.), 5) «Канон благодарен и акафист Богородице» Иосифа Песнопевца (л. 35об.–54об.). После декоративной концовки добавлены: 1) кинноварное изречение против реформаторов: «ѡце ктѣ всѣ испрѣви вѣде досадѣтель не вниде в цр҃во нѣное;» (л. 54об.), 2) патериковая новелла о египетском старце Макарии о превосходстве любви к ближнему над постом (л. 54об.–55) и 3) приведенная выше выходная запись (л. 55–55об.).

В некрасовском и барсовском списках повторяющиеся тексты переданы с некоторыми разночтениями. Канонник сохранил текст лучше, чем Молитвослов, где встречаются пропуски (см. табл. 1, № 1–3), повторение (см. табл. 1, № 4) и другие погрешности.

Таблица. 1. Ошибки в Молитвослове

Некрасовский Канонник [5]	Барсовский Молитвослов [4]
1. не ѿвратѣ лица твоегѣ ѿ мене, во ньже дѣнь ѡце скорблю. приклонѣ ко мнѣ оухо твое, во ньже дѣнь ѡце призовѣ тѣ (Чин 12 псалмов, Пс 101: 2), л. 10об.	не ѿвратѣ лица твоегѣ ѿ мене, во ньже дѣнь [далее при переходе на другую сторону листа Максим перескочил глазами с одного выражения на такое же впереди и пропустил между ними текст] ѡце призовѣ тѣ, л. 16–16об.
2. Запѣвъ. во гласѣхъ пѣни... всѣхъ бл҃гочестивы чюствѣа (канон Богородице, песнь 4), л. 37–37об.; так [20. Л. 132об.].	3. Пропущено, л. 34об.
3. непристѣпнаго во ѡко бѣа, зрѣхѣ всѣ пристѣпна члѣвѣка (канон Богородице, кондак 9), л. 45об.; так [20. Л. 143].	не [далее Максим вновь «преступил строку» и пропустил текст между похожими формами] пристѣпна члѣвѣка, л. 47об.
4. раѣиса пречтѣа сосѣде, ѡже вѣжтвенны вѣсеръ произвѣши. раѣиса вседѣвнаа (канон Богородице, песнь 5), л. 38об.–39; так [20. Л. 134об.].	раѣиса пречтѣа сосѣде, ѡже вѣжественны вѣсеръ произвѣши. раѣиса пречтѣа сосѣде, ѡже вѣжтвенны вѣсеръ произвѣши. раѣиса вседѣвнаа, л. 37.

Иногда лучше (см. табл. 2, № 1–3) и полнее текст Молитвослова. Однако эта полнота объясняется тем, что в нем некоторые распространенные краткие молитвы приводятся полностью, а в Каноннике, как и в старообрядческих изданиях, даны только указания на их чтение⁴.

Таблица. 2. Ошибки в Каноннике

Некрасовский Канонник [5]	Барсовский Молитвослов [4]
1. За [предлог пропущен и вставлен писцом в строке; при этом З киноварная, как в изданиях] ѣ , ѣ лмѡвъ (окончание Чина 12 псалмов), л. 17об.	За часы , ѣ , ѣ лмѡвъ, 27об.; так [15. Л. 36об.; 16. Л. 36об.; 17. Л. 36об.; 21. Л. 27об.].
2. величїа. бжїа ктò подòбенъ теѣѣ (Чин 12 псалмов, Пс 70: 19), л. 8об. Максим превратил звательную форму существительного в прилагательное и согласовал его с предшествующим словом.	величїа. бжѣ ктò подòбенъ теѣѣ , 12об.; так [15. Л. 18; 16. Л. 18; 17. Л. 18; 21. Л. 13об.].
3. А дáмово престѹплѣніе (канон Богородице, песнь 1), л. 36.	Запѣвъ . А дáмово їсправлѣніе , л. 32об.; так, но без указания Запѣвъ [20. Л. 131; 22. Без фолиации].

Последний пример – конъектура писца, хотя и логичная, но все же неверная. В списках Максима, в истории Богородицы и Иосифа, сделана еще одна конъектура. Внешне вроде бы правильная и понятная, она также совершенно ошибочна (см. ниже табл. 3, № 5).

В Каноннике встречаются и другие мелкие ошибки и описки, например: **оѹвѡба** (Пс 40: 1) (л. 6) вм. **оѹвѡга** [4. Л. 8], **ѣлѣ** (л. 32) вм. **тѣлѣ**, **на земьло** (л. 34об.) вм. **на землю** [4. Л. 30об.]. Недописаны **ыввѣе=ыввѣетъ** (л. 33)⁵, **радѣ** (л. 52об.)=**радѣица** [4. Л. 56об.], **сѣи** (л. 54об.)=**сѣиухъ** (л. 52об.) [4. Л. 59об.], пропущено **не** [4. Л. 1об.] в самом конце строки перед **ѡстаѡи менѣ** (Пс 26: 9) на л. 2 и т. п.

Из приведенных примеров видно, что как Канонник не мог быть переписан с Молитвослова, так не могло и случиться наоборот. Однако связывают их общие ошибки. Особенно показательны одинаковые пропуски (см. табл. 3,

⁴ В Каноннике, в Чине 12 псалмов, кратко отмечено чтение «отпуста малого», молитвы Ефрема Сирина и «отпуста псалтырного» с указанием: «поминаемъ сѣаго, ѣгоже ѣсть днѣ» (л. 16); так [15. Л. 33об.–34; 16. Л. 33об.–34; 21. Л. 27об.]. В СМДБ-189 (л. 24об.–25об.) они приводятся целиком, но без распоряжения упоминать святых дня. В некрасовском списке, в «Начале каноном» (перед Пс 142), даны только указания на чтение молитв «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Приидете, поклонимся» (л. 33об.–34). В СМДБ-189 (л. 28об.–29об.) они переписаны полностью.

⁵ В принципе **ыввѣе** может отражать утрату личного окончания [t], [t'] в 3 л. ед. ч. презенса у глаголов 1 спряжения в русских говорах северо-запада и юга (рязанских, тульских, курских и др.): *Бог ведае, он знае* и т. п. Однако у Максима такой пример единичен и потому непоказателен, тем более что ему случалось недописывать слова.

№ 1–4), иногда совпадающие с разночтениями в старообрядческих изданиях (№ 1, 3). Они были замечены и восполнены в Каноннике, но оставлены без внимания в Молитвослове. Объяснить одинаковые ошибки в рукописях, прямо не связанных между собой, можно только общим протографом. Правка внесена: в одном случае точно Максимом (№ 2), в другом – видимо, им (№ 3), в третьем – трудно сказать определенно всего лишь по трем буквам (№ 1) и в четвертом – читателем (№ 4).

Таблица. 3. Общие ошибки в холстяных списках

Некрасовский Канонник [5]	Барсовский Молитвослов [4]
1. всѧ кѡсти ѿхъ [затем в строке вставлено: ѿ ни] ѣдина ѿ нихъ [далее затерто, очевидно, не] сокрѡшитсѧ (Чин 12 псалмов, Пс 33: 20), л. 5. Ср.: всѧ кѡсти ѿхъ, не ѣдина ѿ нихъ сокрѡшитсѧ [17. Л. 9об.].	всѧ кѡсти ѿхъ, [далее пропуск] ѣдина ѿ нихъ не сокрѡшитсѧ, л. 6об. Такая же ошибка встречается в изданиях [15. Л. 9об.; 16. Л. 9об. второго счета; 21. Л. 7об.].
2. взѣмлай грѣхѣи мѣра, [далее над строкой Максим восстановил пропуск, кроме последнего слова мѣра: помѣлай насъ взѣмла грѣхѣи прѣимй мѣтвы наша (Чин 12 псалмов, «Тѣже» после молитвы царя Манасии), л. 13об.; так с той только разницей, что после второго слова грѣхѣи идет мѣра [21. Л. 22; 15. Л. 28об.; 16. Л. 28об.; 17. Л. 28об.].	взѣмлай грѣхѣи мѣра, [далее пропуск] прѣимй мѣтвы наша, л. 21.
3. ѿ [далее над строкой написано более светлыми чернилами: да] не оѡзритъ дѡша моѡ (Чин 12 псалмов, молитва Евстратия Великого), л. 15; так же с да [21. Л. 23об.].	ѿ не оѡзритъ дѡша моѡ, л. 23; так же без да [15. Л. 31; 16. Л. 31; 17. Л. 31].
4. серафѣмъ чѣтнѣиши [далее читатель добавил над строкой: свѣцѧ] (канон Богородице, 1-я молитва), л. 49. Ср.: серафѣ чѣтнѣиши свѣцѧ [20. Л. 152–152об.].	серафѣ чѣтнѣиши [далее пропуск], л. 52об.
5. бракоѡбрадованѡ помышлѡше, л. 42 вм. бракоѡкравдованѡ (канон Богородице, кондак 4) [20. Л. 138об.; 23. Л. 21].	бракоѡбрадованѡ помышлѡше, л. 41об.–42.

В первом примере в Каноннике была такая же ошибка, как и в Молитвослове, но потом ее исправили. Замечательно, что такая же неточность распространена в изданиях конца XVIII – начала XIX в. Причем внимательные читатели также правили ее: «всѧ кѡсти ѿхъ, (далее в строке вписано чернилами: ни) ѣдина ѿ нихъ (потом затерто не) сокрѡшитсѧ» [16.

Л. 9об. второго счета]. Не менее важно и то, что эти издания близки по составу рукописям Максима. И на этом надо остановиться особо.

Сборники Максима принадлежат к популярной литературе Канонников, необходимых для ежедневного совершения келейного и домашнего молитвенного правила. В конце XVIII – первой четверти XIX в. Канонники приблизительно такого состава, как и холстяные списки, часто издавались в старообрядческих типографиях и пользовались неизменным читательским спросом.

В Почаеве, в типографии Успенского монастыря, в 1782 г. вышло в свет несколько изданий Канонника в 8° со «Скитским покаянием» (л. 1–18об.) [24. С. 131–132, № 294–296; 25. С. 135–138, № 84, 86–88]. Там же после 1784 г. напечатали сборник в 8° с Чином 12 псалмов (л. 1–35об.) и Чином самопричащения (л. 55об.–64об.) [24. С. 134, № 312; 25. С. 158, № 102], а в 1786 г. – Канонник в 8° со «Скитским покаянием» (л. 1–18об.) и Чином самопричащения (л. 19–29) [24. С. 134, № 314; 25. С. 159, № 103]. В 1790 г. увидел свет Канонник в 8°, в выходных данных которого указано Гродно, со «Скитским покаянием» (л. 1–15об.) и Чином самопричащения (л. 16–24) [24. С. 127, № 257; 25. С. 124, № 75]. В Яссах [26. С. 265–266] в 1791 г. издали Канонник в 8° со «Скитским покаянием» (л. 1–15), Чином самопричащения (л. 15об.–23) и Чином 12 псалмов (л. 87–107об.) [24. С. 141, № 363; 25. С. 600–601, № 428]. В Вильне, в типографии униатского Троицкого монастыря, в 1801 г. опубликовали книгу в 8°, содержащую только две статьи: «Скитское покаяние» (л. 1–36об.) и Чин самопричащения (л. 36об.–1 нн) [24. С. 72, № 114].

В Клинцах, в типографии Ф. Карташева, выпустили Канонник в 8° после 1797 г. со «Скитским покаянием» (л. 1–31об.) и Чином самопричащения (л. 32–42об.) [24. С. 40–41, № 51; 25. С. 364, № 241]. В Клинцах, в типографии Ф. и А. Карташевых, вышли в свет: два издания Канонника в 8° после 1802 г. и после 1803 г. со «Скитским покаянием» (л. 1–31об.) и Чином самопричащения (л. 32–42об.) [24. С. 47, № 64; 25. С. 388–389, № 258; 392, № 262], Канонник в 8° после 1810 г. с Чином 12 псалмов (л. 1–48об.), «Скитским покаянием» (л. 1–27) и Чином самопричащения (л. 27об.–36об.) [25. С. 442, № 302], два издания Канонника в 8° после 1812 г. и в конце 10-х годов XIX в. со «Скитским покаянием» (л. 1–27), Чином самопричащения (л. 27об.–36об.) и Чином 12 псалмов (л. 1–48об. второго счета) в конце книги [24. С. 54, 65, № 85, 103а; 25. С. 453–454, № 312], Канонник в 8° после 1818 (?) г. со «Скитским покаянием» (л. 1–27) и Чином самопричащения (л. 27об.–36об.) [25. С. 481, № 332].

В типографии П.И. Селезнева в Махновке и затем у купившего ее К. Колычева в Янове увидели свет: Канонник в 8° после 1796 г. со «Скитским покаянием» (л. 1–15), Чином самопричащения (л. 15об.–23) и Чином 12 псалмов (л. 87–107об.) [24. С. 88–89, № 145; 25. С. 488, № 339], Канонник в 8° после 1808 г. со «Скитским покаянием» (л. 1–31об.) и Чином самопричащения (л. 32–42об.) [24. С. 104, № 177; 25. С. 542, № 383], Канонник в 8° после 1813 г. со «Скитским покаянием» (л. 1–27), Чином самопричащения (л. 27об.–36об.) и Чином 12 псалмов (л. 1–48об. второго счета) в конце книги [25. С. 580–581, № 409], Канонник в 8° после 1814 г. с Чином

12 псалмов (л. 1–48об.), «Скитским покаянием» (л. 1–27) и Чином самопричащения (л. 27об.–36об.) [25. С. 582–583, № 411], Канонник в 8° после 1818 г. со «Скитским покаянием» (л. 1–27), Чином самопричащения (л. 27об.–36об.) и Чином 12 псалмов (л. 1–36об.) [25. С. 594, № 421]. По составу и расположению статей некрасовский список наиболее близок двум изданиям – Каноннику после 1810, Каноннику после 1814.

В «Очерках поповщины» (часть I, гл. IX) П.И. Мельников (Андрей Печерский) рассматривает упадок поповского согласия в 20–30-х годах XIX в. и участвовавшие переходы в беспоповщину. Он отмечает, что «по причине “оскудения священства”, одни старообрядцы стали исповедываться у бродивших по разным местам монахов, у скитниц и даже у канонниц, что высылалось были керженскими скитами к богатым старообрядцам для чтения псалтыря по умершим и для так называемого “стояния неугасимой свечи”; другие стали исповедываться пред образом Спасителя по *скитскому покаянию*, оправдываясь словами “Маргарита”: “сам Спас исповедник и причастник”; третьи – у начетчиков из своих мирян, которые сделались таким образом чем-то вроде беспоповщинских “отцов с Потребником»» [27. С. 196]. В сноске к этому месту П.И. Мельников добавляет, что в старообрядческих изданиях «при *скитском покаянии* обыкновенно помещается “Чин, како по-добает самому себе приобщити... св. таин”» [27. С. 196].

«Скитское покаяние» было настолько почитаемо и ценимо старообрядцами, что вокруг него складывались легенды. Одну из них приводит П.И. Мельников в романе «На горах» (ч. II, гл. 17): «“*Скитское покаяние*”, где есть “чин како самому себе исповедати”, во множестве распространено между раскольниками Спасова согласия – что сами перед Спасовым образом исповедуются. Спасово согласие утверждает, будто “Скитское покаяние” составлено апостолом Павлом, передано им ученику его Дионисию Ареопагиту, от него дошло до Иоанна Дамаскина, а от него и до раскольников. Старопечатных “Скитских покаяний” не было» [28. С. 535], но оно существовало в письменности дониконовской Московской Руси.

У старообрядцев-поповцев «Скитское покаяние» является самоисповедью и служит приготовлением к Св. Причащению. Оно вместе с Чином самопричащения стало «главной и непрменной составной частью старообрядческих малых Канонников, сделавшей их книгами, необходимыми для самопричащения, получившего особенно большое распространение у старообрядцев в пору “оскудения священства”» [29. С. 366]. Включение в некрасовский Канонник «Скитского покаяния» и следующего за ним Чина самопричащения означает, что писец не был беспоповцем, так как те отвергают Таинство Евхаристии и видимое причастие и признают лишь духовное причастие у наставника⁶. И тем

---

⁶ В «Письмах о расколе» (письмо четвертое) П.И. Мельников (Андрей Печерский) объясняет: «Когда, с течением времени, у раскольников перемерли попы *старого ставленья* (т. е. посвященные в сан до исправления церковных книг Никоном), тогда одна часть противников Никоновой реформы, признавая необходимость священников для совершения таинств, стала принимать к себе попов *нового ставленья*, т. е. рукоположенных после Никона; другая же часть раскольников отвергла совершенно священство, объявив, что священный чин повсюду упразднен, и потому таинств более нет, кроме крещения и исповеди, которые, на основании канонических правил, в случае крайней нужды, разрешено совершать и мирянам. Первые, жившие преимущественно во внутренней России и на южной Украине,

более он не принадлежал к таким церковным радикалам, какими являлись староверы-странники, порвавшие с миром Антихриста и отказывавшие в праве креститься и, следовательно, считаться христианами даже своим благодетелям — странноприимцам, мирским жителям, хотя те давали им убежище и принимали даже незнатных им бегунов как самых близких родных [13. С. 187–188, 227–228]. Мастер Максим был старообрядцем-поповцем и переписывал сохранившиеся книги до учреждения белокрыницкой иерархии в 1846 г.

Вообще же, достаточно было хотя бы бегло познакомиться с содержанием Молитвенника, чтобы отказаться от мысли привязать его к беспоповцам и тем более к бегунам. В сокращенном Уставе правила на Пасху, Светлую неделю и воскресные дни особо оговорено, что он предназначен «*кромѣ ѿереа. ѿкоже просѣмъ ѿ небсѣнны*» [3. Л. 58об.—59]. Среди седмичных уставных указаний на вечерне, вынесенных на поле, сделана приписка рукой Максима: «*аще есть хра. силою заступленіе*» [3. Л. 55] (молитвы «Силою честнаго и животоворящаго креста» и «Заступлением честных и небесных сил бесплотных»). Далее, но уже в тексте вновь упоминается святой, в честь которого освящена церковь, причем все выделено киноварью: «*и стѣго ѿмк. емже есть храмъ, и ебоже етъ днь ѿмк.*» [3. Л. 55об.]. В конце статьи «Поклоны приходные и исходные» читаем: «*За мѣтвъ прѣчтыа ти мѣре, и стѣго ѿмк, ебоже есть храмъ...*» [3. Л. 28об.—29]. Беспоповцы совершали богослужение в молельнях, или моленных, — особых комнатах в обыкновенных домах. Исключение составляют крупные беспоповские центры вроде выго-лексинского, где существовали особые молитвенные здания. Однако рукописи Максима по почерку и орнаменту не связаны ни с выго-лексинской, ни с какой-либо другой крупной старообрядческой книжной школой (о чем ниже). Разумеется, эти указания восходят к дониконовской рукописной традиции. Но они не только не были сокращены при переписывании, но одно из них писец добавил на поле.

Старообрядцы не копировали механически древние тексты, а сообразовывались с обстоятельствами. О многом говорит пропуск во второй, заключительной молитве Богородице («похвале») после канона ей. Он сделан в обоих холстяных списках, некрасовском и барсовском, и появился отнюдь не случайно.

Это сокращение можно объяснить как беспоповскую редакцию молитвы. Но ведь сделать это мог и не Максим, а его предшественник. Вполне вероятно, что пропуск уже был в использованном им оригинале. Возможно, священники и монахи были исключены не по религиозным соображениям, а механически, вместе со всем отрывком до упоминания православных христиан. Ведь заодно со светскими и духовными властями были пропущены и ни в чем не повинные добротные жертвователи.

составили секту *поповщины*; вторые, жившие преимущественно в пустынях северного Поморья и в Сибири, образовали *беспоповщину*. Эта беспоповщина отвергла и отвергает попов и всю иерархию, но не по принципу, а лишь по факту, т. е., признавая необходимость священства и таинств, она утверждает, что в нынешнее время правильных попов нет, восстановление их навсегда невозможно, а потому и совершение пяти таинств (кроме крещения и покаяния) навсегда невозможно» [30. С. 240]. К этому следует добавить, что некоторые беспоповские согласия (поморское, спасовское, частично бегуны) считают возможным совершение брака.

Итак, этот яркий пример старообрядческой правки не подтверждает беспоповских взглядов Максима. Как писец он стремился к точной передаче текста оригинала и воспроизвел это место так, как нашел его в своем источнике.

Таблица 4. Пропуск в молитве Богородице

Дониконовская редакция	Основной текст в холстяных списках	Маргиналия читателя в некрасовском Каноннике [5]
<p>спаси ѿ помѣлѣй... црѣ... і ёго... црѣцѣ... і ѿхъ... чѣда... патрїарха... митрополїты. архїєппы, і єппы. <u>і весь сцѣненїческїи,</u> <u>і иноческїи чинъ. і</u> бвлѣре, і хрѣтолюбівое вобїньство, і доброхѣты. і всѣ правослѣвныя хрѣтїане [20. Л. 152— 152об.]; так же [22. Без фолиации].</p>	<p>спаси ѿ помѣлѣй [далее пропуск] всѣ право- слѣвныя хрѣтїаны [5. Л. 53об.]. Так же и в барсовском Молитво- слове [4. Л. 58об.].</p>	<p>і весь сцѣненїческїи [так!] і иноческїи чинъ, далее уже в строке, пе- ред всѣ, добавлена ѿ.</p>

Позднее Канонник попал в руки внимательного читателя-старообрядца из поповцев. И он восстановил упоминание священнического и иноческого чина на книжном поле со сноской после помѣлѣй в основном тексте. Полууставный почерк небрежный и неровный. Его можно датировать второй половиной XIX в. или, самое позднее, первой четвертью XX в. К этому времени книга могла оказаться у некрасовцев, принявших белокрыницкую иерархию и молившихся за нее.

§ 4. *Мастер Максим как книжный художник и переплетчик.* Все три холстяные книги украшены в одинаковой манере — в растительно-геометрическом стиле, упрощенном и огрубевшем под пером провинциального художника. Любимые краски Максима (кроме традиционной киновари) — желтая и блекло-зеленая. В их употреблении прослеживается некоторая закономерность. Бледно-зеленой краской раскрашивались заставка и рамка на первом листе холстяных книг. За исключением Канонника, краски расходовались скупно. Мастер нередко переходил в рубриках на чернила, которыми писал даже заголовки.

Наиболее ярко и независимо от образцов Максим проявил себя в орнаменте некрасовского Канонника, самом богатом и интересном. Другие рукописи гораздо скромнее. В орнаменте Канонника господствуют грубо рисованные растительно-геометрические формы. Украшения выполнены чернилами, киноварью и раскрашены желтой и зеленой красками. Тексты на листах помещены в рамки, «прошитые» крупными стежками и иногда украшенные «травками» и завитушками (л. 17об., 29об., 33об., 35об.). Окаймляющие «стежки» — отличительная черта в орнаменте Максима. Он обрамлял ими также заставки [3. Л. 16, 58, 64об.; 4. Л. 28об.; 5. Л. 1, 17об.,

29об., 33об., 35об.] и иногда большие инициалы [5. Л. 39об., 40об., 42об., 45об., 52].

Канонник украшают заставки (л. 1, 17об., 29об., 33об., 35об.), многочисленные малые инициалы и большие (л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 7об., 9, 10об., 12, 14об., 16об., 18, 23, 34, 35, 35об., 36об., 37, 39, 39об., 40об., 41, 42об., 45об.—46об., 47об., 48об., 49об., 50об., 51, 52, 53, 53об.), простая вязь (л. 35об.), вычурная концовка со звездочками, кругами, ромбами и растительными отростками (л. 54об.). В целом орнамент Канонника непохож на распространенные старообрядческие художественные стили, которые развивались в поморской, ветковской и гуслицкой книгописных школах. И дело не только в том, что народный мастер упрощал традиции книжного орнамента и огрублял рисунок при копировании. Он не подражал рабски своим источникам и не связывал себя с определенной художественной традицией. Он был знаком с разными образцами орнамента в рукописных и печатных книгах, видимо, не только русских, но и украинско-белорусских, не только дониконовских и старообрядческих, но и синодальных. Опытным путем он выработал свою собственную художественную манеру. Грубоватая и даже где-то примитивная, она вполне удовлетворяла вкусам его невзыскательных заказчиков и читателей из простого народа, составившего основу старообрядчества.

Максим сам переплетал свои рукописи в похожей манере. Ее отличительная особенность — волнообразное тиснение точками в бордюре и среднике. Нижние крышки некрасовского Канонника и Молитвенника [3] украшены пунктирным тиснением волнами с одинаковой схемой. И на этот раз Канонник наиболее сложно орнаментирован. Эта книга занимала особое место среди работ Максима. На верхней доске Канонника оттиснут большой ромбовидный средник, свободные пространства заполнены маленькими басмами. По сравнению с другими холстяными рукописями текст и переплет некрасовского Канонника наиболее сложно орнаментированы. Очевидно, что эта книга занимала особое место среди работ Максима и он дорожил ею. К сожалению, именно переплет Канонника сохранился хуже всего.

§ 5. *Мастер Максим и судьба его наследия.* Мастер Максим жил в конце XVIII—первой трети XIX в. Это был типично народный провинциальный мастер, объединивший в одном лице писца, рисовальщика и переплетчика. Он достаточно грамотно переписывал тексты, обладал четким полууставным почерком, владел приемами лигатурного письма и скорописи. Дошедшие до нас сборники были созданы им около 20-х годов XIX в., когда поповское согласие переживало далеко не лучшие времена по причине «оскудения священства». К этому времени, судя по его архаизованному почерку⁷, мастер был уже немолод. Его волновали мысли о старости и смерти. Он закончил холстяную часть Молитвенника расхожим размышлением о том, что весна прообразует юность, лето — совершенного мужа,

---

⁷ С конца XIX в., начиная, вероятно, с устного свидетельства Е.В. Барсова, Молитвослов датировали XVIII в. (см. [8. С. 88. № 189]).

осень — старость и окончание жизни. «Блажѣнъ члвкъ ѿже в разѹмѣ влзѣкъ состарѣвса оумреть», — записал он [3. Л. 39об.].

Максим, включивший в сборник со «Скитским покаянием» Чин самопричащения, не принадлежал ни к беспоповцем, ни тем более к старове-рам-странникам, а был «по беглому священству». Не был он и некрасов-цем⁸. Холстяные рукописи появились не за границей, а в России. Максим предназначал их читателям с другим укладом жизни, чем у казаков-некрасовцев. Вполне возможна его связь со скитниками и пустынниками. В выходной записи он упоминает каких-то «слуг божественных» и велере-чиво именует обычный малый Канонник «Книгой спасенных». В разго-ворной речи старообрядцев *спасѣнная душа* (иронич.) — монахиня или мо-наха [32. С. 45, 46. 52, 164, 417], *спасѣнница* — монахиня, скитница [32. С. 52, 102, 164; 33. С. 469]. П.И. Мельников особо отмечает в романе «На горах» (ч. I, гл. 12): «Иноков и инокинь не спрашивают о здоровье, а всегда о спасении: “Как ваше спасение?”» [28. С. 251, 399].

Связь с монастырской средой особенно заметна в Молитвеннике. Среди его статей встречаются указания вроде: «и поминай въ молитвѣ, великаго кнѣза тѣже. ѿгоумена с' вратѣю, и всѣхъ слѣдѣщихъ ти во стѣбѣ дѣятелн. и за творѣщихъ милостыню. и потѣ почти книги. в' поучѣнїе новоначалномъ ѿнокъ» [3. Л. 42об.]. В этой же рукописи по уставам иноческого келейного правила положены, например, после Пс 50 и Символа веры: или чтение канонов, или 300 земных поклонов, 600 Иисусовых молитв, 100 поясных поклонов с молитвою «Владычице моя...» [3. Л. 11об.—12], на утрени пять кафизм Псалтыри, 1500 Иисусовых молитв, 150 поклонов [3. Л. 53], на часах три кафизмы Псалтыри, 1000 Иисусовых молитв (или 10 вервиц — лестовок), 100 поклонов [3. Л. 56об.]. И, надо думать, переписчик этих указаний следовал им на практике. Он включил в сборник келейные молитвы «спальные» для «подвѣжнѣйшїи ѿно» из Канонника [3. Л. 16—27об.] и маленькую заметку о молитве за оскорбивших братию во время общей работы [3. Л. 43—43об.]. Возможно, Максим не просто переписывал готовые сборники, а составлял их. Во всяком случае, маленькая заметка о чтении девяти кафизм Псалтыри за суточный богослужеб-ный круг начинается от первого лица: «ѣсть же ѿбычай нѣкїи ѿцѣ егѣже ѿверѣтохъ написанъ...» [3. Л. 57об.].

---

⁸ В 1863 г. некрасовцев в Турции посетил известный революционер В.И. Кельсиев (В.П. Иванов-Желудков), занимавшийся также научной деятельностью. Он отмечал, что у казаков было много книг, но «ученых людей нет... да читать некому» [31. С. 9—10, 16]. Последним некрасовским книгописцем был казачий атаман Василий Порфирьевич Саничев. Под его предводительством совершился исход из Турции в 1962 г. Казаки называли его «книжным» человеком. В Турции он никогда не занимался земледелием. Источником его, если можно сказать, дохода являлось обучение детей церковнославянской грамоте, чтению и письму. По рассказам ныне здравствующего Гаврилы Дмитриевича Беликова, он переписывал целые книги, дописывал в них недостающие листы, учил разбираться в Пасхалии по руке Иоанна Дамаскина. Основную часть своего рукописного и старопечатного собрания он передал историку и фольклористу Ф.В. Тумилевичу в Старочеркасский музей. Переплетные инстру-менты В.П. Саничева (станок и др.), вывезенные из Турции, хранятся в запасниках музея казаков-некрасовцев в поселке Новокумский Левокумского района Ставропольского края.

Максим изготавливал маленькие рукописи молитвенного содержания, продолжающие традиции древнерусских и старообрядческих Канонников. Такие книги были постоянно необходимы в келейном и домашнем обиходе, их всегда держали под рукой, читали и перечитывали. Они были особенно нужны бродячей Руси: странствующим монахам, инокам «никогего монастыря» и переходим богомольцам. Частым употреблением таких книг в дороге и странствиях объясняется выбор столь необычного материала для письма, не известного в предшествующей истории славяно-русской книги⁹. В XVIII–XIX вв. (главным образом, в глухих местах Русского Севера, Сибири и на Камчатке) при недостатке или дороговизне бумаги книги и документы (ясачные книги, челобитные) писали иногда на бересте, но на холсте — никогда. Холст несравненно прочнее и надежнее, чем бумага, но письмо на нем требует специальных навыков. Идея создания книг на полотне могла появиться только у человека, практически знакомого с иконописью, владевшего техникой грунтовки и письма по холсту. Но если Максим и писал иконы, то, несомненно, такого же грубого народного характера, как и орнамент Канонника.

Изделиям Максима далеко до старообрядческих роскошных рукописей XVIII–XIX вв. Но ни ему, ни его заказчикам были и не нужны тяжелые украшенные фолианты, гордость старообрядцев-библиофилов. Он создавал рукописи для простецов и преследовал совсем другие цели, сугубо практические: удобство и прочность дорожных книг, предназначенных для постоянного чтения. И в этом, несомненно, он преуспел. Холстяные листы отлично загрунтованы и гибки. Грунт не осыпается от частого перелистывания, хотя рукописям около двухсот лет. Книги легки и удобны в употреблении. Нет ни малейших оснований говорить о старообрядческом «книжном центре, в котором создавали в первой трети XIX в. столь исключительно редкие книги на холсте» [11. С. 67; 39. С. 58]. Напротив, это был оригинальный эксперимент ремесленника-одиночки.

Позднее одна из его рукописей могла перейти к староверам-бегунам: по своему назначению это была дорожная книга и, самое главное, не имела в своем составе Чина самопричащения. Вероятно, благодаря странникам рукопись попала на Русский Север, где, надо думать, ее и разыскал Е.В. Барсов не позднее 1894 г. Список же с этим Чином,

---

⁹ Тканевые материалы могли использоваться иногда при изготовлении книжных миниатюр и в картографии. В 70-х годах XVII в. в мастерской Посольского приказа были изготовлены для царя Алексея Михайловича подносные экземпляры двух сочинений Николая Спафария «Книга о сивиллах» и «Василиологион» — книга о царях (подробнее см.: [34. С. 198–201]). Миниатюры в них были написаны маслом на отдельных холщевых листах, наклеенных на тафту, и затем вставлены в рукописи. Рисовал живописец Оружейной палаты иностранец Богдан (он же Иван Ивлиев) Салтанов [34. С. 198, 200]. 1 января 1701 г. С.У. Ремезов закончил «Чертежную книгу Сибири». В предисловии особо указано, что она написана «не в помещенн ради парчи на александрии» [35. Л. 26; 36. С. 485] на большой александрийской бумаге. В заголовке сообщается, что чертеж всех сибирских городов и земель был написан в Сибирском приказе в Москве 18 сентября 1698 г. на белой китайке (гладкой хлопчатобумажной ткани) длиной шесть аршин и шириной четыре аршина [35. Л. 43; 36. С. 484]. Однако в беловом списке Рум-346 помещен не оригинал, а его уменьшенная копия на александрийском листе. Также сохранился полотняный антиминос 1149 г. с надписью по краям, принадлежавший новгородской церкви Николы на Дворище [37. С. 162].

лучше подготовленный и наряднее украшенный, покинул Россию и оказался у некрасовцев. В большом и пестром мире старообрядчества существовали свои связи, не зависящие от государственных границ. В начале XIX в. некрасовцы переселились из Добруджи в дельте Дуная вглубь Турции, на берег озера Маньяс (Майнос), на юго-восток от Мраморного моря [31. С. 10–11; 35. С. 133]. В Турции они промышляли рыбной ловлей. Уходя артелями на промыслы, некрасовцы нередко попадали в такие условия, когда «въ нѣждѣ великой» — из-за отсутствия священника — приходилось самим исповедоваться и причащаться запасными дарами. Тогда-то и могла пригодиться холстяная «Книга спасенных» мастера Максима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Козлов В.П.* Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по российской истории в XVIII — начале XXI века. М., 2015.
2. *Добиаши-Рождественская О.А.* История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. 3-е изд. М., 1987.
3. Молитвенник на холсте (л. I, 1–39) и бумаге (л. 40–64) писца Максима. 1-я пол. 20-х гг. XIX в. ОР РГБ, собр. Ю.Г. Галая (ф. 835), № 13. I, 64 л. 16° (11,3–4×9,2–3 см).
4. Молитвослов на холсте писца Максима. Около 20-х гг. XIX в. ОР РГБ, собр. материалов из Дворцовых библиотек (ф. 492), № 189. I, 59 л. 4° (18×14,8 см).
5. Некрасовский канонник на холсте с выходной записью писца Максима. Около 20-х гг. XIX в. (56 л. 4°, 22,5×17,5 см).
6. *Агеева Е.А., Смилянская Е.Б.* Находки археографических экспедиций, пополнившие фонды МГУ (обзор поступлений 1984–1989 гг.) // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993.
7. *Денисов Н.Г.* Старообрядческая богослужебно-певческая культура: вопросы типологии. М., 2015.
8. ОР РГБ. Фонд № 492. Опись собрания материалов из Дворцовых библиотек (материалы перв. пол. XIV–нач. XX в.) / Сост. И.Н. Деминой. М., 1991.
9. *Прохоров Г.М.* Досифей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А–К.
10. *Аксенова Г.В.* Русские рукописные книги на нетрадиционной основе в собраниях РГБ // Тезисы докладов и сообщений конференции молодых специалистов Российской государственной библиотеки по итогам научно-исследовательской работы за 1992 г. (22 июня 1993 г.). М., 1993.
11. *Аксенова Г.В.* Русские рукописные книги на нетрадиционной основе // Книжное дело. Профессиональный информационно-аналитический журнал. М., 1994. № 3 (9).
12. *Гудков А.Г.* Иван Гаврилович Блинов, «книжных дел мастер» из Городца. К 70-летию со дня кончины. Коломна, 2015.
13. *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.
14. ОР РГБ. Фонд № 835. Собрание рукописных книг Ю.Г. Галая. Описание (первая четверть XVII — конец XIX в.) / Сост. В.В. Викторов. М., 2002.
15. Канонник. [Клинцы: тип. Ф. и А. Карташевых, после 1810]. 8°. МК РГБ, инв. номер: 10651.
16. Канонник. [Клинцы: тип. Ф. и А. Карташевых, после 1812]. 8°. МК РГБ, инв. номер: 10819.
17. Канонник. [тип. П.И. Селезнева в Махновке и К. Колычева в Янове, после 1814]. 8°. МК РГБ, инв. номера: 10769, 10770.

18. *Клепиков С.А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978.
19. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1986. Вып. 11.
20. Канонник. М.: Печатный двор, 14.4.1636. 4°. МК РГБ.
21. Сборник молитвенного содержания. [Почаев: тип. Успенского монастыря, после 1784]. 8°. МК РГБ, инв. номер: 9885.
22. Канонник. М.: Печатный двор (издатель В.Ф. Бурцов), 15.1.1641. 8°. МК РГБ.
23. Канонник. [Клинцы: тип. Ф. и А. Карташевых, после 1812]. 4°. МК РГБ, инв. номер: 10741.
24. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX века. Каталог / Сост. А.В. Вознесенский. Л., 1991.
25. *Емельянова Е.А.* Старообрядческие издания кирилловского шрифта конца XVIII—начала XIX века. Каталог. М., 2010. (Книжные памятники Российской государственной библиотеки).
26. *Паскаль А.Д.* Новый справочник по старообрядческим изданиям конца XVIII — начала XIX в. // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994.
27. *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. Очерки поповщины // *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 7.
28. *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. На горах. Продолжение рассказов «В лесах». Книга первая. М., 1956.
29. *Вознесенский А.В.* Канонник как тип книги у старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48.
30. *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. Письма о расколе // *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 6.
31. *Иванов-Желудков В.П. (Кельсиев В.И.)* Русское село в Малой Азии. 1866 г. Ставрополь, 2016.
32. *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. В лесах. Часть первая и вторая. М.; Л., 1936.
33. *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. В лесах. Части третья и четвертая. М.; Л., 1937.
34. *Кудрявцев И.М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8.
35. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири. 1701 г. ОР РГБ, собр. Н.П. Румянцева (ф. 256), № 346.
36. *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
37. *Срезневский И.И.* Славяно-русская палеография XI—XIV вв. Лекции, читанные в императорском С.-Петербургском университете в 1865—1880 гг. СПб., 1885.
38. *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г.—конец 1920-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2002.
39. *Аксенова Г.В.* Холщовые книги // *Аксенова Г.В.* Русский книжный стиль. Этюды о книгах и книжниках. М., 2004.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СТАРОСЛАВЯНСКИХ СЛОЖНЫХ СЛОВ

© 2018 г. В.С. Ефимова

*Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник и заведующий
Отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН.
E-mail: valeriefimova@yandex.ru*

Большая часть сложных слов в старославянском языке образована в процессе переводов с греческих оригиналов самими славянскими книжниками. Автор считает, что изучение способов образования этих сложных слов целесообразно подчинить задаче выявления путей формирования старославянского лексического инвентаря. Таким образом, необходимо учитывать не только словообразовательные связи, складывавшиеся внутри старославянского лексикона, но прежде всего обстоятельства вхождения сложных слов в старославянский лексический инвентарь.

Most of the compound words in Old Church Slavonic language were formed in the process of translations from Greek original texts by the medieval Slavic bookmen themselves. The author believes that the study in word-formation of these compound words should be subordinated to the task of revealing methods of creation of the Old Church Slavonic lexical inventory. Thus, it is necessary to take into account not only the word-formation relations that developed within the Old Church Slavonic lexicon, but above all the circumstances of insertion of these compound words into the Old Slavonic lexical inventory.

Ключевые слова: старославянский язык, сложные слова, калькирование.

Keywords: Old Church Slavonic, compound words, calques creation.

DOI: 10.31857/S0869544X0000461-0

Известно, что в старославянском лексиконе сложные слова (компози́ты и дериваты от компози́тов) занимают довольно большое место. Согласно подсчетам Р.М. Цейтлин, в языке старославянских памятников сложным словом является каждое 16-е [1. С. 186]. Что касается частеречной принадлежности старославянских сложных слов, то по подсчетам Л. Забранского, сделанным им на материале двух современных старославянских словарей [2; 3] и приведенным в его диссертации, подавляющее большинство из них представляют собой именные компози́ты: от общего их числа 46,64% приходится на долю существительных, 38,67% — на долю прилагательных и только 9,91% — на долю глаголов и 4,78% — на долю наречий

[4. S. 46–49]. Известно также, что часто старославянские композиты оказываются кальками с греческого. По-видимому, не менее 90% старославянских сложных слов представляют собой слова, образованные с участием калькирования греческих образцов (ср. подсчеты Р. Цетта [5]). Так как в таком случае большинство старославянских сложных слов следует считать словами, бесспорно являющимися результатом словотворчества самих переводчиков, такой «расклад» достаточно красноречиво характеризует направление номинационной активности славянских книжников.

Старославянские сложные слова, начиная с известного исследования славянских композитов В.И. Ягича [6], неоднократно оказывались в центре внимания палеославистов. Традиционно в категорию старославянских сложных слов включались как композиты, так и дериваты от композитов (как *богороднца*, так и *богороднчннз*), т. е. все слова, имеющие в своей морфемной структуре два (в редчайших случаях более двух) знаменательных корня. Такой подход к старославянским сложным словам применяется «по умолчанию» во многих работах и после появления современной теории словообразования¹. Как будет показано ниже, изучение старославянских композитов и дериватов от композитов в рамках одной категории сложных слов совершенно оправданно: иногда (и даже не очень редко) есть причины одно и то же старославянское сложное слово рассматривать и как композит, и как дериват от композита. Таким образом, старославянский материал вынуждает нас вернуться к определению сложного слова, данному «корифеями» отечественной теории словообразования И.С. Улухановым и В.В. Лопатиным в начале 60-х годов прошлого века: основным признаком сложных слов является наличие в слове двух или нескольких корневых морфем или основ [11. С. 202–203].

Ряд работ о старославянских сложных словах не потерял своего значения до настоящего времени. Вместе с тем на сегодняшний день существует довольно много связанных с этой категорией слов нерешенных проблем; среди них — способы их образования, в отношении которых до сих пор остается много спорного и неясного. С появлением отечественной теории синхронного словообразования появились попытки «спустить» эту теорию и на старославянский материал. В частности, такие попытки предпринимались в работах Н.Н. Низаметдиновой, в монографиях которой, посвященных сложным словам в русском языке XI–XVII вв., уделены большие главы и сложным словам старославянским [12; 10]. Здесь мы оставляем в стороне вопрос о возможности корректности в исследовании синхронных словообразовательных связей в лексиконе, извлеченном из письменных

---

¹ Композиты и дериваты от композитов рассматриваются вместе в качестве сложных слов и в известной монографии 1977 г. Р.М. Цейтлин [1], и в исследованиях 60–70-х годов прошлого века довольно большого материала из древнерусских списков Л.В. Вялкиной [7], и в относительно недавних диссертациях Л. Забранского [4] и Ц. Досевой [8. С. 166–251]. Э. Фэльт в своей монографии о сложных словах в переводе *Περὶ τοῦ ἰουδαϊκοῦ ῥηλέμου* также включает дериваты от композитов в категорию сложных слов (compounds), хотя обосновывает свою позицию в рамках концепции трансформационной грамматики [9. S. 13, 62–63]. Ср. желание Н.Н. Низаметдиновой непременно разграничить «сложные» и «производно-сложные» слова в (древне)русском языке XI–XVII вв., для чего ею были разработаны специальные критерии [10. С. 38–42].

памятников XI–XVII вв., и целесообразности такого исследования, проведенного Н.Н. Низаметдиновой. Свою задачу (гораздо более важную, на наш взгляд, и с лингвистической, и с культурологической точек зрения) мы видим в определении путей формирования старославянского лексического инвентаря и, следовательно, не только и не столько в выявлении синхронных словообразовательных связей и направлений мотиваций в лексической системе старославянского языка, сколько в изучении механизмов номинации при осуществлении переводов на старославянский язык (главным образом с греческого языка).

Вслед за Н.И. Толстым старославянским языком мы называем ранний этап (вторая половина IX – начало XI в.) древнеславянского языка – общего литературного языка всех славян [13. С. 47]². Не приходится сомневаться, что в указанный период времени старославянская языковая система функционировала в качестве единого структурного целого, что внутри старославянского лексикона могут и должны выявляться словообразовательные связи и словообразовательные мотивации, которые отчасти могут быть определены в терминах синхронной словообразовательной теории³. Вместе с тем нельзя забывать, что в действительности старославянский лексический инвентарь весь этот относительно небольшой период времени постоянно находился в стадии становления (особенно в начале этого периода). Старославянский лексикон формировался постепенно, по мере осуществления очередных переводов на славянский язык с греческого языка текстов Св. Писания, различных произведений византийской литературы (житий, гомилий, гимнографических текстов, текстов юридического содержания и т. д.). Нельзя забывать также и о том, что «классические старославянские» рукописи X–XI вв. (рукописи так называемого «старославянского канона»⁴) дошли до нас довольно случайно, в них сохранилась совсем небольшая часть огромного объема литературы, которая в действительности была переведена или написана самостоятельно на старославянском языке в IX – начале XI в. Отсюда очевидно, что для получения адекватного представления о составе старославянского лексического инвентаря необходимо корректно, с соблюдением определенных принципов, о которых нам приходилось уже писать неоднократно (см., например, в [16]), использовать и более поздние списки со старославянских протографов. В равной мере это относится к изучению лексики «высокого регистра», который формировался в основном за счет результатов словотворчества самих славянских книжников и к которому в большинстве своем принадлежат старославянские сложные слова.

---

² Н.И. Толстой определяет древнеславянский язык как общий литературный язык всех славян, начало которому положили свв. Кирилл и Мефодий и который бытовал на славянских землях в течение Средневековья в виде разных изводов – среднеболгарского, русского, сербского [13. С. 34–52].

³ Именно этими положениями мы руководствовались, в частности, в своей монографии [14].

⁴ Р.Н. Кривко, отмечая в недавно изданной монографии неудачность традиционного термина «старославянский канон», предлагает вслед за Г. Кайпертом использовать для этих рукописей название «(старославянский) корпус» [15. С. 1–3]. По нашему мнению, однако, любой термин – «классические (старославянские) рукописи», рукописи «старославянского канона», «(старославянский) корпус» – довольно условен, в то время как всем палеославистам известно, о каких 17 древнеболгарских рукописях X–XI вв. идет речь.

Важнейшим «инструментом» словотворчества славянских книжников являлось разного рода калькирование. По отношению к процессу формирования старославянского лексического инвентаря три основных вида старославянского калькирования – семантические кальки, фразеологические кальки, поморфемные кальки имеют принципиальные различия [17]. Поморфемное калькирование наиболее широкое применение нашло именно при образовании композитов. В предыдущих своих работах мы попытались показать, что старославянское поморфемное калькирование необходимо рассматривать в качестве специфического способа словообразования, изучая его в рамках исследований всей старославянской словообразовательной системы ([18; 19. С. 17–24, 91–115; 20] и др.). Специфика старославянского поморфемного калькирования как способа словообразования определяется сочетанием калькирования с задействованными в нем словообразовательными процедурами и мотивациями: с одной стороны, в области отношений «текст → текст» непосредственно в процессе перевода на славянский определенного слова греческого текста и, с другой стороны, в сфере парадигматических связей внутри складывавшегося старославянского лексикона [18]. Область отношений «текст → текст» при создании нового старославянского композита характеризуется тем, что славянские книжники переводили, как правило, две корневые (т. е. знаменательные, указывающие на понятия) морфемы греческого композита. Соположение в старославянском композите двух корневых знаменательных морфем (основ), диктуемое греческим образцом, указывает на калькирование (на тот самый «поморфемный перевод», о котором часто говорят в таких случаях – ср., например, в [21. С. 18–19; 22]).

При этом важно отметить следующее: отношения «текст → текст» в случае применения этого специфического способа словообразования характеризуются также тем, что для славянских книжников имела значение прежде всего общая семантика (*le sens général*) корней (основ) калькируемого греческого слова. В результате иногда мы сталкиваемся с явлением использования книжниками «готовых компонентов» с такой общей семантикой, предназначенных для передачи определенных компонентов греческих. Поэтому не всегда можно указать на какого-либо рода славянское словосочетание (зафиксированное в текстах или предположительно возможное), на базе которого мог бы быть образован старославянский композит. Отсюда следует, что не всегда между компонентами старославянского композита могут быть установлены непосредственные семантико-синтаксические зависимости.

Рассмотрим, например, ряд старославянских композитов, образованных с помощью калькирования греческих композитов, первый компонент которых представлен основой $\zeta\omega(o)$ -. Основа $\zeta\omega(o)$ - (глагола $\zeta\eta\nu$) имеет семантику ‘жить, быть живым’ [23. Т. I. Р. 402–403]. Видимо, из калькирующих греческие композиты с основой $\zeta\omega(o)$ - первым был образован нашими первыми славянскими переводчиками композит жнвотворнтн – на базе глагола творнтн ‘делать’ в качестве опорного компонента, в качестве

же первого компонента использовалась основа жнв- (от прил. жнвз(зн) ‘живой’): ζωοποιεῖν ~ жнвтворнтн. И в тексте Апостола, и календаре Евангелия-апракос (пример сохранился в Ассеманиевом евангелии) глагол жнвтворнтн встречается в форме дейст. причастия наст. вр. (ζωοποιῶν ~ жнвтворан): Рим 4:17: κατέναντι οὗ ἐπίστευσεν θεοῦ, τοῦ ζωοποιούντος τοὺς νεκρούς⁵ — право ъмоуже вѣрова бѣу . жнвтворашюму мъртвзиа Христ, Слепч, Мат; 1 Тим 6:13: Παραγγέλλω σοι ἐνώπιον τοῦ θεοῦ τοῦ ζωοποιούντος τὰ πάντα — Охр (2х), Слепч, Шиш, Мат; поклоненне ѳес(ть)ноумоу н жнвтворашюмуоу крѣстоу хѣоу Ас 115а 8 (греч. не соотв.). В данном случае мы видим модель чистого сложения, т.е. «основа (жнв-) + целое слово (творнтн/творан)»; прозрачные семантико-синтаксические зависимости легко устанавливаются: жнвтворнтн — «делать живым, оживлять»⁶. Подтверждение возможности в старославянском языке соответствующего словосочетания жнвз творнтн ‘делать живым’ находим в тексте Супрасльской рукописи, в Молитве Пиония: слава тебѣ їсѹ хѣ ... съ ннмз сѣ прнсно слово божне . жнвза снаа н жнвз творѧ вса . Супр 143,5.

Подобные семантико-синтаксические зависимости можно установить и в композите жнвтворьць, употребленном в календаре Ассеманиева евангелия в сходном с приведенным выше контексте (Ас 115а 8) и так же, как и прич. жнвтворан, служащем определением (приложением) слова крѣств. Ср.: Ὑψωσις τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ Σταυροῦ — в(з)двнже)нїе ѳес(ть)на(аго) ж(їв)творца к(р)ста г(осподь)нѣ Ас 117а 22–23. Композит жнвтворьць образован с помощью калькирования имени ζωοποιός⁷ на базе отглагольного имени творьць в качестве опорного компонента и основы жнв- в качестве первого компонента, т.е. здесь также использована модель чистого сложения «основа (жнв-) + целое слово (творьць)». Следует отметить, что славянские книжники стали широко использовать прич. жнвтворан для передачи гораздо чаще, чем ζωοποιῶν, встречающегося в переводимых греческих текстах композита ζωοποιός (ср., например, уже в Синайском еххологии: в 16b 14, в 20а 19, в 56а 5, в 64b 4, в 96а 1), тогда как сущ. жнвтворьць оказалось на периферии старославянского лексического инвентаря.

Однако, если обратиться к композиту жнвдавьць ‘дающий жизнь, даритель жизни’, образованному с помощью калькирования греч. ζωοδότης, в его структуре

⁵ Греческий текст Нового Завета цитируется по [24], Ветхого завета — по [25], греческий текст оригиналов Супрасльской рукописи — по изданию [26], греческий текст календаря Евангелия — по [27].

⁶ Ср. у А. Достала: «Živo-tvoriti “oživovati”» [28. S. 475].

⁷ Второй компонент -ποιός этого греческого композита по происхождению представляет собой имя, каким-то образом связанное с глаголом ποιεῖν, хотя соотношение между ποιεῖν и ποιός не вполне ясно [29. Vd. II. S. 570–572; 23. T. III. P. 923].

уже нельзя усмотреть таких непосредственных семантико-синтаксических зависимостей. Хотя композит жнводавьць не зафиксирован в кругу «классических старославянских» рукописей, его создание без всяких сомнений следует отнести к эпохе существования старославянского языка, что подтверждается многочисленными свидетельствами более поздних списков со старославянских протографов гимнографических текстов: обнаруживаем его и в древнейшей Ильиной книге XI в. [30. С. 217], и в Новгородских минеях 1096 и 1097 гг. [31. Т. I. Ст. 866], и в списках с произведений Климента Охридского [32. С. 135; 33. С. 102]. Как в греческом, так и в старославянском композите мы видим модель чистого сложения: «основа (ζω(ο)-) + целое слово (δότης)» ~ «основа (жнв-) + целое слово (давць)», однако основа жнв- выбрана славянскими книжниками в качестве «готового компонента», уже использовавшегося для передачи основы ζω(ο)-.

В списках со старославянских протографов гимнографических текстов встречается и другой вариант перевода греч. ζωδότης — композит жнзнодавьць, с основой жнзн- (от сущ. жнзнъ ‘жизнь’) в качестве калькирующего основу ζω(ο)- первого компонента. Как видим, модель чистого сложения та же: «основа (жнзн-) + целое слово (давць)», однако в композите восстанавливаются непосредственные семантико-синтаксические зависимости: «дающий жизнь, даритель жизни». Этот композит был несколько менее, чем композит жнводавьць, распространен в эпоху существования старославянского языка, но засвидетельствован в гимнографических текстах достаточно надежно [30. С. 217; 31. Т. I. Ст. 872]. Зафиксирован композит жнзнодавьць и в лексическом инвентаре «классических старославянских» рукописей — обнаруживаем его в Супрасльской рукописи (Супр 176,18), где он, однако, использован для передачи словосочетания ὁ τῆς ζωῆς χορηγός и был, видимо, взят как уже готовое слово из переводов гимнографических текстов. Вместе с тем в поздних списках со старославянских протографов не исключены замены. Так, например, в 4-м тропаре 1-й песни Канона св. Иоанну Предтече 1-го гласа Климента Охридского находим вариативность по спискам жнводавьць — жнзнодавьць: ὁρος ἀλατόμητον, ἡ τὸν ζωδότην Χριστὸν τῷ κόσμῳ κηῖσασα. — горo несѣкомаѧ . жнводавѣца хрнста мнровн рожьшнѧ (список XII–XIII вв.) — горo несѣкомаѧ . ѧже жнзнодавѣца хѧ . мнровн порожьшн . (список XIV в.) [32. С. 135; 34. С. 40].

В процессе создания новых композитов для славянских книжников не имела, видимо, значения и частеречная принадлежность калькируемых корней (т. е. глагольное либо именное их происхождение на уровне греческого языка византийской эпохи). Так, например, нет сомнений, что при образовании композита кокотоглашенне в стихе евангельского тетра Мк 13:35 (сохранившегося в Мариинском евангелии) использовалось калькирование композита ἀλεκτοροφωνία. При этом наших первых славянских переводчиков (для которых, кстати, греческий был языком родным) не смущало, видимо, то обстоятельство, что в ἀλεκτοροφωνία корень -φων- второго компонента — имен-

ного происхождения (т. е. корень имени φωνή ‘звук (любой, в том числе животных и птиц)’, глагол же φωνεῖν — дериват от этого имени) [23. Т. IV/2. Р. 1237)), тогда как в кокогтогашенне корень второго компонента — происхождения глагольного (от глагола гласнтн). То же самое можно сказать и об образовании композита коуруглашенне, сохранившегося в том же стихе в Зографском евангелии, а также и в Остромировом евангелии. Показательны примеры такого словообразования старославянских композитов на базе глаголов (т. е. с корнями глагольного происхождения) при калькировании греческих композитов с именным вокализмом во втором компоненте. Например, при калькировании композитов с корнем -ток- во втором компоненте (корень имени τόκος ‘рождение; плод, дитя и под.’, деривата от глагола τίκτειν [23. Т. IV/1. Р. 1118]) старославянские композиты образовывались на базе глагола ρоднтн: θεοτόκος → богороднца; πρωτόκος → прьвородыць. Также показательно, например, образование композита крзвонаденне ‘крово-жадность’, встречающегося в Супрасльской рукописи в Слове на пасху (№ 42), где имело место калькирование композита αἰμοβόρος ‘питающийся кровью’⁸. В оригинале этой гомилии композит αἰμοβόρος использован в форме ср. р. в субстантивном употреблении — наряду с таким же субстантивным употреблением в форме ср. р. прил. φονώδης ‘убийственный, смертоносный’, т. е. текст оригинала гомилии приписывает иудеям «кровожадность» и «смертоносность» как свойства, ими обнаруженные: οὐ μόνον γὰρ τὴν βασιλείαν ὑπέτρου, ἀλλὰ γὰρ καὶ τὸ αἰμοβόρον καὶ φονώδες τῶν Ἰουδαίων ἐπεδείκνυτο. — не тзкма бо цесарьство образовааше . нз н крзвонаденне н оубнѣство жндовз њавыаше . Супр 484,23. В корне -бор- композита αἰμοβόρος видим вокализм имени борá (соотносительного с глаголом βιβρώσκειν [23. Т. I. Р. 175]), в то время как композит крзвонаденне образован на базе глагола њадатз с корнем -њд-.

С другой стороны, в образовании новых старославянских композитов принимали участие словообразовательные мотивации внутри старославянского лексикона, а на словообразовательную процедуру налагались правила старославянского словообразовательного механизма. Первые славянские переводчики свв. Кирилл и Мефодий и их последователи, опираясь в строительстве старославянского лексического инвентаря на народную славянскую речь того времени, восприняли и славянские модели сложений — как архаичные бессуффиксальные⁹, так и суффиксально оформленные. Основная масса старославянских композитов создавались славянскими книжниками с помощью моделей чистого сложения и суффиксально-сложных, при этом в суффиксально-сложных моделях использовались, главным образом, продуктивные суффиксы, указывающие на частеречную принадлежность композита. Особо следует обратить внимание на то, что подлежащие переводу греческие композиты во многих случаях суффиксов, указывающих на их частеречную при-

⁸ Ср. значение, приведенное П. Шантреном: «qui se nourrit de sang» [23. Т. I. Р. 175].

⁹ Бессуффиксальными эти модели являются для эпохи старославянского языка. Об использовании славянскими книжниками архаичных моделей сложения подробнее см. в [18. S. 118–122; 35. С. 32–35].

надлежность, не имели, что говорит о приоритете славянских словообразовательных механизмов в процедуре образования композитов и самостоятельности «словообразовательной стратегии» книжников. Так, если обратиться к приведенным выше примерам, то в ἀλεκτοροφωνία ~ коктогашенне (равно и в ἀλεκτοροφωνία ~ коурогашенне) можно усмотреть соответствие суффикса *-i(a)* и продуктивного суффиксального комплекса *-enjь(e)*. Однако в примерах θεοτόκος ~ богородица, πρωτότοκος ~ пръвородыць мы видим, что греческие композиты не имеют суффиксов, указывающих на их частеречную принадлежность к прилагательным либо существительным, в то время как старославянские композиты имеют продуктивные суффиксы — соответственно *-ic(a)* и *-bc(b)*, указывающие на их принадлежность к существительным. Также и композит αἰμοβόρος не имеет суффикса, указывающего на его частеречную принадлежность, в то время как у композита крѣвоѡднѣнне, употребленного в Супрасльской рукописи, продуктивный суффиксальный комплекс *-enjь(e)* указывает на его принадлежность к существительным. Показателен в связи с этим пример иного перевода композита αἰμοβόρος в другом месте Супрасльской рукописи: в греческом оригинале Жития Дометия тоже встречается композит αἰμοβόρος, но для его передачи была потребность создать композит-прилагательное. Оно и было создано с характерным для узуса преславских книжников суффиксом прилагательных *-iv-*: крѣвоѡднѣнъ ‘кровожадный’ (ὡς λέοντες οἱ αἰμοβόροι — акъи льѣн крѣвоѡднѣнн Супр 216,22–23).

О самостоятельности «словообразовательной стратегии» славянских книжников говорит и известная перемена мест компонентов в старославянских композитах в сравнении с греческими образцами, особенно в образованных на базе глагола лѡвѣтн (т. е. с корнем *-лѡвѣ-* в опорном компоненте — ср., например, φίλοπτοχος → нщѣлѡвѣць в Евх 70b 12–13 и т.п.). То есть славянские книжники архаичной греческой модели композитов предпочитали более современную старославянскую модель. Встречаются старославянские композиты на базе этого глагола и без перемены мест компонентов, но они как раз отражают изменение «словообразовательной стратегии» книжников в сторону возможно бóльшей лингвистической точности перевода. Впервые мы наблюдаем это явление в переводах преславских книжников. Ср., например: φίλοπτοχος → нщѣлѡвѣць в Евх 70b 12–13; φίλοπτοχος → лѡвѡннѣ в Супр 120, 2–3 [18. S. 125–126].

Как уже подчеркивалось выше, старославянский лексикон формировался по мере осуществления очередных переводов на старославянский язык (главным образом, с греческого языка). Обычно палеослависты говорят о «византийском» этапе становления старославянского языка (т.е. до приезда свв. Кирилла и Мефодия в Моравию), «великоморавском» этапе и «балканском» этапе, связанном с расцветом Преславского и Охридского центров письменности. Круг переводимых греческих текстов расширялся постепенно — от самых необходимых в богослужении до агиографической литературы, предназначенной для «домашнего» чтения, и богословских трактатов. В этом переводческом процессе так же постепенно

пополнялся и старославянский лексический инвентарь — за счет как «готовых» слов, т. е. лексикой народной славянского речи того времени (нередко с расширением семантического объема) и книжными заимствованиями из греческого, так и за счет слов — результатов словотворчества самих славянских книжников. Эту постепенность вхождения в старославянский лексический инвентарь новых слов, особенно слов, создаваемых самими книжниками, чрезвычайно важно учитывать при изучении механизмов номинации в старославянском языке.

В частности, решение вопроса о том, являлось ли старославянское сложное слово калькированным композитом или дериватом от композита, зависит от учета обстоятельств его вхождения в старославянский лексический инвентарь. Так, например, в переводе Евангелия-апракос и Псалтыри, т. е. на самом начальном этапе становления старославянского лексикона, в него вошло сложное слово *благоволение* (которое затем прочно в нем закрепилось и стало высокочастотным): Лк 2:14: Δόξα ἐν ὑψίστοις θεῶ, καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη· ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία. — въ ѹѣѡхъ *благоволенне*. Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Лк 10:21: ναί, ὁ πατήρ, ὅτι οὕτως ἐγένετο εὐδοκία ἐμπροσθέν σου. — еи оѣѡѡ тако бѡистъ . *благоволенне* прѣдъ товоѡ . Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 5:13: ὡς ὄψω εὐδοκίας ἐστεφάνωσας ἡμᾶς — ѡко ѡитомъ *благоволенъ* вѣньѡалъ нзи еси . Син.

Если оставить в стороне принцип учета обстоятельств вхождения переводящей лексемы в старославянский лексический инвентарь, образование сложного слова *благоволение* можно было бы рассматривать и как чистое сложение по модели «основа (благ-) + целое слово (воление)» при непосредственном калькировании греч. *εὐδοκία* (образованного, правда, по другой модели) — тогда его следовало бы признать композитом, и как дериват с суффиксальным комплексом *-enĭj(e)* от глагола-композита *благоволентн*, кальки глагола *εὐδοκεῖν*. Однако слово *воление* было на периферии старославянского лексикона и, видимо, вошло в него относительно поздно, гораздо позже перевода Евангелия-апракос и Псалтыри: его не только не фиксируют старославянские словари [2; 3], но известен, кажется, единственный пример с этим словом — в Пандектах Антиоха по древнерусскому списку XI в. ([31. Т. I. Ст. 289], тот же пример по Великим Минеям-Четьим XVI в. приводит и Словарь русского языка XI–XVII вв. [36. С. 313]). С другой стороны, глагол-композит *благоволентн*, калькирующий глагол-композит *εὐδοκεῖν*, вошел в старославянский лексический инвентарь также на самом начальном этапе его становления, в процессе перевода Евангелия-апракос и Псалтыри: Мт 3:17: Οὗτός ἐστιν ὁ υἱός μου ὁ ἀγαπητός, ἐν ᾧ εὐδόκησα. — съ естъ снъ мон . вѡзлюбленъ . о немъ же *благоволенъ*. Зогр, Ас, Сав; Пс 39:14: εὐδόκησον κύριε τοῦ ρύσασθαί με — *благоволи* ꙗ нзбавити мя . Син. Учитывая это обстоятельство, образование сложного слова *благоволение* следует, очевидно, рассматривать как деривацию от глагола-композита *благоволентн*.

При изучении способов образования старославянских сложных слов необходимо также учитывать, что слово, введенное книжниками

в старославянский лексический инвентарь из народной славянской речи или созданное ими самими для перевода определенного греческого слова определенной морфемной структуры, затем могло употребляться для перевода и других греческих слов, другой морфемной структуры. В отношении старославянских калек-композитов это наблюдение впервые, кажется, сделала Э. Благова [37. S. 261–262), хотя оно справедливо и в отношении слов другой морфемной структуры и другого происхождения [38. С. 411–412]. Игнорирование этого обстоятельства может привести к «далеко идущим выводам». Так, например, в упомянутой выше монографии Н.Н. Низаметдиновой 2013 г. рассматривается группа старославянских сложных слов калек с греческого. В качестве примера случая, где «перевод греческих сложных слов был сопряжен с образным переосмыслением их семантической структуры», приводится пара жестосръдз – θηριώδης [10. С. 72]. Автор монографии исходила из убеждения (очень распространенного, к сожалению, среди лингвистов), что лексикон старославянского языка (IX – начала XI в.) исчерпывающе представлен в Старославянском словаре 1994 г. [2], словник которого составлен на основе «классических старославянских» рукописей. Между тем уже в статье 2007 г., в которой мы предлагали рассматривать старославянское калькирование как специфический способ словообразования, нами был указан способ создания композита жестосръдз(зин) в процессе перевода стиха Притч 17:20 путем калькирования греч. σκληροκάριος с точным семантическим соотношением корней – в ряду других композитов с «готовым» опорным компонентом сръдъ [18. S. 120). Не приходится сомневаться, что употребленный в соответствии с θηριώδης (в словосочетании τὰ θηριώδη ἔθνη) в переводе Слова Епифания Кипрского «На погребение Христово» композит жестосръдз(зин) и обнаруженный Н.Н. Низаметдиновой в Супрасльской рукописи¹⁰, был уже введен в старославянский лексический инвентарь ранее, при переводе Паремейника, начало которому, как известно, было положено в великоморавский период деятельности свв. Солунских братьев, хотя древнейшие из дошедших до нашего времени списков Паремейника и относятся к XII–XIV вв. Ср. в древнейшем Григоровичевом паремейнике (в субстантивном употреблении): ὁ δὲ σκληροκάριος οὐ συναντᾷ ἀγαθοῖς – а жестосръдзѣ не оутзкнетъ са благѣнхъ . Притч 17:20 Григ.

Разумеется, слово, созданное и введенное в старославянский лексический инвентарь славянскими книжниками, в дальнейшем могло «обратиться» собственными дериватами, т. е. в образовании нового сложного слова уже не участвовали отношения в сфере «текст → текст», заключающиеся в процессе непосредственного калькирования определенного слова греческого текста, а участвовали только парадигматические связи внутри

¹⁰ Текст следующий: τῆς τὰ θηριώδη ἔθνη πάντα ἐκ κατακλυσμοῦ ἀσεβείας διὰ περιστερᾶς ἀγίου πνεύματος διασωσάσης – сзпасзшии жестосръдзѣ вса аззкзи . отз потопа нечстнѣ . голзбемз сѣаго доуха . Супр 460,17. Супрасльская рукопись, тексты которой были либо переведены изначально преславскими книжниками, либо в большей или меньшей мере подвергнуты их редакции, входит в «старославянский канон», и лексика ее включена в словник Старославянского словаря 1994 г. [2].

старославянского лексикона. Так, например, в той же Супрасльской рукописи, но в Слове на Вербное воскресенье обнаруживается (тоже в субстантивном употреблении) сложное слово жестосръднвз(зин) — дериват от композита жестосръдз(зин) с характерным для узуса преславских книжников суффиксом *-iv-*. В данном случае старославянское слово используется для перевода уже однокорневого (не сложного) слова ἀχάριστος: Ακούσατε οἱ ἀχάριστοι, τί εὐαγγελίζεται ὑμῖν ὁ προφήτης Ζαχαρίας — сазшнте жестосръднвнн . что вамъ благовѣстнтъ захарна пророкъ . Супр 324,16.

Таким образом, есть, на наш взгляд, все основания образование подавляющего большинства старославянских сложных слов, представленного созданными самими славянскими книжниками композитами, рассматривать (за небольшими исключениями типа *δανειστής* ~ *занмодавьць*) как специфический способ словообразования, который, как мы отмечали уже в статье 2007 г. [18. S. 128], был по подобию двуликого Януса обращен сразу в две стороны: во-первых, к слову греческого оригинала, чью морфемную и семантическую структуру он воссоздавал с помощью калькирования славянскими морфемами, и, во-вторых, к старославянскому словообразовательному механизму с его моделями, словообразовательными средствами, общей словообразовательной стратегией славянских книжников.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас — Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Ват — Ватиканское евангелие, древнеболгарская рукопись XI в.
Григ — Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII вв.
Евх — Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Зогр — Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Мар — Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Мат — Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.
Охр — Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Сав — Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Син — Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Слепч — Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.
Супр — Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Христ — Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.
Шиш — Шишатовакский апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
2. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
3. *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1958–1997. T. I–IV.
4. *Zábranský L.* Kompozita ve staroslověnině / Compounds in Old Church Slavonic (disertační práce). Praha, 2010. <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/140008934/?lang=cs>.

5. Zett R. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode. Köln, 1970.
6. Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 519–556; Berlin, 1899. Bd. 21. S. 28–43.
7. Вялкина Л.В. Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.
8. Досева Ц.Г. Имена за лица в Новгородските минеи от 1095–1097 г. Дисертационен труд за присъждане на образователната и научна степен “доктор”. София, 2013.
9. Fält E. Compounds in contact: A Study in Compound Words with Special Reference to the Old Slavonic Translation of Flavius Josephus’ Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου. Uppsala, 1990.
10. Низаметдинова Н.Н. Сложные слова в русском языке XI–XVII вв.: словообразовательная структура, семантика, морфемика. М., 2013.
11. Лопатин В.В., Улуханов И.С. О некоторых принципах морфемного анализа слов: (К определению понятия сложного слова в современном русском языке) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1963. Т. 22. Вып. 3.
12. Низаметдинова Н.Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII вв. М., 2013.
13. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
14. Ефимова В.С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
15. Кривко Р.Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.
16. Ефимова В.С. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М., 2002.
17. Ефимова В.С. Лексикология старославянского языка: проблемы и методы исследований // Лексикология и лексикография славянских языков (в печати).
18. Ефимова В.С. О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // Вуцантинოსlavica. Praha, 2007. Т. LXV. Fasc. 2.
19. Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
20. Ефимова В.С. К вопросу об изучении калькирования в старославянском языке // Славяноведение 2015. № 2.
21. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
22. Илиева Т. Поморфемният принцип на превеждане в ЕзF.I.461 // Lettera et lingua, пролет – лято 2013. Електронно списание за хуманитаристика. http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2013/1_2/ilievat.
23. Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris, 1968, 1970, 1974, 1977. Т. I–IV.
24. Robinson M.A., Pierpont W.G. The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass., 2005.
25. Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. 5-th ed. London, 1952. Vol. I–II.
26. Заимов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.
27. Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιατοῦ. Ἐν Ρώμῃ, 1888. Т. I.
28. Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.
29. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960–1972. Bd. I–III.
30. Ильина книга (XI в.): Исследования. Указатели / Подгот. В.Б. Крысько, И.М. Ладженский, Т.И. Межиковская / Под ред. В.Б. Крысько. М., 2015.
31. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I–III.
32. Поп-Атанасова С., Костовска В. Лексиката во поетските творби на Климент Охридски. Скопје, 2005.
33. Христова И. Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994.
34. Крашенинникова О.А. Древнеславянский Октоих св. Климента архиепископа Охридского: по древнерусским и южнославянским спискам XII–XIV веков. М., 2006.
35. Ефимова В.С. О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов) // Славянский альманах 2012. М., 2013.

36. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2.
37. *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // *Slavia*. Praha, 1996. Roč. 65.
38. *Ефимова В.С.* Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах // *Славянский альманах 2013*. М., 2014.

РОССИЙСКИЙ ГАРНИЗОН В ГАДЯЧЕ В 1664–1668 ГОДАХ (ЭПИЗОД СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННО- АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИСУТСТВИЯ НА УКРАИНЕ)

© 2018 г. В.С. Великанов

*Канд. эконом. наук, эксперт фонда «Русские витязи»
E-mail: vladvelikanov@inbox.ru*

Статья посвящена судьбе российского гарнизона в Гадяче в 1664–1668 гг., на примере которого наглядно показаны все проблемы, с которыми сталкивалась царская администрация в малороссийских городах: это нехватка финансирования и снабжения и общая неурегулированность отношений с местными властями и населением.

The article is dedicated to the Russian garrison in Gadyach in 1664–1668. It describes in details all problems the Russian administration met in Malorussia (Little Russia), such as lack of financing and supply, general mess in communication with the local authorities and population.

Ключевые слова: Малороссия, Гадяч, война 1654–1667 гг., мятеж Брюховецкого.

Keywords: Malorussia, Gadyach, War of 1654–1667, Bryukhowecki's revolt.

DOI: 10.31857/S0869544X0000463-2

История становления российского военно-административного присутствия в малороссийских городах в 1660-х годах до сих пор недостаточно изучена в отечественной историографии. Необходимо отметить, что основные вопросы, связанные с появлением царских воевод и гарнизонов на Украине, подробно разобраны в научных исследованиях Ф.П. Шевченко и Я.А. Лазарева, а также в работах И.Б. Бабулина, А.С. Алмазова, А.О. Иваненко, И. Игнатенко, П.В. Пирога и др. [1–2]. Тем не менее, многие вопросы функционирования российской администрации в малороссийских городах изучены лишь в самых общих чертах, и одной из таких малоизвестных страниц является судьба царского гарнизона в Гадяче. Царские ратные люди появились в этом городе не сразу. Первоначально в 1654 г. воеводы и гарнизон были введены лишь в Киев, и только в 1659 г. российское военно-административное присутствие было расширено еще на три малороссийских города: Переяславль, Чернигов и Нежин. Все эти

города еще с польских времен пользовались правами широкого городского самоуправления (так называемое «магдебургское право»), которые были в 1654 г. подтверждены царем Алексеем Михайловичем. В них полностью сохранялось местное самоуправление и судопроизводство, и права воевод сводились, по сути, лишь к представительской функции, а также администрированию части налогов, шедших на содержание гарнизонов и укреплений, и обеспечению охраны и безопасности в городе. В 1660–1663 гг. царское правительство старалось соблюдать Переяславские статьи, и российское военно-административное присутствие было ограничено лишь указанными четырьмя городами, хотя отдельные воинские отряды могли на ограниченный срок вводиться и в другие города (например, Белая Церковь, Канев, Кременчуг и др.).

Появление царского воеводы и гарнизона в Гадяче связано с именем гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкого. Новый гетман не имел значимой поддержки среди казачества и весной 1664 г. попросил царское правительство предоставить в его распоряжение в качестве личной охраны двухтысячный отряд царских войск, а также ввести постоянный гарнизон в его столицу – город Гадяч. Надо отметить, что с подобной просьбой о вводе в город царских ратных людей «для защиты от воровских казаков и польских людей» жители Гадяча обращались и ранее, осенью 1663 г. [З. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 538. Л. 72–73], но тогда царское правительство решило не нарушать условий Переяславских статей и не обострять отношения с казаками, отказав мещанам в этой просьбе. Первым гадячским воеводой был назначен стольник Петр Дмитриевич Скуратов, в том же 1664 г. его сменил стольник Кирилл Осипович Хлопов (переведен из Канева), а в 1665 г. – стольник Федор Васильевич Протасьев. В отличие от воевод других малороссийских городов, гадячский воевода первоначально не имел полномочий на управление городом и сбор налогов с местного населения. Его основной задачей было осуществление представительских функций при гетмане, а также его охрана и силовая поддержка. Власть воеводы была ограничена только ратными людьми его воеводского полка и гадячского гарнизона. В 1664 г. вместе со Скуратовым в город были введены 2275 царских ратных людей, включая рейтарский полк Якова Тура и солдатский полк Николая Балка, а также 270 орешковских казаков [З. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 597. Л. 175]. При этом по договоренности с Брюховецким полк Балка был размещен в Гадяче как постоянный гарнизон («жилой полк»), а остальные части были присланы для поддержки гетмана и должны были сменяться каждый год. Летом следующего 1665 г. в окрестностях Гадяча уже были размещены рейтарские полки полковника Якова Тура и подполковника Непейницына, солдатские полки полковников Николая Балка и Анца Олофа Грана и станица донских казаков атамана Андрея Кутепова. В самом Гадяче царские войска были расквартированы по мещанским домам в «нижнем городе» и несли караулы на городских воротах, а замок («верхний город») находился под контролем казачьего гарнизона (200 чел.) гадячского наместника Мамчича и гадячского сотника Павла Животовского.

Нормы снабжения царских ратных людей, находившихся в гарнизонах малороссийских городов, были определены Батуриными статьями 1663 г. В частности, городским воеводам давалось «на прокорм» по мельнице с двумя

колесами, стрелецкие головы и полковники должны были получать продовольствие из расчета по 50 осьмачек ржаной муки на год, подполковники и майоры — по 25 осмачек, ротмистры и капитаны — по 20 осьмачек, поручики, прапорщики и стрелецкие сотники по десять осьмачек, рядовые рейтары, драгуны, солдаты и стрельцы — по четыре осьмачки [4. С. 131]. В частности, гадячскому гарнизону для кормления кроме самого Гадяча были выделены города Опошня, Миргород, Ромны и Котельва. Войтам указанных городов гетманом Брюховецким выдавался лист «чтобы того города жители давали статею (продовольствие в соответствии с нормами, заложенными в Батуриных статьях. — *В.В.*) [...], статею имали, а лишней статеи ни у кого не имали». Однако сами механизм и нормы сбора различных видов продовольствия в соответствии с указанными «статейями» не были четко зафиксированы, что приводило к многочисленным нарушениям и хозяйственным конфликтам между русскими гарнизонами и местными властями. Например, при размещении рейтар Непейцына в Миргороде в 1665 г. миргородскому войту был послан указ Брюховецкого давать русским «начальным и рядовым ратным людям и конем их всякую стацею без отказа». Непейцын, предвидя возможные недоразумения, попытался уточнить у гетмана нормы снабжения своих людей, но в ответ получил расплывчатую фразу «статею имать в городах, которые ему указы, что ему надобно» [5. С. 288–289]. На практике это выглядело следующим образом: в населенный пункт присылался офицер с небольшой командой, задачей которой было собрать в соответствии с некими «листами» необходимое продовольствие, причем не только муку, но и мясо, яйца, молоко, масло и другие продукты. Местным жителям выдавались расписки («росписи») с указанием собранных припасов, на основании которых городские власти отправляли затем сводную ведомость гетманскому обозному Ивану Кусту, которому Брюховецкий поручил следить за снабжением царских войск. Вместе с офицером отправлялся и представитель от гетмана, следивший за тем, чтобы «стацею по мере брали, а не с досадою». В ряде случаев, гетманские представители вступали в конфликт с царскими ратными людьми из-за неправомерности ряда поборов, в частности, в Опошне капитан Трутман и его команда одного прикомандированного казака избили, а другого заставили уехать обратно в Гадяч [5. С. 300]. Во время пребывания продовольственной команды в местечке ее снабжение осуществлялось местными жителями сверх «статей», причем часто царские ратные люди злоупотребляли своими правами. Например, капитан Никита Владиславлев задержался в такой командировке на пять с половиной недель, и все это время пьянствовал за счет хозяев, выпив две бочки и 22 ведра («цедро») пива [5. С. 302]. Подобная нечеткость в процедуре привела к многочисленным разночтениям между царскими ратными людьми и местными жителями как в количестве необходимых припасов, так и в фактически собранных объемах. В частности, в том же Миргороде, по данным Непейницына, с июля 1665 по февраль 1666 г. было взято 185 осмачек житной муки, три осмачки круп, четыре пуда коровьего масла, 84 кварты вина, 50 кур, десять яловиц, 41 баран и другое продовольствие. По данным же городских властей, кур было 62, а не 50, кроме того, были взяты 15 осмачек овса, 172 воза сена и др. В подтверждение своих слов войт предъявлял расписки, подписанные самим Непейницыным [5. С. 288–289]. Этот конфликт был не единственным, и обилие жалоб на царское имя от малороссийских жителей «на насильства и обиды

нестерпимые» привело к тому, что в январе 1666 г. был назначен особый «розыск» (расследование), который был поручен товарищу белгородского воеводы стольнику Петру Андреевичу Измайлову. Розыск продолжался почти полгода (с января по июнь 1666 г.), и в сохранившихся бумагах Измайлова мы можем найти множество красочных деталей, касающихся взаимоотношений царских гарнизонов и местных жителей. Расхождения в данных о собранном продовольствии у царских офицеров и городских властей встречаются не только в Миргороде, но и в Ромнах и Опошне. В Опошне, где квартировала часть полка Балка, ратные люди отказывались выдавать расписки за взятые припасы («всей стаеи в расписках не писали»), либо указывали неверные данные. Например, по данным Балка, его людьми в Опошне было собрано 454,5 осмачек ржаной муки и 118 ова, а по данным войта Макаренко — 531 и 180 соответственно [5. С. 301]. Надо отметить, что расхождения в учете возникали и между представителями царской администрации. В частности, полковник Анц Олоф Гран, квартировавший со своим полком в Котельве, обвинил воеводу Протасьева в приписках лишних людей в книгах для выдачи месячных кормов, а когда это было обнаружено полковником, то воевода якобы попытался подговорить поручика Петра Мичурина убить его. В свою очередь воевода жаловался на Грана за непослушание.

Кроме проблем со сбором и учетом продовольствия, розыск Измайлова также выявил многочисленные бытовые конфликты с участием царских ратных людей и местных жителей. Одна из наиболее ярких историй произошла 2 ноября 1665 г. в Гадяче. В гости к майору полка Балка Гедону Франку приехали рейтарский полковник Яков Тур и ротмистр его полка Мартын Болман. После обильных возлияний пьяные гости пошли гулять по ночному городу, где между ними и несколькими местными жителями произошел небольшой конфликт. Один из мещан убежал от офицеров в «верхний замок», где на карауле стояли городовые казаки. Казаки отказались пустить офицеров в замок, и взбешенный Тур вернулся в город, где собрав несколько царских солдат и офицеров, повел их на штурм замка: «к замку приступал, и по воротам из ружья стрелял и шпагою ворота рубил!» Не сумев попасть в замок, Тур двинулся к городской тюрьме, где разогнал нескольких стражников и выпустил на свободу содержавшихся там 22 пленных поляков и двух немцев [5. С. 277–281]. Другой участник того же застолья, капитан Вилим Полсон, возвращаясь домой, по ошибке приехал во двор городского писаря Федора Трушенка и начал ломиться внутрь. Вышедший на шум хозяин двора ударил его лопатой и заперся в доме. Тогда Полсон позвал на помощь своих солдат, которые выбили дверь и скрутили хозяина. Разобравшись в ошибке, Полсон удалился, но Трушенку были нанесены побои, и кроме этого в суматохе из дома пропали многие вещи [3. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 585. Л. 43–57; 3. С. 280–282]. Еще ранее, 1 сентября 1665 года, тот же Тур стал участником другой пьяной выходки, уже в городе Котельва, где квартировал его полк. После празднования наступления Нового года (до 1700 г. календарный год в Российском государстве начинался 1 сентября) он пьяным ездил по городу, стреляя по сторонам из пистолета («стрелял на дворы ездя по рынку»), при этом одна из пуль чуть не попала в котельвинского наказного полковника Ефима Вечерку [5. С. 291]. По результатам розыска

Полсон был наказан батогами, о каких-либо последствиях для Тура и Болмана упоминаний в материалах дела нет. Также в материалах следственного дела Измайлова упоминаются многочисленные кражи, поборы и драки между солдатами гарнизона и местными жителями. Некоторые истории носили почти детективный характер: ночью 31 октября на рынке Гадяча неизвестными была ограблена лавка мещанина Трофима Трегуба, и украдено денег и товара на 500 рублей, при этом караульные во главе с поручиком Кондратом Меером, стоявшие всю ночь на посту в 15 метрах («7 саженьях») от места происшествия ничего не видели и не слышали [5. С. 286–287]. Любопытно отметить, что практически все описанные конфликты заканчивались примирением сторон, причем пострадавшие местные жители сами просили о смягчении наказания. Это, на мой взгляд, подчеркивает бытовой и не экстраординарный характер происшествий.

В 1665 г. царское правительство решило упорядочить численность царских гарнизонов в малороссийских городах, а также правила и нормы их снабжения и финансирования, переложив эту обязанность полностью на местное население. В соответствии с Московскими статьями 1665 г., вся территория Малороссии была разделена на 15 уездов, во главе каждого из которых был поставлен царский воевода, отвечавший за сбор продовольствия и налогов на подведомственной территории. В ноябре того же года в дополнение к указанным статьям царем были утверждены и нормы денежного и натурального налогообложения для мещан и селян. В частности, хлеб для гарнизонов малороссийских городов должен был собираться по следующим нормам: «с поселян с плуга со 8 волов по полумерке ржи и овса пополам, денег по рублю, а в мерке 8 осьмачек; а в котором плуге 6 или 4 или пара волов или лошадь, а лошадь в плуге против двух волов, и с тех имати хлебные и денежные доходы по расчету против осьми волов, чтоб мещаном и поселяном во время войны было не втягость» [1. С. 250–251]. Гадяч, с одной стороны, был отдан во владение гетману, но при этом в городе размещался царский гарнизон и воевода, которые должны были содержаться за счет самого города и прилегающего уезда: «а в волости Гадицкой Зиньковского полку те города обретаются: Котельва, Опошня, Кузьмин, Грунь Черкасская, Зиньков, Лютенька, Веприк, Комышная, Ковалевка, Бурок» [4. С. 146]. Однако численность гарнизона и размер собираемых на его содержание налогов и припасов вновь нигде в документах определены не были, что привело к проблемам с его снабжением. Брюховецкий указанные статьи трактовал таким образом, что за счет местных жителей должен был содержаться только жилой солдатский полк Балка, а присылаемые на «годовалую службу» белгородцы должны были содержаться за счет царской казны, и с середины 1666 г. постепенно начал сокращать поставку продовольствия «по стацеям». Определенную поддержку такой позиции оказали и уже упоминавшиеся результаты розыска Измайлова, вскрывшего многочисленные злоупотребления в сборе припасов и бесчинства со стороны ратных людей. В свою очередь, царское правительство никак не отреагировало на изменение практики содержания гадячского гарнизона и не предприняло никаких мер для дополнительного снабжения продовольствием и присылки денежного довольствия. Причем ситуация усугубилась в начале 1667 г., когда из-за бюрократической не-

точности на службу в Гадяч не была прислана очередная смена белгородских ратных людей. По царскому указу от 5 января 1667 г. белгородский воевода Репнин должен был послать перемену в гарнизоны Киева и Полтавы, но в списке не был упомянут Гадяч. Воевода не посмел ослушаться указа и запросил Москву, что ему делать [3. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 597. Л. 176]. Переписка затянулась, и новая партия белгородцев отправилась на службу лишь в начале лета. Не получая денег и кормов, ратные люди в Гадяче начали массово уезжать со службы, причем это касалось не только рядовых солдат и рейтар, но и офицеров. Упомянутый нами полковник Яков Тур, не получив своевременно жалования за несколько месяцев, самовольно уехал в том же 1666 г. из места дислокации своего полка (Котельвы) в Белгород требовать причитающихся ему за службу денег. В Белгороде дьяки отказались выплачивать ему жалование, сославшись на отсутствие соответствующих указаний из Москвы, и Тур уехал «искать правду» в столицу. Вслед за ним из Гадяча в Москву за своим жалованием без разрешения воеводы уехали полковники Николай Балк и Анц Олоф Гран, ротмистры Мартин Болман и Анц Ульф, капитан Григорей Гамберк, поручики Андрей Беш и Кондрат Мер, прапорщики Анц Албрехт Канкстен, Яган Гренсон и Николай Балк (старший сын полковника Балка). Гадячский воевода Федор Протасьев, с одной стороны, пожаловался в Москву на их побег со службы, но в то же время указал, что причинами такого поступка были «притеснения гетмана» и «нестерпимые нужды», выражавшиеся в задержках поставок продовольствия и выплаты жалования. В столице рассмотрение дела беглых офицеров затянулось до весны 1667 г. К этому моменту война с Польшей уже завершилась, у государства отпала необходимость в содержании большого количества иноземных офицеров, и царское правительство решило использовать данную ситуацию для того, чтобы уволить всех беглых офицеров со службы и выслать их из страны без выплаты причитающегося жалования: «отпустить в свои земли, а за тот их побег [...] за прошлые службы кормов их не дано; а буде вскоре не поедут, выслать их с Москвы за приставы» [6. С. 208]. Однако, несмотря на царский указ, как минимум часть указанных офицеров осталась в России и продолжила службу. В частности, полковник Николай Балк уже в следующем, 1668 г. показан полковником солдатского полка в Каменном на Белгородской Черте и продолжал служить как минимум до 1689 г. Его сыновья Николай и Фридрих (Федор) также служили в царской армии, и младший из них, Федор Николаевич Балк (1670–1738), в итоге дослужился до чина генерал-поручика, кавалера ордена Александра Невского и должности московского губернатора (с 1734 г.). Яков Тур тоже продолжил службу в России и в 1670-х годах принял активное участие со своим рейтарским полком во всех походах на Правобережную Украину. Также удачно сложилась карьера и у Мартина Болмана, который дослужился к началу XVIII в. до чина генерал-майора и коменданта Азова.

На смену полкам Грана и Тура летом 1667 г. в Гадяч были отправлены рейтарский полк Ягана Гулица (27 начальных людей и 866 рейтар) и солдатский Дирика Графа (29 начальных людей и 787 солдат), а также 142 путивльских и черниговских дворян, и детей боярских, и верстанных казаков. В том же году на смену Протасьеву на воеводство в Гадяч был назначен Евсей Огарев. Согласно его отписке, из числа назначенных в

гадячский гарнизон ратных людей так и не явились на службу 715 чел. (33 дворянина, 535 рейтар и 147 солдат). Гетман Брюховецкий отказался снабжать белгородцев продовольствием, согласившись дать припасы лишь «старым солдатам» Балка, а царского жалования им было дано всего лишь на два месяца [7. Т. 7. С. 28–29]. Оказавшись без денег и еды, ратные люди начали массово убегать со службы и к началу января 1668 г. число дезертиров превысило тысячу человек. Беглецов, которые бежали по домам в центральные районы страны, как правило, ловили и отправляли обратно на службу. Например, в 1667 г. в Москве были пойманы и отправлены обратно в Гадяч 34, а затем еще 16 солдат. Еще одного, Ивана Назарьева, нашли в Ростове и также отправили обратно в полк Балка. В Севске были пойманы еще 33 беглеца [3. Оп. 9Е. Столбцы Севского стола. № 221. Л. 57–60, 170–177, 287–297]. Все они были высланы обратно на службу в Гадяч. Иначе дело обстояло с ратными людьми, набранными в приграничных белгородских уездах. Огарев посылал в эти города для розыска беглецов своих офицеров, но те «начальным людям учинились непослушны, на службу Великого государя в Гадяч не пошли». При этом в ряде случаев местные власти вставали на сторону служилых людей, например, в Новосиле воевода Павел Андреевич Неплюев разрешил местным рейтарам не ехать на службу в полк Гулица, сославшись на их «разорение от крымских и воинских людей» [3. Оп. 9Е. Столбцы Севского стола. № 216. Л. 302–308]. В результате по состоянию на 3 января в Гадяче в наличии имелось всего лишь 649 чел.: 109 путивлян и черниговцев, 288 чел. солдатского полка Николая Балка, 50 белгородских рейтар (включая 23 офицера) и 202 чел. полка Дирика Графа [7. Т. 7. С. 28–29]. На усиление гарнизона из Севска были срочно отправлены 100 московских стрельцов, которые прибыли в Гадяч буквально накануне мятежа Брюховецкого.

Мятеж в Гадяче начался 4 февраля. В этот день Брюховецкий в ультимативной форме потребовал от Огарева сдать порох и пушки и вывести царский гарнизон из города. Воевода поверил обещанию гетмана обеспечить беспрепятственный выход его людям до российских рубежей и согласился вывести гарнизон. Однако когда царские ратные люди подошли к городским воротам, то выяснилось, что они закрыты, и в этот момент гарнизон был неожиданно атакован казаками и мещанами. По словам рейтарского полковника Я. Гулица, его рейтары, шедшие в голове колонны, уже успели покинуть город, но затем казаки закрыли городские ворота, и не выпустили стрельцов и солдат во главе с воеводой. В этот момент некий «заводчик» Бугай набросился с саблей на Огарева, а остальные казаки напали на оставшихся в городе царских ратных людей. К сожалению, точно неизвестно, что послужило причиной этого нападения: была ли это заранее спланированная акция, либо причиной оказался какой-то инцидент. Несмотря на неожиданность нападения, Огареву и его людям удалось вырваться из города («воевода с не с большими людьми за город было пробились»), но бой продолжился в окрестностях Гадяча. Казакам удалось окружить и после недолгого боя сломить сопротивление остатков царского гарнизона, часть ратных людей была перебита, а большинство попало в плен. [7. Т. 8. С. 56]. Спасшийся при этом разгроме рейтарский прапорщик Индрик Еганов позднее рассказал, что в неравном бою погибли около

70 стрельцов и 50 солдат. Лишь около 30 человек стрельцов смогли вырваться из города, но многие из них были ранены («руки и ноги и головы познобили») и впоследствии умерли от ран. Остальные, включая полковников Я. Гулица, Д. Графа и еще около двух десятков офицеров, попали в плен. Брюховецкий через несколько дней отправил пленных рейтар и солдат под конвоем на подводах в российские пределы, а всех офицеров оставил при себе, и впоследствии они попали в руки к П. Дорошенко. Воевода Огарев был тяжело ранен в голову, и оставлен на лечение у гадячского протопопа, но так и не смог поправиться и через несколько недель умер. При этом казаки надругались над его женой («поругались, титку у нее отрезали»). Сам Еганов спасся в погребе у хозяина дома, где квартировал. Пересидев там три дня, прапорщик тайком выбрался из города и прибыл в Севск [7. Т. 7. С. 46–47]. В ситуации с избиением гадячского гарнизона царя Алексея Михайловича больше всего поразило то, что Брюховецкий «без всякие причины, невинное над Московские служилые люди, которые в Гадяче его же богоотступника оберегали, кроворазлитие учинил» [7. Т. 7. С. 49]. Первая ответная реакция была довольно жесткой и затронула даже не участвовавших в этих событиях жителей Гадяча: по царскому указу все находившиеся в российских пределах мещане должны были быть схвачены и высланы на вечное жительство в сибирские города [3. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 623. Л. 553–554]. Осенью 1668 г., когда царские войска вновь установили контроль над Левобережьем, жители Гадяча справедливо опасались расправы и репрессий за февральские события, но к этому моменту эмоциональное впечатление, видимо, уже прошло и царские власти были настроены замирились с казаками, и никакого наказания для города не последовало.

Разгромом гарнизона Огарева в феврале 1668 г. закончилась недолгая история российского военно-административного присутствия в Гадяче в XVII в. Избранный на смену Брюховецкому гетман Демьян Многогрешный сделал своей столицей Батурин, а присутствие царских воевод и гарнизонов Глуховскими статьями 1669 г. вновь было ограничено четырьмя городами: Киевом, Переяславлем, Черниговом и Нежиным. Тем не менее пример Гадяча позволяет показать насколько сложными и неоднозначными были правила и условия пребывания царских ратных людей в малороссийских городах. С одной стороны, они регулировались базовыми условиями договоров между российским правительством и гетманами, а также казачьей и городской старшиной. В то же время данные договоры прописывали лишь общие принципы и оставляли «за скобками» процедуры и нормы снабжения и финансирования царских гарнизонов, что приводило к системным проблемам и конфликтам во взаимоотношениях с местным населением. В частности, в Гадяче проблемы с продовольствием и невыплатой жалования во второй половине 1667 г. привели к фактическому дезертирству большей части гарнизона и утрате им боеспособности, что во многом способствовало его разгрому в феврале 1668 г.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ І ІСТОЧНИКИ

1. *Шевченко Ф.П.* Русские воеводы на Украине. Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII века. // Историчні студії: Збірка вибраних праць та матеріалів (До 100-річчя народження). Київ, 2014.
2. *Лазарев Я.А.* «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700–1727 гг.: эволюция институтов и их статуса: диссертация ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012; *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015; *Бабулин И.Б.* Каневская битва 16 июля 1662 года: забытая победа. М., 2015; *Алмазов А.С.* Украинские казахи: нежинские полковники и великороссийские нежинские воеводы в 1660–1680-е гг.: конфликты и сотрудничество // Громадянські протистояння в історії України: від непорозуміння і розбрату до національної консолідації: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, приуроченої до 350-ї річниці Чорної Ради в Ніжині (26 червня 2013 р., м. Ніжин). Ніжин, 2013; *Іваненко А.О.* До питання чисельності особового складу царських гарнізонів Лівобережної Гетьманщини після укладення «Московських статей» 1665 р. // Гілея: науковий вісник. Київ, 2014. Вип. 85; *Ігнатенко І.* До питання про чисельність московських військ, що брали участь у російсько-українській війні 1668 р. // Гетьман Петро Дорошенко та його доба в Україні: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, приуроченої до 350-ї річниці початку гетьманування Петра Дорошенка (16 жовтня 2015 р., м. Київ). Ніжин, 2015; *Пирог П.В.* К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // Отечественная история. 2003. № 2.
3. Российский Государственный Архив Древних Актов. Ф. 210. Разрядный приказ.
4. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским. М., 1858. Ч. I.
5. *Оглобин Н.* Розыск 1666 г. о злоупотреблениях московских ратных людей в Малороссии // Киевская старина. 1895. № 12.
6. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1853.
7. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1872; Т. 7. 1657–1663, 1668–1669. СПб., 1873. Т. 8: 1668–1669, 1648–1657.

ЕЩЕ РАЗ О ЯНЕ СОБЕСКОМ, В.М. ТЯПКИНЕ И БАЛТИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

© 2018 г. А.В. Богатырёв

*Поволжский православный институт им. Святого Алексея,
Митрополита Московского
E-mail: sob1676@yandex.ru*

В сообщении исследуется информированность московской резидентуры в Речи Посполитой об активности там шведской дипломатии в связи с противостоянием Людовика XIV и Дома Габсбургов. Установлено, что российский резидент В.М. Тяпкин был в курсе переговоров шведского посла А. Лиллиехёка и польского монарха Яна III Собеского о содействии последнего антигабсбургской коалиции.

The article explores the awareness of the Moscow residency in Rzeczpospolita about the activity of Swedish diplomacy in the Commonwealth in connection with the confrontation of Louis XIV and the Habsburgs. It is established that the Russian diplomat Vasily Tyapkin was aware of the negotiations of the Swedish ambassador Anders Lilliehöök and the Polish monarch Jan III on his assistance to the anti-Habsburg coalition.

Ключевые слова: В.М. Тяпкин, Ян III Собеский, А. Лиллиехёк, Голландская война, балтийский вопрос.

Keywords: Vasily Tyapkin, Jan III Sobieski, Anders Lilliehöök, the Dutch war, the Baltic problem.

DOI: 10.31857/S0869544X0000924-9

В 2016 г. вышла обстоятельная статья доктора исторических наук, профессора Б.Н. Флори, касающаяся политических событий в Балтийском регионе преимущественно в 70-е годы XVII в. Опираясь на материалы первого русского резидента в Речи Посполитой Василия Михайловича Тяпкина (1674–1677), ученый затронул и контакты польского короля Яна III Собеского со Швецией [1. С. 67 и др.]. При этом в стороне осталась миссия главного проводника интересов Карла XI в Польско-Литовском государстве барона Андерса Лиллиехёка, деятельность которого тем не менее не ускользнула от внимания московского дипломата.

Лиллиехёк прибыл в Варшаву в 1674 г., его визит проходил на фоне весьма серьезных потрясений. Атака Людовика XIV на Голландию спровоцировала масштабный конфликт 1672–1678 гг., в который были втянуты

многие политические силы, прежде всего, соперничавшие в могуществе с Францией Габсбурги. А.Н. Попов и Б.Н. Флоря убедительно показали, что московский агент был в курсе общеевропейских событий [2. С. 153, 154; 1. С. 66 и др.]. «Галанской воинской караван, в котором 75 кораблей воинских да иных 45 кораблей же, с воинскими людьми вошли на французскую проливу, а что у их учинится [...] покажет время» [3. Д. 164. Л. 10об.], – докладывал, в частности, Тяпкин.

Шведская Корона выступила на стороне «Короля-Солнце» [4. С. 24–25], удары антифранцузской коалиции, Дании и Бранденбурга-Пруссии были обращены и против нее. В создавшихся условиях возникла потребность в новых союзниках, одного из них Франция и Швеция видели в лице Речи Посполитой, где в 1674 г. на престол был избран сторонник Людовика XIV Ян III.

Для переговоров в Варшаву (впервые за долгое время) в ранге посла с широкими полномочиями [5. S. 26] прибыл Лиллиехёк. В инструкции, переданной ему главой правительства Карла XI Магнусом Габриэлем Делагарди, предполагалось заключение военного союза с Польшей против участников антифранцузского альянса Бранденбурга, Дании, Австрийской империи Габсбургов [6. S. 77; 7. S. 238]. Требовалось объединить усилия и ввиду нараставшего могущества Московского царства [8. S. 8; 5. S. 26, 27; 1. С. 65]. «Поляки с шведами [...] пойдут на Государство Московское» [3. Д. 182. Л. 2], – писал русский резидент.

Ян III и его единомышленники встретили шведского посла чрезвычайно приветливо, о чем последний не преминул сообщить в Стокгольм [5. S. 24]. Собеский уже давно имел определенные намерения в отношении балтийских территорий, а союз со Швецией мог поспособствовать их скорейшей реализации. Общая эта заинтересованность была замечена и Тяпкиным, подробно расписавшим оказанный шведу прием: «Был [...] у королевского величества свейского великой посол [...] Идучи в полату [...], шляпу снял, а королевское величество, увидя ево в дверях, с места встал и слушал посолства стоя. Посол речь говорил по латине, в шляпе [...], как посол свейской шляпу, так и королевское величество шляпу с себя сьмах, егда паки королевское величество положит на главу свою шляпу, тогда и посол говорил в шляпе» [3. Д. 161а. Л. 164об.–165об.]. Особое внимание было обращено на дорогой посольский подарок польскому монарху: «В подарок привез королевскому величеству корету зело изрядну, изукрашену, с шестью [конями] зело добрыми» [3. Д. 161а. Л. 165об.].

Сразу же по приезде в Варшаву «Лилиенгек», как именовал посла Тяпкин [3. Д. 164. Л. 9об.], наладил отношения с французским дипломатом и марсельским епископом Туссенем де Форбен-Жансоном [8. S. 8]. Их близкие контакты, связи Франции и Швеции, не удалось утаить от московского резидента [2. С. 154]. «Тот свейской посол имел у себя на банкете французского посла бискупа и некоторых полских панов, для которых купил сто гарнцев вина венгерского, платил за гарнец по два червонных золотых» [3. Д. 161а. Л. 165об.], – писал он об устроенном в честь французского гостя пиршестве. Объединив усилия, Франция и Швеция намеревались склонить Яна III к антигабсбургскому союзу.

Переговоры, однако, шли не так гладко, как хотелось бы сторонам. Прежде всего, в самой Речи Посполитой имелась оппозиция устремлениям Яна III («так наипаче больше ненавидящих и отнюдь нежелательных»

[3. Д. 164. Л. 54об.]), которую подпитывали австрийский и бранденбургский агенты [2. С. 154; 5. S. 27]. Действовала антишведская агитация, Карл XI изображался в весьма невыгодном свете: «Тиран се есть мучитель великой, потому что многих начальных людей знатных особо своею рукою побил до смерти» [3. Д. 160. Л. 83–83об.].

Среди недругов короля выделялся великий литовский гетман Михал Казимеж Пац [1. С. 65, 67], противодействовали Собескому Лещинские и Огиньские, шляхта и магнаты Малой Польши [9. S. 341]. Б.Н. Флоря установил, что Тяпкин был проинформирован о недовольстве действиями Собеского великополян [1. С. 67]. Также «поморская шляхта по тому же подобию не позволяют итить поляком на прусы чрез свои земли и города» [3. Д. 182. Л. 5об.].

Ввиду этого все встречи проходили в обстановке большой секретности: «С королем [шведский посол] один на один в огороде многожды беседовал, и опричь французских послов, и самого короля, и сенаторей полских о той их думе мало кто ведает, разве с тех, которые к тому их совету согласуютца» [3. Д. 164. Л. 141]. Думается, под «французскими послами» помимо Форбен-Жансона имелся в виду также маркиз Франсуа Гастон де Бетюн [6. S. 61]. Несмотря на все старания польского монарха и его единомышленников скрыть свои намерения, «секрет короля» стал практически секретом Полишинеля [5. S. 29].

Тормозила союзническое дело тяжелая война с Османской империей (1672–1676), которую вела Речь Посполитая. В процессе обсуждений стороны пришли к соглашению: Франция будет всячески способствовать завершению конфликта [10], вытягивавшего из Польши последние силы. Лишь тогда можно будет говорить о полноценном участии Яна III в антигабсбургских планах Людовика XIV и Карла XI.

Слухи о вероятности такого развития событий доходили до московского резидента [1. С. 67]. Тяпкин доносил главе Посольского приказа А.С. Матвееву: «Чрез почту пришла ведомость [...], что сего дня король (Ян III. — А.Б.) из Варшавы в войско имеет выходить, но не для отпору турку, яко для договору» [3. Д. 164. Л. 47об.]. При этом роль посредника в переговорах с султаном отводилась Крымскому ханству [3. Д. 166. Л. 538об.].

В 1675 г. в обстановке секретности был подписан Яворовский трактат, закрепивший соглашение между французской стороной и Яном III [11]. Французы приступили к делу «умиротворения» Турции — отправили посла к османам для заключения польско-турецкого мира [3. Д. 164. Л. 8об.].

Собеского же к договору склонил немаловажный момент: обещание Франции помочь ему в завоевании Княжеской (Герцогской) Пруссии, находившейся в руках бранденбургского курфюрста, для его сына Якуба Людвика [12. S. 125]. Так могла быть подготовлена почва для укоренения в Речи Посполитой королевского древа Собеских. Чаяния монарха об утверждении на польском троне собственной династии обрели четкие очертания, оформились в так называемую «балтийскую политику» 1675–1679 гг. Абсолютистские порывы Яна III подмечались и царским резидентом, указывавшем на попытки Собеского окружить «королевича» почетом, их совместные выезды на церемониальные мероприятия, демонстрацию «наследника» [3. Д. 178. Л. 37; Д. 182. Л. 24] и пр.

Вместе с Яворовским трактатом был подписан и предварительный договор со Швецией. Вести о готовящемся соглашении против Бранденбурга

не были оставлены Тяпкиным без внимания [2. С. 231]. «Много желательных особ явных и тайных паче, которые рады бы такому союзу с шведы» [3. Д. 178. Л. 44], — был убежден Тяпкин. В то же время Лиллиехёк в соответствии с поручениями Делагарди всячески старался довести дело до заключения «вечного мира» [3. Д. 164. Л. 12]. Казалось, этому благоприятствовали доверительные отношения, сложившиеся между Стокгольмом и Яном III, о чем говорит, например, разрешение на осмотр стратегически важного места — Высокого Замка — в ходе визита барона во Львов: «Осматривал всяких городовых крепостей» [3. Д. 178. Л. 30об.—31].

Все будто складывалось как нельзя лучше, однако на коронационных торжествах 1676 г., на которых швед должен был присутствовать как почетный гость, Лиллиехёка почему-то не видели. Некоторые исследователи считают, что посол не смог прибыть на коронацию Яна III из-за финансовых неурядиц [13]. Тяпкин же предлагал иную версию — опасаясь демарша оппозиции, соратники Собеского отговорили его от этого: «И на коронации нынешней [...] в Кракове быти тому послу отрадили» [3. Д. 178. Л. 44]. Тем не менее, контакты не прервались, Лиллиехёк жил в краковском предместье, его посещали королевские представители [2. С. 177—178].

После заключения Журавненского мира с Турцией (17 октября 1676 г.) Собеский в полной мере сосредоточился на балтийских делах. В ноябре того же года он подтвердил свои союзнические обязательства, отправив на помощь шведам против Бранденбурга-Пруссии отряды некоего полковника Рыбиньского: «Послан [...] на посилек свейским тайным обычаем будто сам собою, с которыми войска шесть знамен панцерных и рота гусарская, идучи чрез Литву великое разоренье людям и насилства женскому полу починил» [3. Д. 182. Л. 3—3об.]. Маневр был использован антикоролевской партией, вновь бросившей вызов монарху [14. S. 312.].

На вальном сейме 1677 г. король безуспешно пытался продвинуть свои проекты балтийской политики. Оппозиционно настроенные круги не давали ему ратифицировать мир с турками: «Подольские послы и вся шляхта кричат зело и сопротивляются, не позволяют с турки того покою» [3. Д. 182. Л. 58об.]. Звучали требования продолжения войны с «неверными» и добрососедских отношений с Австрийской монархией и бранденбургским властителем. Ян III вновь был вынужден прибегнуть к «комнатной дипломатии» и под большой тайной продолжить переговоры с Лиллиехёком.

Как видим, московский резидент составил довольно верное представление об основном ходе польско-шведских переговоров, главных задачах свиданий Яна III и Лиллиехёка — военном союзе, «случении» сил для отпора мощи Бранденбурга в рамках общеевропейского конфликта между Бурбонами и Габсбургами. Все это нашло окончательное подтверждение уже после отъезда Тяпкина: в Гданьске польский король и шведский барон сформулировали и подписали 12 пунктов [7. S. 240—241], общий смысл которых сводился к поддержке Швеции против бранденбургского курфюрста и завоевании Княжеской Пруссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Флоря Б.Н.* Наследник А.Л. Нащокина (русский резидент в Варшаве В.М. Тяпкин и балтийский вопрос) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63).
2. *Попов А.Н.* Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854.

3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79.
4. *Кобзарева Е.И.* Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672–1681 гг. М., 2016.
5. *Komaszyński M.* Jan III Sobieski a Bałtyk. Gdańsk, 1983.
6. *Birnbaum K.E.* Johan Sobieski svenska förbindelser 1674–1677 // Karolinska Förbundets Årsbok. Stockholm, 1950.
7. *Jonasson G.* Polska i Szwecja za czasów Jana III Sobieskiego // Sobótka. 1980. № 2.
8. *Woliński J.* Sprawa pruska 1674–1675 i traktat jaworowski // Przegląd Historyczny. 1932. T. 10/30. Z. 1.
9. *Stolicki J.* Elity i szlachta Małopolski wobec polityki bałtyckiej Jana III Sobieskiego // Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej Obojga Narodów ze Szwecją w XVII wieku. Warszawa, 2007.
10. *Кочегаров К.А.* Польско-прусское соперничество на Балтике и Россия в последней четверти XVII в. URL: www.portal-slovo.ru/history/43348.php (дата обращения: 28.03.2018).
11. *PiwarSKI K.* Polityka bałtycka Jana III Sobieskiego w latach 1675–1679 // Księga pamiątkowa ku czci Profesora dr. Wacława Sobieskiego. Kraków, 1932. T. 1.
12. *Kamiński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII w. Dzieje polityczne. Poznań, 2002.
13. *Blomdahl R.* Anders Lilliehöök // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=10324> (дата обращения: 28.03. 2018).
14. *Bobiatyński K.* Michał Kazimierz Pac a polityka bałtycka Jana III Sobieskiego // Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej Obojga Narodów ze Szwecją w XVII wieku. Warszawa, 2007.

ЛЮБЕК – НЕ ЛЮБЕК: Ф.Л. МОРОШКИН В ПОИСКАХ ПРИОДЕРСКОЙ РУСИ

© 2018 г. А.А. Рыбалка

г. Пенза

E-mail: anrike@yandex.ru

Автор статьи рассматривает судьбу в российской историографии исторических свидетельств о существовании в Средние века в западнопоморском городе Любуше на реке Одере русской миссийной епископской кафедры.

The author of the article examines how the Russian historiography was treating historical evidence concerning the existence in the Middle Ages in the Western Pomeranian city of Lubusz on the Oder River of the Russian missionary bishopric.

Ключевые слова: Любуш, русское епископство, Ф.Л. Морошкин, А.Г. Кузьмин, Опатов, Русь на Одере.

Keywords: Lubusz, Russian bishopric, Fedor Moroshkin, Apollon Kuzmin, Opatov, Russia on the Oder.

DOI: 10.31857/S0869544X0000465-4

Рассматривая ранее особенности использования известным советским историком А.Г. Кузьминым, попытавшимся в 60–70-х годах прошлого века реанимировать классический «антинорманизм», инерционных доводов (см. [1]), мы обратили внимание, что основанием для повторения таких доводов обычно является ссылка на реальную или умозрительную авторитетность лица/источника, к коему довод приписан.

Между тем, среди пары сотен доводов-свидетельств, собранных исследователем в пользу отстаиваемой им гипотетической конструкции, встречаются свидетельства, основанные не на ссылке на авторитет, а, напротив, содержащие апелляцию к заведомо неавторитетному источнику. В подобных случаях основанием для использования такого свидетельства исследователь объявляет безосновательность компрометации довода, исключительно по причине использования его в источнике, который в силу различных причин совершенно не вызывает доверия, а исходя из этого отвергаются и любые использованные в источнике свидетельства. Однако, в таком случае, можно было бы ожидать, что исследователь самостоятельно проверит свидетельство само по себе, вне источника, и убедится

в его корректности, независимо от неавторитетности источника, однако в случае с Кузьминым, об этом говорить не приходится.

Например, 155-й «довод Кузьмина» гласит: «1373 год. Город Любек помещается “в России”. То же в документе 1385 года» [2. С. 682]. С учетом статуса Любека информация кажется крайне любопытной и вызывает естественное желание обнаружить ее источник. В «Начале Руси» Кузьмин повторяет: «Город Любек в документах 1373 и 1385 гг. помещается “в России”» [3. С. 291] и дает в примечаниях точную ссылку: «См.: А. Васильев. Древнейшая история северных славян и откуда пришел Рюрик и варяги. СПб., 1858. С. 37» [3. С. 415]. Однако на с. 37 указанного труда присутствует ссылка только на злосчастный Магдебургский турнир 938 г., порождение геральдической фантазии Георга Рюкснера [4], о котором сам Кузьмин вспоминает десятком страниц ранее [3. С. 279]¹, а про какой-либо «Любек» и 1385 год Васильев ничего не пишет [5. С. 37].

Источник, впрочем, легко обнаруживается среди других ссылок Кузьмина, это никто иной, как Егор Классен, который в почитаемом в узких кругах труде «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова» (1854) пишет по указанному поводу следующее: «Приведем здесь еще одно доказательство, найденное Г. Морошкиным [...] По его, Морошкина, розысканию, из грамоты епископа Любскаго, Петра I, о перенесении епископской кафедры **из Любека** (Lubus – Любечка) в Фюрстенвальд 1373 года, с подтверждением о том любского епископа Иоанна 1385 года видно, что соборная церковь этого епископа была некогда в России (olim in Russia sedem habebat Cathedralen); далее из грамоты видно, что эта церковь была в Горицах, близ Франкфурта, что на Одре (славянской Отдаре)» [6. С. 47–48]. Поскольку Александр Васильев и Егор Классен, с точки зрения рассматриваемой темы, авторы одинакового стиля и статуса, спутать их немудрено, однако, если бы профессор Кузьмин склонен был верифицировать информацию, с которой ему пришлось работать, он, казалось бы, должен был заметить, что уже у Классена написано не совсем то, что пишет он, Кузьмин. По крайней мере, трудно не заметить, что хотя Классену и вздумалось писать «Любек» из его же пояснения (Lubus) видно, что речь идет о другом городе и Кузьмин напрасно торопится внести его сведения в число своих свидетельств о Любеке.

Классен в данном случае ссылался на человека, писавшего в своих сочинениях, например, что «первые турки суть народ “леший”, а если леший, то и русский» или «*velocibus Danais* [...] будто это Датчане? – это Руссы “*veloces*”, Дромиты, Донские удалыцы». Несмотря на приведенные рассуждения, по словам А.Н. Пыпина, «написанные как будто на смех»,

---

¹ Кузьмин при этом пишет: «Магдебургские грамоты из собрания Мельхиора *Гольдаста* (*впервые опубликованного “устав”*) заподозрены как подложные» и далее рассуждает, почему это не имеет значения. Таким образом, настоящий источник информации о турнире, *Turnierbuch* Рюкснера, остается ему попросту неизвестным, тем паче, что указывая сведения о подложности «грамот», он ссылается на две старые немецкие книги, которые сам, скорее всего, не видел [3. С. 413].

Федор Лукич Морошкин (1802-1857, см. портрет на рисунке) в основной своей ипостаси был вполне уважаемым человеком. Поповский сын, московский студент, наконец, ординарный профессор римского права и гражданских законов Московского университета на протяжении двадцати лет, популярный лектор, профессиональные труды которого имели довольно высокую репутацию. Краткую характеристику взглядов Ф.Л. Морошкина в иной, интересующей нас здесь ипостаси искателя исконной древности и величия руссов, можно прочесть у Пыпина [7. С. 367–372], резюме которого однозначно – «дать понятие о свойстве исследований Морошкина или о его “методе” довольно мудрено: до того он странен и лишен всякого смысла».

Классен, между тем, более-менее точно передает то, что он прочитал у Морошкина. Эта тема рассматривается Морошкиным первый раз в примечаниях к переводу «Опыта истории российских государственных и гражданских законов» А.Ф.М. Рейца, [8. С. 346–350] и без изменений в сочинении «Историко-критические исследования о руссах и славянах» [9. С. 27–30]. Федор Лукич дает сокращенный перевод таких документов, как «Грамата Петра I, Епископа Любецкаго (Lubicensis), о перенесении Епископской кафедры и Кафедральной церкви из Любека (Lubus) в Фюрстенвальд, 1373 года, с подтверждением о том же Любецкаго Епископа Иоанна 1385 года» [9. С. 27], которые он обнаружил в издании грамот германского государственного архива Люнига [10]. Морошкин обращает внимание на следующие фразы из этих грамот: «Богом нам вверенная Любецкая церковь, которая прежде имела резиденцию в России (quae olim in Russia sedem habet cathedralem), и оттуда язычниками и неверными изгнана и жестоко преследуема от древних времен, и как бы корабль, обуреваемый морскими волнами, долговременно и даже до настоящего времени из места в место блуждала [...] Подлинно древле (olim) кафедральная Любецкая церковь в Гориции близ Франкфурэта (in Goritia prope Frankoforde) во время тишины и мира как бы в осаде находилась, и потом гражданами Франкфурта разорена и до основания срыта [...] блаженной памяти Генрихом, епископом Любецким, кафедральная Церковь основана в поле, на горе близ крепости Любича (Lubus), на которой никто тогда не имел жительства» [9. С. 27–28]. Морошкин замечает далее: «Из сей грамоты возникает следующее заключение: Россию, упоминаемую в 1-й грамоте, должно искать по течению реки Одера, именно близ Франкфурта, в стране, называемой иначе Горициею. При сем должно заметить, что церковь в сей Гориции была древле гонима язычниками, неверными, и даже христианами – объяснения весьма темные и заставляющие подозревать, что краткий очерк истории взят более из преданий, нежели из дипломатических документов [...] Известно, что город Любич² (Lubus) находился близ Франкфурга, вниз по течению Одера верст на 20, на левом берегу сей

---

² Поскольку здесь автор указывает более-менее точное название и точное расположение города, нет сомнений, что «Любек» в его тексте либо описка, либо иллюзия, в коей он пребывал в начале перевода грамот, которая рассеялась, однако, виртуально, не отразившись в данном месте текста. На самом деле, город именуется поляками Любуш (Lubusz), а немцами Лебус (Lebus).

реки; а Фюрстенвальд, куда перенесена кафедра, находился в Бранденбурге на реке Шпре, выше Берлина верст на 40, и в таком же почти расстоянии от Франкфурта [...] По смыслу грамоты и потому обстоятельству, что церковь находилась в Гориции, Россию должно искать на берегах Одера, в стране, которая от сей реки к западу называлась Бранибором (Брандербургом), и в Н. Силезии» [9. С. 28–29].

Несмотря на явное указание Морошкина, что «краткий очерк истории взят более из преданий, нежели из дипломатических документов» [9. С. 28], у него, к сожалению, не возникает желания обратиться к последним и он сразу переходит к поиску «России» в Силезии, оказываясь в конце концов восточнее Легницы и Злоторьи (Гольдберга), где его ожидаемо привлекает Рудня (Raudten, Ruden, Rudna). Между тем еще Погодин, критикуя Морошкина, указывал, что «епископство Лебус [...] имело только притязания на Русь, южную, соседнюю Галицию, кои и старалось привести в действие [...] Как епископство русское, должно оно было ограничиться только собственно польскою областью, хотя и протестовало даже в 1400 году, что вся Россия к нему принадлежит», а, главное, давал ссылку на сочинение, которое вполне было доступно и Морошкину в 1836 г.: «Wohlbrück Geschichte des Bisthums Lebus. 3 части. Берлин. 1829» [11. С. 203]. Таким образом, Погодин указывает на факт хорошо уже известный во времена Морошкина: любушское епископство некоторое время обладало правами миссийной (in partibus) епархии для Руси, которые и пытались фактически реализовать в Червоной Руси. Как же все это получилось?

В 1125 г. король Болеслав III Кривоустый основал Любушское епископство, подчиненное Гнезненскому архиепископству, однако эта подчиненность с самого начала оспаривалась соседним Магдебургским архиепископством, равно как и принадлежность самой Любушской земли оспаривалась у поляков немцами, и император Генрих V несколькими годами ранее пытался решить этот вопрос военным путем. Сто лет спустя силезский князь Генрих I Бородастый, сумевший к 1230 г. закрепить за собой Любушскую землю, диоцез которой возглавлял тогда приближенный к нему Вавржинец (Лаврентий), а чуть позднее присоединивший к своим владениям и Сандомир («Henricus cum barba dux Slesie. Cracoyiensem ducatum et partem terrae Sandomiriae, etiam consentiente Boleslao, pro se usurpavit»), озаботившись, наверное, интеграцией своих владений в 1235 или 1238 г.³, согласно Великопольской хронике (гл. 61): «Monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas Gerhardus Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentitus, de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit; omnia bona episcopatus Russaie, olim ad monasterium Opatoviense pertinentia, incorporando ecclesiae Lubucensi praedicto de facto» [12. С. 113]. («Передал Опатовский монастырь, аббатом которого был Герард, епископ русских, избранный вновь для католиков, там проживающих, любушскому епископству, а все имущество русского епископства, некогда относящееся к Опатовскому монастырю, включил в состав имущества упомянутой любушской церкви» [13. С. 148]).

³ В качестве одной из дат указывается и 1232 год, вскоре после окончательного присоединения Генрихом Любушской земли и при жизни Вавржинца, однако еще Абрахам [12. С. 80] показал, что это маловероятно, в частности, и потому что Герард получил права епископа, скорее всего, после 12 мая 1234 г.

Н.И. Щавелева в примечании 4 к главе 61 так комментирует эти действия князя Генриха: «Римская курия стремилась организовать латинскую церковь на Руси путем установления особого епископства. Тогдашний глава ордена цистерцианцев Христиан, воспользовавшись своими отношениями с русским князем Даниилом, создал латинскую епархию (*in partibus*) [на Руси и назначил туда Герарда, бывшего прежде аббатом в Опатове. Организацию опатовской канонической группы относят еще ко времени правления Казимира Справедливого. Она должна была составить основу будущего епископства, которое бы имело важное значение в планах русской политики, проводившейся Казимиром (*Abraham W. Powstanie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi. Lwow, 1904. T. I. S. 110; Szymariski L. Kanonicy opatowcy w planach polityki ruskiej z przelomu XII i XIII wieku // РН. 1965. Т. 56. S. 9*). В чем заключалась деятельность этого первого епископства — неизвестно. Передача же его любушской церкви объясняется желанием Генриха Бородатого, занявшего Сандомир, захватить юрисдикцию русского епископства в свои руки. Исследователи считают, что информацию автор хроники мог получить от любушского епископа Петра, с которым был близок (*Wojciechowski T. Szkice historyczne jedenastego wieku. Warszawa, 1951. S. 78; Щавелева Н.И. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники. М., 1976. Вып. 2. С. 62–66*)» [13. С. 232]. Попытка силезского князя поднять статус верной ему епархии, новый глава которой, епископ Генрих I, также был весьма озабочен установлением ее точных границ в условиях силезско-бранденбургских противоречий, была не напрасной: сразу после смерти Генриха Бородатого магдебургский архиепископ попытался захватить Любуш силой, однако на тот момент наследник Бородатого, Генрих II Набожный, сумел отстоять свои права. Оба Генриха целенаправленно стремились объединить вокруг себя все польские земли и в первые годы правления Генриха Набожного казалось, что такая перспектива вполне реальна, но вторжение монголов и легницкий разгром принципиально изменили ситуацию.

Многочисленные и малолетние сыновья Генриха Набожного предсказуемо оказались в состоянии непрерывного передела доставшихся владений, и уже в 1248 г. Болеслав II Рогатка в счет платы за помощь в войне против младшего брата отдал магдебургским архиепископам половину Любушской земли и саму крепость Любуш, что, естественно, не могло не сказаться на дальнейшей судьбе диоцеза, главы которого вынуждены были постоянно балансировать между поляками и немцами. Неизвестно, впрочем, смогли ли уже в те годы любушские епископы реализовать полученные права юрисдикции над Русью, во всяком случае, права самого опатовского аббата Герарда, судя по всему, признавались, пока он был жив. Так, в мае 1253 г. «Герард — первый [епископ] Руси из ордена цистерцианцев, некогда аббат из Опатова» [13. С. 170] принимал участие в провозглашении канонизации святого Станислава в Кракове⁴.

---

⁴ Это сообщение было использовано Кузьминым в качестве «149-го довода». «1254 год. Датская Зеландская хроника (XIII в.) упоминает Герарда, первого епископа Руссии из ордена цистерцианцев» [2. С. 680], хотя непосредственно перед Герардом упоминается Вит, первый епископ для Литвы из ордена доминиканцев, и нет оснований для сомнений в том, что «Руссия» это именно Русь.

В октябре 1257 г., скорее всего уже после смерти Герарда, на Ленчицком синоде, собранном ради провозглашения крестового похода против того же Болеслава Рогатки, отлученного от церкви, именем папы Александра IV была подтверждена юрисдикция любушского епископа Вильгельма из Нысы над Русью (странным, но традиционным для пап образом со времен, которых достигает людская память — «*że od czasów jak pamięć ludzka sięga*» [12. С. 92]) и права его на владение Опатовским монастырем и окрестными селами под Сандомиром (позднее этот округ именовался Бискупице). В дальнейшем Вильгельм пытался сохранить традиционные связи с польскими князьями и в 1276 г.⁵ был вынужден под давлением бранденбургских маркграфов оставить Любуш и перебраться на польский берег Одера, немного ниже по течению, в Гужицу (Гериц). В 1282 г. князь Лешек Черный даровал владениям любушского епископа дополнительные привилегии и, в частности, сделал Опатов городом, дав ему магдебургское право.

Тем не менее, о миссионерской деятельности любушской епархии на Руси (в Галиции) практически ничего неизвестно. Одним из немногих исключений является благословение, данное в 1320 г. Стефаном II, на строительство Мариинского костела в Каменце-Подольском. Епископ Стефан был избран на кафедру еще в 1317 г., однако много лет не мог получить подтверждения от Папы. 1321–1323 и 1326–1327 годы он провел в Авиньоне, где в мае 1327 г., наконец, получил подтверждение Папы Иоанна XXII, в котором, в частности, подтверждалась его юрисдикция в Галиции (*Galatbe*) и содержалось вполне правдоподобное для Авиньона, но не имеющее никакого отношения к реальности утверждение, что резиденция епископа с давних времен располагалась во Владимире (*Flandemiria*), где даже находятся могилы его предшественников [14. С. 295]. Именно эта грамота, а вовсе не «предания», и дала в 1385 г. основания епископу Яну I Кьелтичу утверждать, что его кафедра некогда находилась на Руси (*olim in Russia sedem habet cathedralem*). Со Стефаном связано дальнейшее драматическое развитие судьбы епископской резиденции. После того, как в 1319 г. не оставивших наследников Асканиев сменили в маркграфстве Виттельсбахи, епископ ввязался в войну Владислава Локетка с Людвигом IV за Любушскую землю, в результате чего Гужица была захвачена баварцами и сожжена, а епископ вынужден был искать пристанища во Франкфурте, где длительное время добивался придания местному Марианскому костелу статуса собора, имея в виду сделать это город епископским, пока местные жители не выгнали его в 1339 г. Последние годы Стефан провел во Вроцлаве в качестве викария и передал любушскую кафедру перед смертью местному канонику Апечко из Зонбковице, который фактически проживал во Вроцлаве. В 1349 г. король Казимир III по договоренности с галицким боярством присоединил к своим владениям Червоную Русь, что, видимо, изменило его отношение к методам католизации этого региона.

---

⁵ По немецким источникам, с 1273 г. епархию возглавлял уже другой Вильгельм. Поскольку Вильгельм из Нысы стал епископом при поддержке магдебургского архиепископа, светского владельца Любуша, а в 1276 г. резиденция вынуждено была перенесена на польскую территорию, это выглядит убедительно.

Возможно поэтому следующий епископ Генрих из Бенча, вернувшийся в 1354 г. во Франкфурт, предпочел ориентироваться на бранденбургских Виттельсбахов. Он урегулировал с ними отношения относительно спорных территорий (в частности, Фюрстенвальде) и затем, при поддержке марк-графа Людвига II, перенес резиденцию в Любуш и построил новый собор к северу от города (о чем пишет Петр в своей грамоте).

Его преемник, Петр из Ополе, восстановил отношения с Казимиром, урегулировав вопрос об имущественных правах и обязательствах епархии, однако вынужден был отказаться от юрисдикции над Русью. В 1373 г., во время войны чешских Люксембургов с Виттельсбахами за контроль над Бранденбургом, императорская армия Карла IV Люксембурга сожгла собор в Любуше. Хотя Петр стал в дальнейшем приближенным императора, собор не был восстановлен, и резиденция епископов была перенесена в Фюрстенвальде (Fürstenwalde) на реке Шпрее. В 1385 г. капитул также был перемещен в Фюрстенвальде, чему и посвящена грамота епископа Яна. Стоит заметить, что обладание любушской кафедрой, видимо, не особо ценилось, предшественник Яна силезский Пяст князь Вацлав в 1282 г. сменил Любуш на Вроцлав, а сам Ян через несколько лет перебрался в Мейссен, что, строго говоря, не являлось приемлемой практикой.

Возвращаясь к поискам следов Приодерской Руси Ф.Л. Морошкиным, нужно отметить его признание: «Конечно, название Ruda, Raudten, нельзя принять за тождественное с Russia, упоминаемое в Любецкой грамоте, однако автор тут же оптимистично добавляет, но нельзя не согласиться, что в словах Ruda, Ruden, Raudten скрывается другое название нашего отечества, именно Ruthenia» [9. С. 30]. Искать следы актуальной для географического расположения Любуша, «именно близ Франкфурта», Рутении «в округе Ополииенском» и «Ратиборских владениях» [9. С. 29] мог, понятно, только человек, меряющий русскими расстояниями и сам имеющий рост в 2 м 5 см, каков и был Морошкин. Впрочем, Рудня-то была и на самой окраине Любушской земли, однако за совершенной незначительностью оказалась Морошкину неизвестна... Но мало ли в славянских краях Рудней и прочих Руд...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Рыбалка А.А.* О псевдофольклорном характере легенды о Рюрике, Сиваре и Труваре // Славяноведение. 2017. № 4.
2. *Кузьмин А.Г.* «Сведения иностранных источников о руси и ругах», Откуда есть пошла Русская земля: Происхождение народа. Русь Изначальная, М., 1986. Т. 2. С. 664–682.
3. *Кузьмин А.Г.* Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003. (Тайны Земли Русской).
4. *Rixner G.* Turnierbuch, Reprint der Prachtausgabe Simmern 1530, eingeleitet von Willi Wagner, Verlag E.& U. Brockhaus, Solingen, 1997.
5. *Васильев А.* Древнейшая история северных славян и откуда пришел Рюрик и варяги. СПб., 1858.
6. *Класен Е.И.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. М., 1854.
7. *Пытин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. I.

8. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. Сочинение Профессора Александра Рейца; переводъ с немецкаго / Издаль Федор Морошкинъ. М., 1836.
9. Историко-критические исследования о руссах и славянах / [Соч.] Ф.Л. Морошкина, д. чл. Моск. о-ва истории и древностей рос., орд. проф. в Моск. ун-те; СПб., 1842.
10. Deutsches Reichsarchiv («Das Teutsche Reichs-Archiv»), 1710–1722, 14 Bde. TRA, dazu 7 Bde. «Spicilegium ecclesiasticum», 2 Bde. «Spicilegium seculare» und 1 Band Hauptregister, zusammen 24 Folianten.
11. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. М., 1846. Т. 2: Происхождение варягов-руси. О славянах. Москва: изданы Императорским Московским о-вом истории и древностей российских, 1846–1856. 1846.
12. *Abraham W.* Powstanie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi. Lwow, 1904. Т. I.
13. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях: (Перевод и комментарии). М., 1987.
14. *Augustin Theiner.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabularis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita. Romae, Typis Vaticanis, 1860. Т. 1.

ПАМЯТЬ РУССКИХ В БАНЯ-ЛУКЕ (ИЗ БИОГРАФИЙ)

© 2018 г. В.И. Косик

*Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН
E-mail: kosikviktor@mail.ru*

В статье обрисованы судьбы русских эмигрантов в провинциальной Баня-Луке, где нашли пристанище и бывшие военные, и лица гражданских специальностей. На обширном временном поле обрисованы труд и творчество русских изгнанников. Особняком стоят в тексте фигуры врачей, архитекторов, педагогов, военных. Особое внимание уделено русским и их позициям в годы Второй мировой войны.

The article depicts destinies of the Russian emigres in the provincial Banja Luka, where former military and civilians found shelter. Their work and creative activities are described over a wide time interval. Special attention is paid to doctors, architects, teachers and military men. It also deals with the Russian community's attitude to World War Two.

Ключевые слова: Баня-Лука, память, русские эмигранты, полиция, усташество, ордена.

Keywords: Banja Luka, memory, Russian emigrants, police, Ustasha movement, orders.

DOI: 10.31857/S0869544X0000466-5

В XX в. ключевыми событиями были ликвидация Российской империи, Октябрьская революция 1917 г. с последующей Гражданской войной «белых» и «красных». «Красным» «досталась» Россия, «белым» — другие страны и роль беженцев. Одним из государств, согласившихся принять изгнанников, стало Королевство сербов, хорватов и словенцев (СКХС, с 1929 г. — Королевство Югославия).

Новые жители, примерно 20 тысяч, нашли здесь второй Дом и щедро расплатились за гостеприимство своими знаниями, рабочими руками.

Будучи своеобразным сколом с русского общества, эмиграция по своему социальному, имущественному, культурному, политическому составу была чрезвычайно пёстрой.

Немало было и инженеров, врачей, тех, кто трудился на педагогической ниве, и тех, кто зарабатывал на жизнь своими руками. Многие стали чиновниками в различных отраслях управления.

О русских беженцах написано уже много, особенно о людях искусства. Есть труды и о жизни в провинции. Здесь, прежде всего, надо назвать имя Алексея Арсеньева, автора многих трудов по истории русской эмиграции, например, «Самовари у равници Руска емиграција у Војводини» («Самовары на равнине Русская эмиграция в Воеводине»), «Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине — 1990-е годы». Многие еще находятся в архивах и ждет своего исследователя.

Теперь немного истории появления статьи. В процессе поисков информации по русским беженцам на Балканах, мне в июне 2017 г. удалось связаться с директором Архива Республики Сербской Бояном Стойничем. Он, в свою очередь, любезно перенаправил меня ученому секретарю Зорану Мачкичу, давно занимавшемуся этой тематикой, опубликовавшего ряд работ. Именно результаты его многолетних поисков, связанных с выявлением русских имен на территории Республики Сербской, где почти сто лет тому назад были расселены русские беженцы, и послужили основой настоящего текста. Полученные сведения коллега З. Мачкич, знакомый с моими публикациями, уступил мне в надежде, что «материал будет в хороших руках, и он мне будет полезен». Безусловно, зная «историков-собственников», я воспринял это как широкий жест, щедрый подарок от чистого сердца, и надежду на публикацию.

Итак, «18 декабря 1920 г. из порта Груж через Мостар в Сараево прибыл поезд с 325 русскими, направленными в банялукский округ... Из этого числа 126 человек поселились в Баня-Луке...» [1]¹.

Безусловно, «цифра» всегда полезна и востребована исследователями в разных областях знания, особенно в истории. Однако первостепенное значение имеет сама «история». Именно она является «кладовой памяти». Но тут же можно прямо утверждать, что именно память служит своеобразным фундаментом или источником «истории». В сущности, здесь налицо органическое единство этих двух феноменов, благодаря чему происходит наращение исторического знания.

Большинство граждан приняли их с нескрываемым братским сочувствием, меньшинство — с опасением.

Значительную роль в жизни «банялукских русских» играли сама Русская колония и Комитет Русской матицы, которую без преувеличения можем считать сербско-русским объединением. Заместителем председателя Комитета Русской матицы стал торговец Любомир Димитриевич. В члены комитета входили торговцы Мичо Баслач и Саво Самарджия, протоиерей Душан Мачкич, преподавательница Марина Попович и инженер Милан Пухало. Несколько позже «банялукские русские» формируют и другие объединения, такие как «Русский сокол», общество филателистов, офицеров-артиллеристов. Довольно широко были представлены военные от генералов до рядовых. Причем в графе «образование» некоторые офицеры указывали окончание «военных академий» [1]. Здесь только могу заметить, что они, бывало, видимо рассчитывая на «хорошее место», вписывали, например, Николаевскую кавалерийскую академию или Одесскую военную академию, которых не было. При просмотре биографий беженцев

---

¹ Данные присланы ученым секретарем Архива З. Мачкичем.

ясно видно, что только единицы могли «устроиться» прилично. Тут же надо заметить, что большинство работали на контрактной основе или гонорарно. На постоянную работу брали тех, кто принимал подданство Королевства.

Немного яда: для того, чтобы уехать русскому, хотя бы на время, в другой город, нужно было в первые годы брать разрешение полиции. Одним словом: ordnung.

Здесь особо и останавливаться не надо. Но все же одна зарисовка из славянской Югославии. Вдова артиллерийского полковника, председателя отделения объединения русских офицеров в Баня-Луке Г.А. Заушкевича после его кончины осталась без средств, перебиваясь ручной работой, вышивкой монограмм и мелким ремонтом шитья. Позже шла от дома к дому, к кому-то на обед, к кому-то на ужин [1].

Но в целом русские на Балканах, в той же Баня-Луке обрели работу, уважение, дом...

В основном беженцы со споротыми офицерскими погонами шли в «шпаки-служащие» (писари, чиновники, учителя).

Но были и другие, выбиравшие службу в охранительных службах. Среди них выделялась фигура Н.Н. Богаевского, сына донского атамана, генерал-лейтенанта Николая Богаевского.

С мая 1919 г. до марта 1920 г. он воевал добровольцем, будучи в составе III Донского кадетского корпуса. В сражении с большевиками за Ростов-на-Дону был ранен штыком в правую ногу. Потом был английский колледж в Константинополе, шесть семестров факультета права Белградского университета. Затем — служба в органах Министерства внутренних дел. С 31 мая 1940 г. он уже служил шефом политического отделения Управления полиции в Баня-Луке.

После провозглашения Независимого государства Хорватия (НГХ) стал агентом Усташской надзорной службы (УНС) (Усташство — прогосударственная ультранационалистическая организация, стержнем которой было антисербство). После войны — преподаватель в американской армейской школе языков в г. Монрее (позже переименован в Институт иностранных языков Министерства обороны).

Что еще? Талантливый поэт и писатель, актер, дирижер-хоровик и отличный преподаватель. В Институте основал русский хор, который прославился по всей Америке [1].

Другое известное имя — Александр Филиппович Черепов (1892, Шавли, совр. Шауляй, Ковенская губ., Литва — ок. 1946, Германия). После гитлеровской оккупации он учился на историко-филологическом факультете, занимался славистикой. В 1914 г. он дебютировал как актер в Самаре. Играл в «Эрмитаже», в труппах Мамонта Дальского, Владимира Лебедева, Александра Южина. После революции «гостил» во многих европейских странах. В апреле 1929 г. он с семьей прибыл в Белград.

Сам Черепов снискал шумный успех в Белграде, Загребе, Скопле, Цетинье, выступая с чтением стихов Есенина, Тагора, Пушкина, Блока, отрывков из «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Вишневого сада». «Большой голос, сила звука, широта диапазона, бархатный тембр, переходящий,

когда надо, в могуче-раскатистый металл, классические дикции фразировки, филигранный чекан в каждом слове» [2], — вот это и было залогом отличного приема его слушателями.

Добавлю, что с первого взгляда очаровывал романтических натур, прежде всего представительниц прекрасного пола. Поэтому в Белграде он и получил прилипшее к нему прозвище «Распутин» [3].

И опять о «грозном» Черепове: его любили в театре, доказательством служат строки из актерского поздравления в связи с «театральными именинами» собрата по ремеслу: «Только Ваш талант, Ваша беззаветная любовь к Русскому театру, Ваша неутомимая энергия и вдумчивое отношение к взятой на себя задаче, — дали нам, русским актерам, оказавшимся в эмиграции, возможность работать в любимом деле и своими скромными силами помогать Вам в работе, основанной на прекрасных традициях старого Русского театра» [4].

В сезоне 1938/39 г. и с января по апрель 1941 г. он работал в Народном театре в Баня-Луке, где поставил свыше десяти пьес, в частности «Живой труп», «Преступление и наказание» [5. С. 136].

В апреле 1941 г. он уже режиссер в моравском Народном театре в Нише. В 1941–1943 гг. был директором труппы при Обществе русских сценических деятелей. По сведениям Ольги Маркович и Драганы Чолич, работал до середины 1944 г. в Отделении пропаганды, руководя Русской фольклорной группой артистов [5. С. 137].

После освобождения страны покинул Югославию. Умер в Германии в больнице для душевнобольных [5. С. 129–131].

Бывал в Баня-Луке и Верещагин Александр Александрович (1885, Москва — 1965, США), внук знаменитого художника, режиссер, актер.

Выступал на сценах театров в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве. После революций 1917 г. уехал на Кавказ, где короткое время был директором Русского театра. Оттуда дорога через Константинополь, Софию, Салоники привела его в КСХС. Последовали сцены в Белграде (1919–1920), Скопле (1920–1921), Сараево (1921–1922), Сплите (1922), Загребе (1923–1924). В столице Хорватии был известен и как наставник в Государственной школе актерского мастерства, где обучал на пьесах Чехова и Мольера. В 1934–1935 гг. работал в Баня-Луке режиссером в Народном театре Врбаской бановины.

После Второй мировой войны эмигрировал в США. Писал стихи, путевые заметки, драмы, сотрудничал в известных русских газетах и журналах. Внес значительный вклад в модернизацию банялукского театра.

Из театрального цеха можно назвать Ю. Дриженко (ок. 1912, Россия — конец 1944, Югославия), работавшего в 1940–1941 гг. в Баня-Луке сценографом и художником по костюмам. В 1941 г. после краха королевской Югославии и создания НГХ был вынужден покинуть Баня Луку. Нашел прибежище у родственника в Загребе. По приглашению режиссера Ферде Делака, работавшего в Хорватском государственном театре (до создания НГХ театр назывался Народный театр Врбаской бановины в Баня-Луке), возвратился в Баня-Луку, где участвовал в постановках в сезонах 1941–1943 гг.

Фотографии его инсценировок были напечатаны в журнале «Hrvatska pozornica» («Хорватская сцена»), №№ 31, 32 (1943/44) и в № 6 (1944/45). В 1944 г. ушел на свободную территорию.

Погиб в народно-освободительной борьбе с неприятелями.

Его дочь Светлана (в замужестве Плазович-Дриженко) подарила Народному театру Республики Сербской и городу Баня-Лука четыре картины своего отца. «Все эти полотна связаны с Баня-Лукой. Мне дорого, что город, который вдохновлял моего отца, принял его творения», — заявила она [1].

Из тех, кто радовал театралов своей игрой, назову актрису Ирину Петровну Астрову (в девичестве Астрецова) (1909, Владивосток — 1958, Шибеник) (мать — Ольга Степановна).

В 1927 г. Астрова завершила обучение в Мариинском Донском женском институте в Белой Церкви. Одно время изучала философию как историческую группу наук в Загребе, посещала театральную школу и некую музыкальную институцию.

В 1929 г. начала карьеру актрисы и певицы в Белградской оперетте. В 1930–1931 гг. играла в Народном театре в Новом Саде, в сезонах 1931–1932 г. и 1933–1934 г. — в Народном театре в Сараево, в 1934–1936 гг. — в Скопле (совр. Скопье), в 1936–1937 г. и 1939–1941 гг. — в Баня-Луке, в 1937–1939 гг. — в Осиеке, а также играла в Цетиње, Риеке, Тузле, Задре и др. городах. Наибольшим успехом пользовалась как певица.

На банялукской сцене сыграла замеченные критикой роли в опереттах и в спектаклях с пением. С 15 февраля 1941 г. жила и работала в Загребе. С мая 1944 г. входила в театральную труппу X корпуса Народно-освободительной армии Югославии. Наряду с успехом в сфере пения, получила известность как замечательная драматическая актриса, например, в роли Ольги в пьесе Д. Николаевича «Преко мртвих», Евы в пьесе М. Фельдмана «Професор Жич», Руже в пьесе О. Шайнпflugовой «Између поноћи и зоре».

Не обошли своим вниманием Баня-Луку и русские архитекторы.

Первым из них следует назвать известнейшего Григория Ивановича Самойлова (08.09.1903, Таганрог — 15.10.1989, Белград).

Участь еще в художественной школе, он делал эскизы декораций к двум оперным спектаклям городского театра. В 1921 г. эмигрировал и продолжил обучение в Донском императора Александра III кадетском корпусе в г. Билеча, там Самойлов писал декорации, расписывал корпусной храм. В 1925 г. он поступил на архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. Дипломной работой Самойлова стал изумительный по величественности и красоте проект «Югославский пантеон» (1930). Потом работал в ателье видного сербского архитектора Александра-Саша Джорджевича, участвовал в подготовке таких проектов, как здание белградской биржи, вилла промышленника В. Илича. В 1932 г. он был принят в альма-матер ассистентом по специальности «сербско-византийское зодчество». В 1933 г. Самойлов получил право на частную практику [6. С. 280; 7. С. 385]

В 1936 г. Самойлов был автором иконостаса и интерьера кафедрального храма в Баня-Луке.

Замечу, что в последующее время он создал с Джорджевичем проект Белого дворца на Дединье, который был реализован в 1935–1937 гг. Блестящее знание исторических стилей, талант добиваться органического сочетания композиции, пропорций, умение выбора оптимального пространственного решения – все это позволяло достичь успеха.

Его талант в послевоенное время проявился в работе над проектами таких зданий, как Академия наук (1949–1951), Югославский банк внешней торговли (1950–1963).

Не оставлял он и живописи как средства самовыражения. Под одним из рисунков Самойлов написал: «Рисуя, я фиксирую редкие минуты отдыха, причем, не стараюсь изменить свой почерк и не думаю о существующих направлениях, ибо последователь всегда последний» (цит. по [б. С. 284]).

Из русских зодчих назову еще несколько имен.

Цикаловский Борис Сергеевич (1934 или 16.02.1935, Билеча – 1992, Загреб). В 1961 г. закончил архитектурный факультет Загребского университета, некоторое время работал в организации «Проект» в Баня-Луке, успешно занимался живописью [1].

Федоров Николай Иванович (15.11.1895, Санкт-Петербург – 09.05.1940, Баня-Лука, похоронен в Земуне). Образование: в 1914 г. завершил восемь классов гимназии в Санкт-Петербурге. В 1927 г. завершил архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. В 1930 г. приехал в Баня-Луку, жил на ул. воеводы Мишича, 8. Работал в техническом отделении Королевской банской управы Врбаской бановины (КБУВБ). Выполнил много больших проектов в духе новейшей архитектуры, среди которых самыми значительными были Хирургический павильон Бановинской больницы и достройка Гигиенического института. В 1930 г. разработал план по строительству комплекса Банских зданий. 5 мая 1931 г. он был назначен решением КБУВБ инспектором-наблюдателем во время строительства комплекса банских зданий, в августе 1939 г. проектировал здание низшей сельскохозяйственной школы в Дервенте. Его труд был отмечен орденом св. Савы V степени (1938) [1].

Александр Львович Мордвинов, руководитель и владелец архитектурного ателье в Баня-Луке. Сразу после освобождения страны восстановил здание городской гимназии, пострадавшей от бомбардировок союзнической коалиции (сведения взяты из [8])². Добавлю, что он был судьей на сеансе одновременной игры, дававшейся 1 мая 1935 г. А.А. Алехиным в Баня-Луке.

Александр Александрович Ершов (10.11.1893, Калиш, Польша – ?) получил высшее математическое образование в Санкт-Петербурге. В 1926 г., будучи уже в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, окончил инженерно-строительное отделение Технического факультета Загребского университета. С 22 августа 1935 г. по 3 декабря 1941 г. он работал в сфере проектирования и строительства объектов, связанных с водообеспечением в Баня-Луке [1].

---

² Эту книгу мне прислал русский историк, живущий в США, Р.В. Полчанинов.

Павел Витольдович Дидзинский (21.05.1897, Вильнюс – 11.12.1959, Загреб), выпускник инженерно-строительного отделения технического факультета Загребского университета. Трудился он в строительной фирме «Црнич». Дидзинский был известен как мастер игры в шахматы. В Бانيا-Луке был сравнительно короткое время, когда работал главным инженером на строительстве Банской Палаты, т. е. примерно с мая 1930 г. до осени 1931 г. После войны работал в Министерстве строительства в Загребе [1].

И, наконец, Михаил Александрович Медведев (13.03.1900, Мелитополь – 03.01.1984, Ниш), работы которого известны достаточно хорошо на архитектурном поле Югославии. Сразу следует отметить, что стиль «модерн» был введен в югославское градостроительство Медведевым вместе с несколькими сербскими и русскими коллегами-архитекторами, когда зодчество все еще не оставляло академизма. В городах Бания-Лука, Байна-Башта, Ниш по его проектам построен ряд мощных зданий, органично вписанных в городские застройки. Его архитектурное наследие и сейчас не потеряло своей ценности. Многие его объекты приобрели статус памятников культуры строительства и подлежат охране [9. С. 337–339].

В знак признания его трудов, автору свыше сотни общественных и частных построек, в Нише присвоено имя Александра Ивановича Медведева одному из бульваров.

Немного о жене Медведева – Ксении Петровне Белавенец (18.09.1905, Екатеринослав – 03.04. 2000, Ниш). Она родилась в семье морского офицера, знатока геральдики, вексиллолога Петра Ивановича Белавенеца. Ее мать Любовь Гавриловна (урожд. Харченко) окончила Московскую консерваторию по классу профессора П.А. Пабста. Сама Ксения Петровна, крестница императрицы Марии Феодоровны, окончила в 1932 г. архитектурное отделение Технического факультета Белградского университета. Ее первой самостоятельной работой стал выполненный в стиле «русской народной архитектуры» в 1934 г. проект охотничьего дома для короля Александра I в Боснии, возле Бания-Луки. С 1935 г. она работала вместе с мужем в его бюро. Много лет преподавала в Технической школе³.

Власть не выбирают: русские строили и в монархической Югославии, и в сателлите Германии Независимом государстве Хорватия, и в народной Югославии. Один неординарный пример: В.Б. Асатуров в годы войны строил в НГХ больницу для немцев в Баниялуке и в то же время посылал продукты заключенным в банялукской тюрьме «Черный дом», поддерживал связь с коммунистами [1].

Обязательными здесь будут строки о скульпторе В.П. Загороднюке (31.03.1889, Одесса – 1976, Сидней), внесшим заметный вклад в искусство камня и резца на просторах Югославии. С 1910 по 1913 г. Владимир Павлович стажировался в Национальной парижской школе искусств, уделяя особое внимание скульптуре. Выставлялся Загороднюк в «Осеннем салоне». В годы Первой мировой войны художник воевал. В 1920 г., как и многие, он эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1921 г. по рекомендации Леонида Браиловского, заинтересованного

---

³ Сообщение М.А. Медведева автору от 24 ноября 2009 г.

в создании мастерской, где выполнялись бы скульптурные элементы декорации из папье-маше, Загороднюк был принят в Народный театр в Белграде в качестве художника и сценографа. С сезона 1923–1924 г. он начал самостоятельную деятельность в качестве сценографа: сделал сценографию к 19 драмам и 12 операм. С ним ставили спектакли режиссеры Феофан Павловский, Михаил Исайлович, Александр Верещагин, Бранко Гавелла, Юрий Ракитин, Момчило Милошевич, Зденко Книтл, Иосип Кулунджич, Радивое Веснич, Эрик Хецел, Велимир Живоинович, Мирко Полич. Лучшие работы Загороднюка связаны с постановками Исайловича, например «Смерть матери Юговичей» Иво Войновича (1924). Сценография этой пьесы награждена золотой медалью в Париже на выставке декоративного искусства. Нужно отметить и его совместную работу с Бранко Гавеллой – «Лоэнгрин» Р. Вагнера (1926) и «Генрих IV» Л. Пиранделло (1927), сценография которых решена в манере от «реалистично-пластичной до фантастически театральной или условно стилизованной». В «Антигоне» и в «Юлии Цезаре» Загороднюк выступил и как художник по костюмам. С 1927 г. он много занимался как декоративной скульптурой в строительстве, так и памятниками.

Из его работ можно упомянуть Ипотечный банк в Баня-Луке. Так, вход в здание обозначен двумя бронзовыми фигурами мужчины и женщин, одетых в змианскую народную одежду, украшенную змианским орнаментом (техника вышивки, которой традиционно занимаются женщины в селах Змианья, что близ Баня-Луки. (Недавно змианский орнамент поставлен под защиту ЮНЕСКО). Вдоль всего фасада установлены декоративные междуоконные рельефы. Все рельефы, кроме главного над парадным входом, пострадали в 1969 г. во время землетрясения. При реставрации здания фигуры не были восстановлены [1].

И немного о просвещении.

Большое число русских продолжали и в эмиграции учить сербов. И не только: в годы Второй мировой войны партизаны «красного» Тито сражались со своими национально-политическими противниками – четниками, усташами, немцами. Когда территория бывшей Врбаской бановины вошла в границы Независимого государства Хорватия, известного своими гонениями на сербов, вплоть до уничтожения, многие русские педагоги помогали Народно-освободительному движению во главе с Тито.

Причем учили, судя по служебным характеристикам, в своем большинстве, отлично. Так, в официальном отзыве на Н.Г. Анциферову писалось, что любит свою профессию, работает безупречно, «тактична в применении дисциплинарных средств [...]». Полностью владеет государственным языком». Подчеркивалось, что она поддерживала постоянный контакт с крестьянками и вела с ними беседы по ведению домашнего хозяйства и ручного труда. Однако это не спасло ее от увольнения в октябре 1941 г. после подписания заявления о расовой принадлежности [1].

Еще одно имя: Никифорова Мария Григорьевна (31.01.1897, Мелитополь – ?) (в девичестве Мизина). В 1913 г. окончила Таврическую епархиальную женскую учительскую школу в Симферополе. С 1914 по 1920 г. работала учительницей в с. Юрьевка. В 1923 г., будучи в КСХС, снова

стала учить детей в разных городах и селах Королевства. С 23 августа 1938 г. до 30 ноября 1949 г. преподавала в г. Белая Церковь.

Вследствие того, что ее сыновья были некоторое время в армии Королевской Югославии, была уволена. Во время войны пережила арест. Была в концлагере в Бечкереке. После освобождения преподавала в начальной школе. С 1 до 31 марта 1951 г. преподавала на гонорарной основе русский язык в реальной мужской гимназии в Баня-Луке.

Кроме всего указанного, трудилась на курсах грамотности, курсах в инвалидских центрах, курсах для великовозрастных детей (во многих селах во время войны школы были закрыты. После освобождения 15-летние дети не могли быть записаны в начальную школу по возрасту). Была дирижером хора Антифашистского фронта женщин (АФЖ) и пионерского хора. Состояла в певческом обществе «Братство». Преподавала в Народном университете [1].

Был известен в Баня-Луке и Фирсов Алексей Тимофеевич (16.03.1893, м. Слоновка, Ново-Оскольский уезд, Курская губерния – ?) (мать – Краснова Анна). В 1952–1965 гг. работал в городской гимназии. Согласно имеющейся информации, в своей специальности Фирсов достиг хороших результатов. «В оценках справедлив, чем снискал любовь и уважение, педантен во всем, что ему поручается» [1].

Были востребованы и врачи. Медицина всегда обладает особой актуальностью, связанной напрямую со здоровьем, жизнью людей. Баня-Лука не была обделена отличными врачами. Представлю несколько биографий, редких по своему богатству.

Итак, вначале Аристархова Ольга Алексеевна, врач-бактериолог. В 1911 г. завершила образование в Санкт-Петербургском женском медицинском институте. Ученица профессора Д.К. Заболотного. В 1909–1910 гг. работала в Санкт-Петербургской городской лаборатории Петропавловской больницы. В 1912 г. участвовала в экспедиции Д.К. Заболотного по изучению эпидемии чумы на юго-востоке России. В 1915–1917 гг. работала старшим врачом военно-санитарного поезда Земского союза по транспортировке инфицированных солдат Западного фронта. По распоряжению Заболотного основала в Юрьеве лабораторию по обслуживанию больниц Северного фронта. С конца 1917 г. до 1919 г. работала в Центральном бактериологическом институте в Москве. Летом 1919 г. уехала на Украину, в начале зимы скрылась в Крыму. В Ялте сформировала бактериологическую лабораторию по обслуживанию госпиталей. Осенью 1920 г. эвакуирована в КСХС. В 1921 г. – бактериолог в государственном бактериологическом институте в Загребе. В 1922 г. – заведующая бактериологической станции в Субботице. В конце 1925 г. получила назначение в Баня-Луку, где также основала лабораторию и с 12 декабря 1925 г. исполняла обязанности заведующей постоянной бактериологической станции. В 1926–1929 гг. – бактериолог в Бургасе (Болгария). Отказалась принять болгарское подданство. В 1929 г. была освобождена от службы без права на трудоустройство в государственных институтах. Последовало возвращение в Югославию. С 8 февраля 1936 г. до 11 апреля 1937 г. работала бактериологом в Русском Красном кресте в Белграде. Автор ряда трудов на русском и французском языках [1].

Теперь Комарницкая Наталия Михайловна (12.10.1906, Одесса – 24.02.1943, Баня-Лука), акушерка. В 1920 г. окончила шесть классов семи-классной женской гимназии Белен-де-Баллю в Одессе. Гимназическое образование завершила уже в КСХС. В 1935 г. окончила с отличными результатами Королевскую школу акушерок в Белграде. С 12 февраля 1935 г. официально получила право работать акушеркой. С 1 мая того же года и дальше – была в штате в Бановинской больнице в Баня-Луке. С ее помощью увидели свет и вдохнули воздух Баня-Луки многие его жители [1].

И, наконец, Нагорный Михаил Максимович (05.06.1892, Зеньков, Украина – 14.08.1983, Сараево) (мать – Мария Григорьевна).

В 1912 г. окончил Третью классическую гимназию в Киеве, в 1917 г. – медицинский факультет Императорского университета св. Владимира в Киеве, с 5 мая 1917 г. до 20 июля 1918 г. проходил стажировку (кожные и венерические болезни) в соответствующей клинике в Гельсингфорсе. 1 октября 1926 г. нострифицировал диплом в Белграде. В Первой мировой и Гражданской войнах работал врачом на Балтийском и Черноморском флотах. В конце декабря 1920 г. с армией генерала П.Н. Врангеля покинул Россию. Прибыл в КСХС на корабле «Румянцев».

Работал врачом в самых различных местах: от эпидемиолога в 1921 г. в Санском Мосте до шефа отделения венерических заболеваний в 1938 г. в Врбаской военной больнице, от службы на флоте КСХС (1926–1938) до последующего назначения в сухопутные войска, где проработал до 1941 г.

В 1930-х годах имел в Баня-Луке для приема пациентов свой кабинет на ул. Прерадовича, 39. Тогда М.М. Нагорный был единственным специалистом по кожным и венерическим заболеваниям в Врбаской бановине. Автор научных трудов, опубликованных в 1931 г. в «Војно-санитатском гласнике» («Военно-санитарном вестнике»). В том же году изобрел аппарат для взятия крови, запатентованный в Белграде в соответствующей институции.

Во время Второй мировой войны был призван в армию Королевства Югославия, после создания НГХ служил с перерывами в Баня-Луке врачом до начала 1944 г. После войны трудился врачом кожно-венерологического отделения Окружной больницы в Баня-Луке. Затем, в середине 1947 г. стал работать референтом по здравоохранению в уездном народном комитете Баня Луки, властями которого характеризовался весьма неблагоприятно. В 1947 г. его характеризовали так: «К народно-освободительному движению относился полностью спекулянтски, да и сейчас по отношению к новой Югославии [...]. Специалист хороший [...]. К работе и посетителям относится совсем по-бюрократски. С посетителями очень дерзок [...]. Не чувствует ответственности перед важными и неотложными задачами [...]. К вышестоящим, т.е. к властям, относился “пренебрежительно”. Любит дискутировать по директивам, которые получает от членов комитета, считая эти приказы неправильными, а самих членов комитета незнайками» [1].

И еще одна судьба: Г.И. Елатанцев. Вначале, по приезде в КСХС, зарабатывал на жизнь физическим трудом, продажей газет, работой в книжном магазине, горнорабочим в шахте в Заечаре.

После получения медицинского образования трудился врачом в ряде мест, например, в той же Баня-Луке.

В июне 1950 г. благодаря настояниям Министерства здравоохранения, Елатанцеву было возвращено гражданство, которого он был лишен как русский в связи с «делом Информбюро», возникшим в 1948 г. в связи с обострением политических отношений между Сталиным и Тито. Его труд был отмечен рядом наград, среди них: Орден за заслуги перед народом с серебряной звездой (1966), медаль Красного Креста Югославии (1955).

Будучи пенсионером, написал мемуары под названием «Былое», жизнеописание своих родителей, «Повесть козака» и «Дикое поле» (старинное название пространства между Волгой и Доном), где описывал историю и природу своей родины. Занимался фотографией, играл на мандолине и на русской гитаре [1].

Из «романтических» профессий назову летную, где тоже были русские и были свои герои. Авиатор Аркадий Попов служил на аэродроме в Залужанах, близ Баня-Луки. Установил связь с партизанами, оказывал информационную помощь. В октябре 1943 г. перелетел самолетом «Бреге» в союзническую базу в Италии. 22 апреля 1944 г. на итальянском аэродроме Бенина (близ Бенгази) была сформирована I истребительная эскадрилья Народно-освободительного войска Югославии (НОВЮ) с 16 спитфайерами. Эскадрилья вошла в состав Королевских (британских) военно-воздушных сил (Royal Air Force). В нее входили летчики Первой авиационной базы и группа авиаторов бывшей югославской авиации, которые в Африке выступили в поддержку Народно-освободительного движения. Туда вошел и майор Попов, командовавший звеном спитфайеров. Был сбит над небольшим курортным местечком Слано, близ Дубровника.

Судя по воспоминаниям, он «хотя и происходил из донских казаков, но был и остался искренним югославом. Любил и своих земляков русских, но был очень разочарован от первой с ними встречи. А именно, при встрече с группой советских летчиков в Бари, они отказались разговаривать с ним, когда услышали, что Аркадий Рус (так в тексте — *В.К.*) — эмигрант. В одном из нападений на вражескую колонну на дороге Госпич — Оточац Аркадий в присутствии союзнического офицера в высоком чине, желавшего видеть, как мы боремся и почему часто гибнем, совершил четыре вылета, хотя колонна хорошо охранялась» [1]. Имя его вошло в историю борьбы за освобождение Югославии.

Многие русские сражались на различных фронтах Второй мировой войны и по разным сторонам.

Офицер В.А. Мальгин, живший некоторое время в Баня-Луке, храбро воевал в 1941–1942 гг. на Восточном фронте в составе 369-го хорватского пехотного полка. Был отмечен наградами, в частности, получил Железный крест II степени [1].

Инженер Георгий Дмитриевич Пестроцкий (Петроцкий?) (15.09.1909, Челябинск — ?) в середине 1942 г. вступил в Народно-освободительную армию. Капитан ОЗН (Отделение защиты народа) (контрразведки) V корпуса. В 1945 г. перемещен в Сараево для работы в той же сфере. Заместитель политического комиссара 4-го батальона 7-й краишкой бригады. 21 января 1947 г. был награжден Орденом за заслуги перед народом II степени [1].

По сути дела, история русских в Баня-Луке была характерной для многих других городов Югославии, где жили изгнанники из России. Были определенные трудности в обустройстве для тех, кто не обладал «ходовой» специальностью, в их жизнь нередко «вмешивалась» политика, разводившая, бывало, по разные стороны «баррикад». Одно несомненно: профессионализм позволял новым жителям Баня-Луки завоевать уважение ее населения и оставить о себе благодарную память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архив Републике Српске у Бањалуци.
2. Новое время. 1929. 07 VI.
3. Beloe migracija u Jugoslaviji // Arhiv Republike Slovenije. AS 1931. Republiški sekretariat za notranje zadele. A.Š. 1053. S. 225.
4. Архив А.Ф. Черепова (Музеј позоришне уметности Србије).
5. *Марковић О., Чолић Д.* Александр Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. В 2 т. Београд, 1994. Т. II.
6. *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
7. *Просен М.* Творчество архитектора Григория Ивановича Самойлова // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. СПб., 2008.
8. *Маскић З.* «Banjalučki šahovski klub – Spomenica 1926–1941».
9. *Медведев М.А.* Архитектор Александр Медведев и его роль в зарождении архитектуры модернизма в Сербии в 1930-х гг. // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья, СПб., 2008.

И.А. БУНИН И РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В БЕЛГРАДЕ (К ИСТОРИИ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ СОТРУДНИЧЕСТВА)¹

© 2018 г. А.В. Бакунцев

*Канд. филол. наук, доцент МГУ.
E-mail: auctor@list.ru*

Русский научный институт – одно из уникальных исследовательских просветительских «учреждений» Русского культурного комитета в Белграде – стремился привлечь к сотрудничеству лучшие научные и литературные силы русского зарубежья. Одним из тех, с кем Институт в первую очередь попытался завязать деловые контакты, был И.А. Бунин. Однако эта попытка успехом не увенчалась.

The Russian Scientific Institute – one of unique research and educational «institutions» of the Russian Cultural Committee in Belgrade – sought to involve best scientific and literary forces of the Russian abroad in cooperation. Ivan Bunin was one of those who the Institute tried, among the first ones, to establish contacts with. This attempt proved unsuccessful though.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Русский научный институт, Русский культурный комитет в Белграде, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Югославия.

Keywords: Ivan Bunin, Yevgeny Spektorsky, Fedor Taranovsky, Russian Scientific Institute, Russian Cultural Committee in Belgrade, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians, Yugoslavia.

DOI: 10.31857/S0869544X0000467-6

Русский научный институт (РНИ) был основан и сразу включен в число «учреждений» Русского культурного комитета в Белграде (РКК)² в июне

---

¹ За неоценимую помощь, оказанную при подготовке данной статьи, ее автор благодарит сотрудников Архива внешней политики Российской империи при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично Р. Дэвиса (Русский архив в Лидсе) и С.Н. Морозова (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук).

² Среди таковых были также Русская публичная библиотека, Издательская комиссия, музыкальная, художественная и театральная студии. Предполагалось также выпускать литературно-художественный журнал наподобие русских дореволюционных «толстых» журналов, однако этот проект остался нереализованным.

1928 г. Инициаторами создания РНИ и авторами его устава были русские ученые – профессора Белградского университета и Торговой академии: В.И. Баскаков, Ант. Дм. Билимович, Ю.Н. Вагнер, Н.И. Васильев, А.П. Доброклонский, Д.Ф. Конев, А.И. Косицкий, С.М. Кульбакин, В.Д. Ласкарев, Т.В. Локоть, И.П. Марков, Г.Н. Пио-Ульский, А.Л. Погодин, Н.Н. Салтыков, И.С. Свищев, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Л.Я. Таубер, С.В. Троицкий, В.В. Фармаковский и А.И. Щербатов. Эта же группа стала ядром институтской профессуры, состав которой в дальнейшем неуклонно расширялся. Председателем РНИ был избран Е.В. Спекторский, товарищем председателя – Г.Н. Пио-Ульский, членами правления – А.П. Доброклонский, С.М. Кульбакин, Н.Н. Салтыков и А. Белич, представлявший одновременно Державную комиссию по делам русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС)³, РКК и сербскую науку. Торжественное открытие РНИ состоялось 21 сентября 1928 г., в рамках проходившего в ту пору в Белграде IV Съезда русских академических организаций за границей.

РНИ был задуман как «учреждение русских кафедр по специально русским предметам, часть коих будет постоянно, а некоторое количество свободных, временно замещаемых приезжающими из-за границы русскими учеными или крупными литературными именами» [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 5]. По сути, он представлял собой своего рода синтез научно-исследовательской организации и университетского колледжа. С течением времени в РНИ было открыто пять отделений: философское; языка и литературы; общественных и исторических наук; естественных, агрономических и медицинских наук; математических и технических наук, – а также военная секция. Институт вел чрезвычайно активную научную работу: регулярно устраивал конференции, семинары, курсы, публичные лекции и доклады; издал 17 выпусков «Записок Русского научного института в Белграде» (1931–1941), двухтомные «Труды IV Съезда русских академических организаций за границей в Белграде» (1929) и др. Имелись у него и свои стипендиаты из числа талантливых молодых ученых⁴.

Финансирование РНИ, так же как и других «учреждений» РКК, осуществлялось из сумм, поступавших от Державной комиссии по делам русских беженцев, которая получала эти суммы из государственной казны. На содержание РНИ (т.е. на выплату жалованья профессорам, издательскую деятельность, стипендии, аренду помещений и канцелярские расходы, приобретение книг и пособий) ежемесячно выделялось 50 000 динар. В фонде Российской миссии в Белграде в Архиве внешней политики Российской империи при МИД РФ⁵ отложилась отчетная финансовая документация РНИ за первый год его существования: согласно ей, к 1 января 1929 г. на Институт было потрачено 106 627,70 динар; через полгода сумма расходов выросла до 268 358,70 динар [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 21, 38]. Более поздние финансовые отчеты, по всей видимости, не сохранились.

³ Так до 1929 г. официально именовалась Югославия.

⁴ Подробнее о РНИ см. [2. С. 3–27; 3. С. 172–182].

⁵ Документы РКК попали в указанный фонд благодаря тому, что одним из членов РКК был В.Н. Штрандтман – русский посланник в КСХС, назначенный А.В. Колчаком и возглавлявший Российскую миссию в Белграде (1919–1924), а затем, после ее формального упразднения, – Делегацию, ведающую интересами русской эмиграции в КСХС / Югославии (1924–1939).

Стремясь поддерживать репутацию «зарубежной русской Академии наук», РНИ делал ставку на привлечение к сотрудничеству лучших научных и литературных сил русского зарубежья. Лекции в Институте читали не только названные выше профессора Белградского университета и Торговой академии, но и приглашенные ученые, в том числе Е.В. Аничков, Н.Н. Головин, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, Д.П. Рябушинский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Е.Ф. Шмурло и др. В разные годы выступали перед студентами РНИ и писатели: К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, И. Северянин, Е.Н. Чириков. В их числе мог оказаться также И.А. Бунин, однако в силу разных причин, о которых пойдет речь далее, этого не произошло.

Собственно, Бунин был первым среди писателей-эмигрантов, к кому РНИ обратился с предложением выступить в своих стенах. Пригласить его, сроком на один семестр (который равнялся трем месяцам) и с ежемесячным окладом в 6 000 динар, было решено на первом заседании Совета РНИ, которое состоялось 24 июня 1928 г.⁶ Пять дней спустя, 29 июня, уже на заседании РКК, эту инициативу озвучил в докладе Е.В. Спекторский. РКК постановил его доклад «принять к сведению и просить председателя [РКК] профессора А.И. Белича⁷ переговорить об одновременном с академиком И.А. Буниным приглашении Д.С. Мережковского» [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12]. Окончательные условия бунинского сотрудничества с РНИ предполагалось обсудить в ходе предстоявших в сентябре 1928 г. в Белграде IV Съезда русских академических организаций и I Съезда союзов русских писателей и журналистов за границей. Бунин был приглашен на оба съезда: на один – как почетный академик, на другой – как литератор, и в Белграде не сомневались, что он почтит их своим присутствием.

Сам Бунин об инициативе РНИ и постановлении РКК узнал из письма Е.В. Спекторского от 18 июля 1928 г., где, среди прочего, отмечалось: «Относительно Ваших занятий в Белграде мы Вам предоставляем полную свободу. Единственное условие категорического характера – не принимать никакого участия в работе здешнего отделения пражского Земгора, ибо и мы, здешние ученые, и помогающие нам сербские учреждения смотрим на [Русский научный] институт как на строго академический противовес Земгора и его тенденциозной политической работы» [4. MS. 1066/5269]⁸.

⁶ На том же заседании Совет РНИ постановил пригласить наряду с Буниным и на тех же условиях: на один семестр – профессоров Н.О. Лосского и Д.П. Рябушинского, на один год – академика П.Б. Струве [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12]. В итоге Струве, переехав из Праги в Белград, возглавил отделение общественных и исторических наук РНИ. Югославскую столицу он покинул в 1942 г.

⁷ Все русские, знавшие А. Белича лично или хотя бы по переписке, звали его, в соответствии с русским речевым этикетом, по имени-отчеству: Александр Иванович.

⁸ Неприязненный отзыв Спекторского о белградском отделении пражского Земгора был обусловлен чисто политическими причинами: Земгор состоял в основном из членов партии социалистов-революционеров, в то время как сам Спекторский и большая часть профессуры РНИ были приверженцами правых идей. Под «тенденциозной политической работой» белградского Земгора Спекторский, очевидно, подразумевал в первую очередь выпускавшийся Земгором на сербском языке журнал «Русский архив», который стремился давать на своих страницах объективную – как правило, противоречившую пропагандистским усилиям правых – картину происходящего в СССР.

В том же письме Спекторский просил Бунина выступить на академическом съезде с воспоминаниями о Л.Н. Толстом, которому планировалось посвятить одно из заседаний, а также сообщить хотя бы приблизительную дату приезда в Белград и высказать пожелания насчет аванса для покрытия дорожных расходов.

Ответ Бунина на это послание не сохранился, однако из содержания следующего письма Спекторского, которое датировано 3 августа 1928 г., можно сделать вывод, что этот ответ был отрицательным. Несмотря на то, что, как почетный член Императорской академии наук, Бунин обладал правом «занять профессорскую кафедру в любом европейском университете» [5. С. 2], подобное поприще его никогда не прельщало. Например, в 1920 г. ему предоставлялась возможность стать профессором Софийского университета и возглавить кафедру новой русской литературы: за писателя хлопотал сам министр народного просвещения Болгарии Ц. Бакалов (см. [6. С. 35]). Однако Бунин этой возможностью пренебрег. В 1922 г. он, несмотря на уговоры чехословацкого правительства и некоторых частных лиц, так и не переехал в Прагу, чтобы «читать лекции русским студентам» [7. С. 61]. И даже в роли «публичного», «не академического» лектора Бунин за свою долгую жизнь попробовал себя всего лишь четыре раза: дважды в Одессе в 1919 г. (когда читал лекцию «Великий дурман» в Новороссийском университете) и дважды в Париже в первой половине 1920-х годов (когда выступил с сокращенным вариантом «Великого дурмана» в Salle de Société Savante и с лекцией о творчестве А.К. Толстого в Сорбонне).

Категорический отказ писателя становиться «профессором» РНИ не на шутку встревожил Спекторского, который поспешил «рассеять недоразумение»: «Мы вовсе не предлагаем Вам превратиться в профессора. Мы просто предлагаем Вам приехать в Белград погостить, на нас посмотреть, себя показать и в случае, если Вы пожелаете, устроить одно или два публ[ичных] выступления в виде лекции, чтения произведений и т. п. Приглашаем мы Вас не навсегда, а на несколько месяцев, если хотите, всего на один или два и предлагаем за это оплату проезда и 6 тыс. дин[ар] в месяц. Посему мы не теряем надежды, что Вы возьмете свой отказ назад и если не сейчас, то позже заглянете к нам. Я думаю, что после парижского, как сказал бы К.Н. Леонтьев, “смесительного упрощения” балканская “цветущая сложность”⁹ могла бы дать Вам несколько небесполезных впечатлений» [4. MS. 1066/5270].

Процитированные строки вынудили Бунина пересмотреть свое отношение к перспективе взойти на профессорскую кафедру в Белграде. 12 августа 1928 г. он сообщил Спекторскому: «То, что Вы теперь пишете, рисует мне дело в ином виде, и, быть может, зимой я воспользуюсь Вашим предложением¹⁰. Что до съездов, то боюсь, что занятия

⁹ Очевидно, леонтьевские термины из трактата «Византизм и славянство» (1875) послужили Спекторскому метафорами для обозначения и противопоставления государственного уклада Французской республики («упадочная» демократия как «смесительное упрощение») и КСХС (монархия как «цветущая сложность»). Эти же слова можно истолковать и как намек на преобладание левых тенденций в умонастроениях «русского Парижа» — в противоположность «русскому Белграду» с его преимущественным тяготением вправо.

¹⁰ Довольно скоро эти слова стали достоянием местной русской прессы, но в ее интерпретации они почему-то утратили свой гипотетический смысл. Так, белградская газета «Новое время», перечисляя тех, кто прибыл на I Съезд союзов русских писателей и журналистов

мои (весьма сейчас срочные)¹¹ и страх перед поездкой в Париж за визами, а потом перед мукой не спать двое суток, сидя в вагоне второго класса, лишат меня возможности быть на них» [9. Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 5. Л. 10]¹².

Однако и зимой 1928–1929 гг. Бунин в югославскую столицу не приехал. 6 ноября 1928 г. он писал председателю РКК А. Беличу: «Не теряю надежды заглянуть в Белград, хотя, признаюсь, боюсь Вашей зимы, она сурова, а у меня даже теплого пальто нет» [11. С. 265].

Несомненно, эти слова были доведены до сведения Спекторского и Совета РНИ. Тем не менее Институт не собирался так легко отказываться от своей первоначальной затеи и в июне 1929 г. через Спекторского повторно пригласил писателя выступить: «Мы Вас просим приехать на семестр, т.е. на 3 месяца. Если этот срок для Вас слишком продолжителен, то Вы можете его сократить. Никаких лекционных требований мы Вам не предъявляем. Но мы, конечно, были бы рады, если бы Вы выступили у нас один или несколько раз с Вашими произведениями, воспоминаниями или сообщениями о русской литературе. Вы можете выступать и по приглашению других организаций. В частности, я не сомневаюсь, что Вас пригласит Русская матица в Любляне¹³, где Ал. Д. Билимович предложит Вам гостеприимство в собственном доме. Единственное ограничение – это не выступать у здешнего [э]с[е]ровского Земгора, ведущего кампанию против Института и вообще, как Вы сами увидите, если приедете, представляющего довольно грязное учреждение. Если приедете, Вам будет возмещен проезд в оба конца во втором классе и Вы будете получать 6 000 динаров в месяц (точнее, за вычетом государственного сбора, 5 580). Не откажите сообщить, согласны ли Вы приехать и когда именно (наш сезон начнется в последних числах октября)» [4. MS. 1066/5271]. Каков был бунинский ответ и был ли он вообще, неизвестно.

за границей, отмечала: «Предполагалось еще присутствие И.А. Бунина, он дал свое согласие, но он получил приглашение от комитета открывающегося в Белграде Русского научного института и приедет только в конце года» [8. С. 1–2].

¹¹ Бунин подразумевал работу над третьей книгой «Жизни Арсеньева», которую в октябре 1928 г. он отправил в журнал «Современные записки» и которая была напечатана в декабре того же года (кн. XXXVII).

¹² Примерно то же самое Бунин писал Б.К. Зайцеву 30 августа 1928 г.: «В Белград, верно, не поеду. Не кончил работу, дай Бог кончить к самому концу сентября [...] Да оказывается, что нужно ехать непременно через Париж, где самому выправлять визы (швейцарскую и австрийскую) – да иметь нансеновский паспорт [...] да три ночи не спать (одну до Парижа, а две там) и т. д.» [10. С. 174].

¹³ Русская матица (1924–1945) – одна из крупнейших в КСХС / Югославии эмигрантских культурно-просветительных организаций. Она являлась «культурно-национальным обществом», ставившим целью «поддержание и развитие национального сознания среди русских людей; содействие народному просвещению; объединение русских людей на почве национально-культурной работы» (цит. по [12. С. 67]). Зародившись в Любляне, организация вскоре открыла свои отделения в ряде других югославских городов, в том числе в Нови-Саде, Большом Бечкереке (ныне – Зреняине), Црвенке, Кралево, Бачка-Тополе, Ужице, Сомборе, Загребе, Хростоваце, Баня-Луке, Мариборе, а также в Брюсселе. Один из основателей и первый председатель Русской матицы Ал. Дм. Билимович образно называл ее «дитем славянской беды» (см. [13. С. 19]).

В ноябре 1930 г. Спекторский получил назначение в Люблянский университет; переехав в Люблян, он также возглавил Русскую матицу (сменив Ал. Дм. Билимовича). А новым председателем РНИ был избран Ф.В. Тарановский. При нем попытки привлечь Бунина к сотрудничеству с РНИ, по всей видимости, не предпринимались.

Своего рода «постскриптумом» к былой переписке Бунина с РНИ стал присланный в ноябре 1933 г., в разгар «нобелевских дней», поздравительный адрес за подписью Тарановского: «Высокопочтимый Иван Алексеевич, вместе со всем Зарубеьем и со всей национально мыслящей и чувствующей подъяремной Русью Русский научный институт в Белграде восторженно приветствует достойное увенчание Вас Нобелевской премией и испытывает по этому поводу сладостное чувство народной гордости. / Просим Вас принять нашу глубокую благодарность за возвеличение пред целым светом русского имени, наше сердечное поздравление и искренние пожелания долгоденствия и процветания Вашего творчества» [4. MS. 1066/5395].

В конце лета 1937 г. Бунин наконец посетил Белград и ряд других югославских городов в рамках своего большого европейского турне (1935–1938), которое он совершал в качестве нобелевского лауреата. Однако и тогда ни в РНИ, ни где бы то ни было еще он публично не выступал (см. [14. С. 2; 15. С. 181–191]).

РНИ оказался едва ли не самым жизнеспособным «учреждением» РКК и притом более жизнестойким, чем сам Комитет, который был упразднен в марте 1937 г. После этого РНИ поступил в ведение Державной комиссии по делам русских беженцев и просуществовал вплоть до захвата Белграда гитлеровскими войсками в апреле 1941 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архив внешней политики Российской империи.
2. *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 14.
3. *Тесемников В.А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Сб. ст. М., 1991.
4. Русский архив в Лидсе.
5. *Федоров А.* Злоключения Бунина в Болгарии (Письмо из Софии) // Сегодня (Рига). 1933. 24 ноября. № 325.
6. *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы / Пер. с болг. М., 2008.
7. Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2-х т. / Под ред. М.Э. Грин; вступит. ст. Ю.В. Мальцева. М., 2005. Т. 2.
8. [Б. п.] Наши гости // Новое время (Белград). 1928. 25 сентября. № 2218.
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым / Публ. А. Зверса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. Кн. 134.
11. *Драшкоци С.* Писма Ивана Алексејевича Буњина Александру Белићу и краљу Александру Карађорђевићу // Зборник матице српске за славистику / Славистический сборник. Нови Сад, 1997. Кн. 53.
12. *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. статей. М., 1996.

13. *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский в эмиграции (1920–1951) // Славяноведение. 2009. № 1.
14. *Рыбинский Н. И.А.* Бунин в Югославии (Письмо из Белграда) // Сегодня (Рига). 1937. 1 сентября. № 239.
15. *Чурич Б.* Из жизни русского Белграда / Пер. с сербск. А. Тарасьева и М. Тарасьевой. Белград, 2015.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ-СЛАВЯНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (по материалам Государственного архива Ульяновской области)

© 2018 г. Б. Дулатов

Остравский университет

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Данная статья была разработана в рамках проекта

Моравско-Силезского края «Поддержка талантливых аспирантов Остравского университета», финансируемого из бюджета MSK (04544/2017/RRC)».

Статья затрагивает вопросы содержания военнопленных-славян австро-венгерской и германской армий в период Первой мировой войны в российской провинции, отношение к ним местных гражданских и военных властей, а также историю создания славянских национальных воинских формирований в составе русской армии.

The article tangles the issues of detention of the prisoners of war of Slavic origin from the Austrian-Hungarian and German armies during World War One in the Russian province. It examines attitude of the local civil and military authorities to them and the history of creation of Slavic national military units within the Russian army.

Ключевые слова: Первая мировая война, славяне-военнопленные, национальные воинские формирования.

Keywords: World War One, prisoners of war or Slavic origin, national military units.

DOI: 10.31857/S0869544X0000468-7

В ходе Первой мировой войны постепенно увеличивалось количество военнопленных в России, труд которых было решено использовать в разных сферах экономики. В столице и в российских регионах шел подготовительный процесс по реализации этой глобальной задачи. Так, например, в Симбирской губернии на официальном уровне 15 февраля 1916 г. прошло совещание, на котором рассматривался вопрос принятия «*дополнительного* (курсив мой. — Б.Д.) количества военнопленных» численностью 6 000 человек для распределения на сельскохозяйственные работы, т.е. в дополнение к уже имевшимся. Совещание регламентировало точное количество военнопленных по восьми уездам (от 400 до 1500 человек с учетом социально-экономических ресурсов каждого уезда). В соответствующей справке указывалось на наличие беженцев в губернии, из которых

40 % были трудоспособного возраста. Исходя из этого, губернские власти определили необходимость привлечения 5 560 военнопленных [1. Л. 6].

Характерно, что соответствующая проблема распределения и транспортировки военнопленных рассматривалась на государственном уровне. В частности, в телеграмме от 31 мая 1916 г. товарища министра земледелия губернским властям указывалось, что в случае наличия так называемых свободных военнопленных из числа выздоравливающих или новых на Симбирскую губернию предполагалось выделить до 2000 человек. С учетом соответствующих прогнозов автор телеграммы настойчиво рекомендовал принять меры для их приема и размещения. Основная административная нагрузка возлагалась на губернские земские управы, в обязанности которых входило информирование начальников сборного пункта военнопленных в Пензе и Главного управления Генерального штаба в Петрограде о возможных железнодорожных станциях и паромных пристанях, способных принять военнопленных с указанием конкретной даты. 2 июня 1916 г. состоялось Симбирское губернское совещание по вопросу о распределении между уездами новых партий военнопленных для использования на сельскохозяйственных работах, на котором присутствовали симбирский губернатор А.С. Ключаев, председатель губернской земской управы Н.Ф. Беляков, непреременный член Симбирского губернского присутствия В.Л. Персиянинов и председатели земских уездных управ [1. Л. 6]. Было достигнуто соглашение о распределении 2000 военнопленных по уездам в разном количественном соотношении, предполагалось также распределить около полутора сотен военнопленных из числа освобождаемых от работ на земском цементном заводе по трем уездам. Члены совещания резюмировали несоответствие заранее заявленной цифры более 5000 человек и прибывающих 2000 военнопленных. Логичен вывод о невыполнении плана увеличения количества военнопленных на сельскохозяйственных работах в губернии.

Председатель Симбирской губернской земской управы камергер двора императорского величества Н.Ф. Беляков и секретарь Сергиевский обратились к симбирскому губернатору с письмом, в котором утверждали, что 2000 военнопленных для эффективных работ в полевых условиях явно недостаточно. Ссылаясь на аналитические данные начальников уездных земских управ они указывали на необходимость привлечения дополнительно 5 000 человек, которых следовало распределить по всем уездам. При этом, по их общему мнению, только в Карсунском уезде требовалось 2000 военнопленных, в Сызранском — до 1000, в Симбирском — до 500 человек и т.д. Кроме того, для скорейшего окончания строительства железной дороги на территории Курмышского уезда требовалось еще 600 военнопленных [1. Л. 68].

Симбирский губернатор обозначил данную проблему перед Министерством земледелия. Очевидно, подобные обращения исходили от руководителей других российских губерний. Подобная практика являлась не новой в период Первой мировой войны. Научный интерес представляет содержание ответной телеграммы симбирскому генерал-губернатору, датированной 5 июля, в которой указывалось, что на период 30 июня только в Дарницкий лагерь были доставлены 167 267 здоровых, пригодных для

работ военнопленных. Эта цифра была взята из отчетов начальника Штаба верховного главнокомандующего, главного начальника снабжения армии Юго-Западного фронта, главного начальника Киевского военного округа и начальника сборного пункта военнопленных «Дарница Киевская». В июньский период изначально по нарядам Министерства земледелия и Главного управления Генерального штаба в 32 губернии для участия в сельскохозяйственных работах предполагалось отправить 164 000 военнопленных. Через несколько недель дополнительно распределили еще 77 000 военнопленных. Таким образом, в целом только за один летний месяц планировалось отправить в разные губернии 240 000 человек. Предпочтение отдавалось губерниям, являвшимся основными поставщиками продовольствия и фуража для фронта и находившимся в непосредственной к нему близости, население которых несло особую трудовую повинность. Об этом сообщил автор почтотелеграммы на имя симбирского губернатора, объясняя, почему Симбирская губерния, находящаяся вдали от линии фронта, не могла претендовать на увеличение потенциальных работников из числа военнопленных [1. Л. 73].

С начала Первой мировой войны основная масса военнопленных концентрировалась в нескольких крупных лагерях. Одним из таких был лагерь под названием «Дарница Киевская». Согласно инструкции по транспортировке, первоначально предполагалась отправка строго определенного количества военнопленных из «Дарницы Киевской» на станции Симбирск, Сызрань, Инза, Алатырь, Ардатов и Ибреси. Начальники уездных земских управ обязывались их принять и отчитаться перед начальником сборного пункта [1. Л. 19].

Интересен именно список тысячи военнопленных, отправленный начальником сборного Дарницкого лагеря симбирскому губернатору 22 сентября 1916 г., согласно которому на различного рода работы отправлялись только представители нижних чинов. Очевидно, офицерский корпус, по разным соображениям, представлял интерес для российских военных ведомств, и его отправка на подобные работы не практиковалась. Прибывшие же в Симбирск до пленения служили в более чем четырех десятках военных подразделений, имперских пехотных и гонведских (венгерских) полков. 114 человек имели звание фельдфебелей, старших и младших унтер-офицеров, в процентном соотношении они составляли 11,4 %. [1. Л. 89–105]. Можно предположить, что изначально военнопленные в Дарнице группировались по принадлежности к конкретной войсковой единице, т.е. сохраняли принцип объединения по национальному и территориальному признакам, существовавший задолго до сдачи в плен. Этого же принципа придерживались российские власти, распределяя военнопленных по губерниям, в том числе в Симбирскую.

Таким образом за длительный период пребывания в Дарницком лагере у этих солдат сложился свой особый психологический микроклимат и своеобразные взаимоотношения в зависимости от принадлежности к определенным полкам, поэтому на момент распределения в Симбирск или какой-либо другой административный центр эти военнопленные были хорошо знакомы друг с другом. По всей видимости, подобная модель

распределения военнопленных по усмотрению имперских властей являлась наиболее эффективной с целью контроля и организации их труда на различных хозяйственных объектах.

По национальному составу военнопленные распределялись следующим образом: чехи — 2 человека (0,2 %), болгары — 3 (0,3 %), словаки — 4 (0,4 %), румыны — 78 (7,8 %), немцы — 246 (24,6 %), мадьяры — 667 (66,7 %) человек [1. Л. 89–105]. Хотя большинство составляли мадьяры (венгры), следует иметь в виду, что многие словаки называли себя венграми, исходя из государственной принадлежности.

Война была в самом разгаре. Примечательно, что к 1916 г. многие чехи, равно как и представители ряда других славянских народов из австро-венгерской и германской армий, добровольно сдавались в плен и, в отличие от венгров и немцев, выразили желание сражаться в составе российских войск в различного рода национальных подразделениях. К сожалению, в источниках не указывается на основании каких критериев проводилась фильтрация военнопленных и их отправка в Симбирск. Однако представленные выше данные подтверждают факт отправки солдат-неславын австро-венгерской и германской армий в губернии, находящиеся в отдалении от фронта.

Профессиональная специализация военнопленных представлена следующим образом: крестьян всего 702 человека, из них венгров — 525, немцев — 100, румын — 72, словаков — 2, болгар — 3. Столяров-венгров — 21, немцев — 2, румын — 1, сапожников-венгров — 16, немцев — 9, румын — 1, купцов-венгров — 16, немцев — 11, рабочих-венгров — 10, немцев — 39 и так далее [1. Л. 89–105].

Процедура охраны и распределения военнопленных строго регламентировалась. На руководство каждой административно-территориальной единицы губернии возлагалась ответственность за формирование охраны военнопленных из расчета один стражник на десять пленных [1. Л. 54]. Несмотря на это случались и побеги пленных, на что неоднократно указывалось в официальных документах. К осени 1917 г. подобные прецеденты приняли масштабный характер. Основными причинами побегов являлись неудовлетворительные условия труда и содержания задержанных на работах военнопленных. Официальные же структуры возлагали ответственность на местные власти, не обеспечивавшие должный контроль. Так, в ноябре 1917 г. был разослан циркуляр № 755 губернским областным и городским комиссарам Временного правительства и Главного управления по делам милиции по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан за подписью начальника Главного управления Балавинского, в котором указывалось на массовые побеги военнопленных, особенно работавших в сельскохозяйственном секторе [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 9]. К циркуляру прилагался список сбежавших с указанием фамилии, имени, отчества, национальности, возраста, подданства и примет, а также района побега [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–12]. Руководителям всех уровней предписывалось обеспечить действенный надзор за всеми военнопленными и принять эффективные меры для задержания беглецов с последующей передачей их в военное ведомство. Очевидно, таких списков было несколько

с учетом увеличившегося числа побегов. Согласно списку из 300 военнопленных германской, австрийской и турецкой армий возраст военнопленных в основном составлял 25–38 лет. Встречаются единичные случаи наличия военнопленных старше 40 лет, имелись и более молодые люди.

Национальная принадлежность в данном списке отмечена выборочно: венгры-мадяры – 22 чел., немцы – 13 чел., поляков – 12, чехов – 10, турок – 9, русинов – 8, австрийцев – 7, словаков – 7, хорватов – 5, евреев – 5, румын – 4, молдаван – 4, «славянинов» – 3, словенцев – 2, сербов – 1, украинцев – 1. Проблема идентификации военнопленных по этническому признаку заключается в том, что среди, например, данного списка из 300 человек, доподлинно удалось установить национальность только 113 человек, в остальных случаях указано лишь гражданство [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–8, 13–15]. Подавляющее большинство составляли подданные титульных народов Австро-Венгрии.

Значительное число военнопленных зафиксировано как содержащиеся в европейской зоне Российской империи. В частности, по регионам данная ситуация выглядела следующим образом: Киев, Винница, Воронеж, Петроград. Большинство военнопленных на момент их побега концентрировались на Украине, в центральных губерниях России, небольшая часть – в Поволжье, в Перми, на Урале и в Сибири [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–8, 13–15]. Логично предположить, что на побег решались те военнопленные, которые содержались в западных и центральных губерниях империи, располагавшихся ближе к театру боевых действий. Очевидно, определенную роль играл и языковой фактор. Соответствующий вывод продиктован минимальным количеством турецких военнопленных. Более высокий удельный вес военнопленных венгров, австрийцев и немцев среди сбежавших характеризует их непримиримое отношение к России как чуждому государству по этническому и, возможно, по религиозному принципу.

Примечательно, что количество беглецов-чехов незначительно, вероятно, большинство из них добровольно вливались в лояльные царскому, а затем и Временному правительству национальные формирования.

На местах с определенной периодичностью уточнялись списки военнопленных. В Симбирской губернии они составлялись по национальному признаку с учетом предстоящей кампании по созданию славянских отрядов. Так, накануне революции только в одном уезде, по данным уездного земства, работали 45 военнопленных, из них словаков – 14, чехов – 31. В среднем в каждом населенном пункте работали от одного до восьми военнопленных: чехов обычно больше, чем словаков [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 8].

В заключительной части документа под названием «Сведения о содержании военнопленных» указывалось на огромные масштабы бегства военнопленных. По мнению составителя документа Самцова, подобное объяснялось крайне низкой дисциплинированностью и непрофессионализмом российских служащих, в первую очередь железнодорожных, в обязанности которых входил контроль за передвижением направленных на принудительные работы пленных, особенно к частным работодателям. В доказательство Самцов привел факты, выявленные при допросе беглого военнопленного австрийской армии, рядового 65-го пехотного полка Сумрачевского. По официальным данным Сумрачевский в июне 1914 г. попал в плен, впоследствии его отправили в Сибирь,

из Сибири он попал в Харьков, затем – в Херсонскую губернию на полевые рудники, где помимо него работали более 200 военнопленных. За все время, пока он передвигался по железной дороге, у него ни разу не проверили документы. На переезде через Буг караульный начальник принял Сумрачевского за беженца из Одессы и беспрепятственно пропустил на другой берег реки. По словам Сумрачевского на допросе, из плена бежали подобным образом более десяти человек. После задержания он был отправлен в Екатеринославль, в имение князя Урусова, где работали 60 военнопленных. Какая-либо охрана или надзор за ними отсутствовали, пленные свободно перемещались на расстоянии 50 верст. Из-за отсутствия должного питания и содержания до 20 военнопленных сбежали из имения, главным образом по железной дороге, не имея каких-либо документов. Подобные же сведения во время допроса сообщил военнопленный австрийской армии Петр Сеинганович, попавший в плен в ноябре 1914 г. Вместе с другими военнопленными его отправили в Ташкент, затем он попал в Харьков, также в имение Урусова, где также царили голод и антисанитария. Поэтому он и его соотечественник Моргалъ бежали, не столкнувшись во время «путешествия» по железной дороге с какими-либо препятствиями [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 23].

Как уже указывалось выше, значительная часть военнопленных-славян предпочитала воевать в составе российской армии в национальных формированиях. Для того чтобы привлечь на свою сторону колеблющихся, российская администрация разработала особые правила содержания военнопленных-славян в лагерях и рассылала их губернским властям. Подобный документ сохранился в Государственном архиве Ульяновской области [2. Оп. 2. Д. 14]. Изначально правила разрабатывались для польских военнопленных исходя из этнической близости поляков-подданных Российской империи и мобилизованных на территории Австро-Венгрии и Германии. Затем эти правила были распространены на чешских военнопленных.

Документ состоял из 14 пунктов. Находящимся в концентрационных лагерях военнопленным полякам предоставлялось право иметь своих выборных представителей для контакта с военными и административными властями, почтовых уполномоченных, своих кашеваров и медиков из пленных для лечения и обеспечения санитарного надзора. Польские военнопленные могли «более широко пользоваться прогулками вне лагеря» с соответствующим присмотром (а, следовательно, покупать необходимые товары на местных рынках), получать и читать книги и периодику на польском языке, официально разрешенные в России, устраивать библиотеки. Согласно правилам, поляки имели возможность переписываться на польском языке с польскими общественными организациями и частными лицами, а также военнопленными из других лагерей, с соблюдением, конечно, правил военной цензуры. Существенные послабления вводились в отношении вероисповедания. Поляки имели возможность без каких-либо ограничений посещать богослужения, к ним допускались духовные лица для удовлетворения религиозных нужд в лагерях и других местах их пребывания с условием обязательного присутствия представителей местных властей. По согласованию с командующим округа полякам разрешалось организовывать кассы взаимопомощи.

Среди польских военнопленных выделялись несколько особых категорий: инвалиды и больные, офицеры и представители интеллигентных профессий, одногодичные вольноопределяющиеся и др. Им, по согласованию в каждом отдельном случае с Главным управлением Генерального штаба и согласия командующего войсками округа, предоставлялось право жительства на частных квартирах. При этом требовались поручительство Центрального отдела Совета польских организаций, владельцев квартир или других частных лиц, а также подпись на документе об отказе от побега.

Представителям указанных категорий предоставлялась возможность заниматься свободным трудом в соответствии с их подготовкой и квалификацией, в частности, им разрешалось работать в польских организациях по оказанию помощи жертвам войны. По согласованию с командующим войсками округа на основании ходатайства польской организации польские военнопленные могли быть переведены из одного пункта содержания в другой, особенно если там находились братья или другие близкие родственники.

Предоставлялись определенные возможности для ознакомления с условиями быта военнопленных представителями польских организаций с целью оказания им материальной помощи и поддержки. Ответственность за соблюдение порядка возлагалась на центральные отделы, контролировавшие соответствующих представителей. На основании разрешения командующего войсками округа Главным управлением Генерального штаба выдавались именные удостоверения на право посещения мест водворения пленных. Военнопленным полякам предоставлялась возможность вступать в брак при соблюдении общих правил для представителей всех славянских народов.

Военный министр полковник Якубович официально утвердил документ в ноябре 1917 г. с уточнением, что подобные правила распространяются на военнопленных чехов и словаков. Значительная доля ответственности за соблюдение правил возлагалась на отделение Чехословацкого национального совета.

Военные ведомства, курирующие военнопленных, были заинтересованы в скорейшем проведении мобилизации военнопленных славян в национальные формирования русской армии, так как это снижало затраты на их содержание (закупку продуктов питания, строительство новых барачных по всем санитарным нормам), а кроме того уменьшало возможность потенциальных межнациональных конфликтов с военнопленными мадярами, немцами и австрийцами. Надо также иметь в виду, что реализация «правил» на практике затруднялась из-за напряженности со стороны военнопленных неславянских народов, недовольных односторонними послаблениями для своих вчерашних собратьев по оружию.

Многие чехи и этнически близкие к ним словаки искренне хотели сражаться в составе национальных вооруженных формирований против австрийской и германской армий. Из числа этнических чехов, проживавших на территории Российской империи, стали формироваться национальные отряды, которые известны в современной литературе как чешские дру-

жины, ставшие основой формирования в дальнейшем чешских национальных подразделений. Очевидно, эта работа активно проводилась в течение всей Первой мировой войны. Февральская революция 1917 г. по сути не изменила характера этой работы. Так, в июне 1917 г. с целью создания чехословацких подразделений Главное управление Генерального штаба выработало основные положения о формировании чехословацких войсковых частей из семи пунктов. Согласно первому, право формирования чехословацких воинских частей делегировалось военной комиссии при штабе Киевского военного округа. Данный округ непосредственно располагался в зоне соприкосновения с австро-венгерской и германской армиями, на его территории функционировал крупнейший лагерь для военнопленных — Дарницкий. Второй пункт предусматривал создание центрального органа из представителей чехов и словаков, а до начала его работы возлагал набор добровольцев на Союз чехословацких обществ в России. Наличие этого пункта свидетельствует о высоком уровне доверия российского общества и Временного правительства к чехословацким общественным организациям, которые в течение длительного периода времени проводили активную пропагандистскую работу среди соотечественников. Механизм организации набора добровольцев отражен в третьем пункте. Означенный центральный орган в перспективе должен был создать особую комиссию, члены которой под контролем центрального органа особых уполномоченных должны были провести поименную перепись добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков и выбрать из них благонадежных. Четвертый пункт этого документа возлагал на офицеров русской армии обязанность сопровождать уполномоченных в распоряжение начальника Киевского военного округа. Пятый пункт допускал возможность привлечения пленных чехов и словаков, имевших профессиональную техническую квалификацию, на работу на предприятия российской промышленности. Последними двумя пунктами предписывалось отправлять добровольцев отдельными партиями в распоряжение штаба Киевского военного округа на сборные пункты для формирования чехословацких войсковых частей.

Документ, хранящийся в Ульяновском областном архиве, предназначался симбирскому губернскому комиссару. Вероятно, что подобные документы направлялись и в другие губернии [3. Л. 1–4].

В губерниях и уездах проводилась разъяснительная работа среди чешских военнопленных силами специальных национальных отрядов. Так, например, прапорщик 1-го чехословацкого стрелкового полка имени Яна Гуса Карел Горних официально получил удостоверение за подписью начальника штаба Казанского военного округа от 27 ноября 1917 г. для проведения в Симбирском и Карсунском уездах Симбирской губернии набора чешских и словацких добровольцев из числа военнопленных австрийской армии [3. Л. 8]. Подобные чешские пропагандисты являлись агентами-проводниками идеи организации военных подразделений. После официальных встреч чешских военнопленных с делегируемыми к ним представителями проходили обсуждения и дискуссии, затем военнопленные принимали решение, писали коллективное прошение с указанием количества чешских добровольцев и их фамилий, данных об уплате ими национального налога в пользу Петроградского

отделения Национального совета, подтверждая таким образом желание зачисления в национальные подразделения. Например, в 1917 г. к Курмышскому уездному комиссару с официальным прошением обратилась группа из 38 военнопленных чехов. Они писали о нежелании оставаться в составе Австро-Венгерского государства, выражали готовность добиваться независимости путем вооруженной борьбы в качестве союзников России в соответствии с решением проходившего в Киеве Чехословацкого национального съезда с участием российских подданных чехов и делегатов чешской стрелковой бригады [З. Л. 6–7].

Следует отметить сохранявшийся дефицит промышленных кадров и технических специалистов в промышленном секторе, ориентированном на нужды фронта. Поэтому, руководствуясь решениями Временного правительства, администрация на местах предпринимала усилия для направления квалифицированных, технически подготовленных чешских и словацких работников на оборонные заводы. В связи с этим во всех губерниях уездным комиссарам и начальникам городской милиции за подписью заместителей губернских комиссаров направлялись предписания отправлять в армию только тех добровольцев, которые не имели нужной квалификации. Аналогичный документ получили и в Симбирской губернии [З. Л. 12].

Но и фронту требовалось подкрепление, поэтому Временное правительство и создавало национальные формирования не только из чехословаков, но и поляков, эльзасцев и румын, скорее всего придерживаясь тех принципов, которые соблюдались при формировании чехословацких отрядов.

В августе 1917 г. по уездам Симбирской губернии за подписью губернского комиссара были направлены телеграммы, в которых, со ссылкой на соглашение между союзниками, объявлялся официальный набор добровольцев из числа представителей вышеуказанных национальностей [З. Л. 14].

Однако на местах политика царского, а затем и Временного правительства по созданию национальных военных формирований, сражающихся против австро-венгерской и германской армий, начальным этапом которой было смягчение условий содержания военнопленных-славян, не всегда находила понимания. В частности, 30 мая 1917 г. симбирский временный комиссар Временного правительства в обращении к уездным комиссарам губернии со ссылкой на телеграмму из штаба Казанского военного округа за № 12816 указывал на необходимость улучшения положения военнопленных славян. Он привел многочисленные факты нарушений правительственных распоряжений со стороны администрации лагерей. Подобное положение вещей в значительной мере объяснялось непродуманной кадровой политикой, назначением на соответствующие должности людей, далеких от понимания идеи славянского единства или просто некомпетентных. Военнопленные-славяне часто жаловались на руководство лагерей, обвиняли его в грубости, унижениях, побоях. Они указывали на изнурительные работы, отвратительное питание, несоответствие помещений санитарным требованиям, дефицит одежды, белья и обуви, отсутствие должной заботы о больных, низком уровне заработной платы и ее задержки, на несоблюдение в лагерях принципа раздельного содержания

славян и национальных групп немцев и мадьяр. Австрийцы, немцы, мадьяры негативно воспринимали чешскую пропаганду. В отдельных случаях фиксировались факты агрессии с их стороны. Так, например, в октябре 1917 г. губернский комиссар, инспектор милиции Бонч-Осмоловский по Симбирскому региону зафиксировал избиение немцами и мадьярами военнопленных чехов за их желание вступить в добровольческие войсковые части [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 72]. Поэтому военный министр приказал соответствующим структурам провести тщательное обследование условий содержания военнопленных-славян во вверенных округах с устранением всех негативных проявлений [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 60–61].

Предпринятые меры несколько улучшили ситуацию. Так, например, начальник Буинской уездной милиции сообщал уездному комиссару о судьбе и положении 288 военнопленных славян, сконцентрированных в Буинском уезде. По его сведениям, славяне содержались изолированно от немцев и мадьяр, они проживали в разных селениях уезда и никаким притеснениям не подвергались, все их просьбы по улучшению быта немедленно удовлетворялись. Официальные структуры, согласно отчетности, предпринимали все меры по предоставлению славянским военнопленным льгот и расселению их на предстоящие осень и зиму в отдельных от немцев и мадьяр помещениях [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 59].

Но к подобным источникам нужно относиться с осторожностью: известно, что они могут представлять собой отписки или не соответствовать действительности из желания продемонстрировать служебное рвение. Поэтому некоторые сообщения с мест в ряде случаев требуют перепроверки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 83. Оп. 28, Д. 171.
2. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 676.
3. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 677.

СЕМИОТИКА И МИФЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ТРУДАХ ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА (ПАМЯТИ УЧЕНОГО)

© 2018 г. В.Я. Петрухин

*Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН;
профессор НИУ ВШЭ
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com*

Заметка характеризует роль Вяч. Вс. Иванова в исследовании славянской мифологии, методы реконструкции ее структуры. Особое внимание уделяется внедрению методов структурной типологии в исследование архаической славянской традиции.

The essay characterises the role of Vyacheslav Vs. Ivanov in investigating Slavic mythology, and methods of reconstruction of its structure. Special attention is paid to the introduction of the methods of structural typology in the exploration of the Slavic tradition.

Ключевые слова: славянская мифология, балто-славянская общность, структура текста.

Keywords: Slavic mythology, Balto-Slavic community, structure of the text.

DOI: 10.31857/S0869544X0000941-8

Обращение к славянским древностям и даже истокам славянства свойственны славистике как дисциплине, стремящейся определить свои границы. В отношении истоков и доисторической древности эти границы были трудно определимы, особенно когда речь идет о прародине славян и праславянском языке. Для археологов со времен Нидерле была очевидна сложность выделения праславянской культуры из общности «варварских» культур античной эпохи и римского мира к северу от Дуная. В отечественной лингвистике со времен А.А. Шахматова эта общность интерпретировалась как обширная балто-славянская: учитывалось родство славянских и балтских языков. Полемика вокруг степени этого родства и исторических связей славян и балтов продолжается в современной науке (см. работу Вяч. Вс. Иванова о начале этнической истории славян [1. С. 214–215]), но продуктивность сравнительно-исторического анализа этих языков для реконструкции истории и культуры балтов и славян в тот

период, когда «внешние» письменные источники были скудны, безусловно. Пионерами в области этой реконструкции балто-славянской культуры стали Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров.

В 1958 г. В.В. Иванов выступил со статьей, посвященной самому известному персонажу архаической славянской культуры, Перуну, и этимологии имени Перуна в сравнении с именем балтийского громовника [2]. Первая книга соавторов – Иванова и Топорова – «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» (М., 1965) основывалась еще преимущественно на славянском материале. Сложное название одновременно «скрывало» содержание книги, посвященной реконструкции древней славянской религиозной системы, и было вызывающим: семиотика и «моделирующие системы» не принимались официальной наукой, не мыслившей никакого моделирования вне производственных отношений и борьбы классов.

Тем временем в мировой исторической науке наметился «лингвистический поворот» – историки обратились к стремлению понимать *язык* своих источников и процессы культурной коммуникации, объединяющие людей разных социальных страт и общностей. Участником и инициатором этого процесса в отечественной исторической науке был А.Я. Гуревич, подвергшийся гонениям за структурализм и отсутствие приверженности ортодоксальному марксизму. Но «процесс пошел», сформировалась тартуско-московская семиотическая школа и в контексте этого процесса следует рассматривать очередную книгу Иванова и Топорова, носившую более понятное для «массового читателя» название «Исследования в области славянских древностей» (М., 1974).

Официальной советской науке чужды были не только лингвистические методы анализа источников – чужда была (и считалась рискованной) проблематика разнообразных «моделирующих систем», особенно религиозных. Это касалось и славян, и России (проблематика не только дохристианских верований, но и церковной истории была не в чести): исключением была разве что опубликованная в годы оттепели (1957 г.) книга С.А. Токарева «Религиозные верования восточнославянских народов XIX–начала XX века», но она не углублялась в славянскую древность и основывалась на данных этнографии.

Монополизировал проблематику славянских древностей Б.А. Рыбаков, чей обширный двухтомный труд «Язычество древних славян» (1981) и «Язычество древней Руси» (1987) возводил славянские архаические культы к археологическим находкам каменного века¹ (недаром двухтомник остается настольной книгой неоязычников). Рыбаков обратил внимание на «Исследования в области славянских древностей», ибо речь там шла об индоевропейской древности определенных имен и культов. Лингвистика мало интересовала автора, увлеченного романтическими кабинетно-этимологическими конструкциями. Парадоксальным образом совпали представления лингвистов и Рыбакова в связи с образом Ярилы, персонажа, популярного в фольклоре и литературе XIX в. и описанного в виде божества весны романтиком Древлянским (см. [3]). Не обошел вниманием Ры-

---

¹ Об этом направлении поиска Рыбаков заявил еще в своем докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 г.

баков и главного персонажа славянской мифологии – Перуна: он с сочувствием отнесся к его балто-славянской древности, продемонстрированной лингвистами [4. С. 417–420].

Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова интересовала не археологическая древность Перуна, а возможности реконструкции древнего состояния праславянской (балто-славянской) мифологии. Сравнительный анализ балтской и славянской традиций позволял реконструировать не только древние имена божеств, но и отношения между ними (чему на славянском материале была посвящена первая книга соавторов). Так, противник высшего (небесного) Бога в балтийских языках *Вяляяс/Велс*, которого преследует громовник, оказался сопоставимым со славянским Волосом (хтонический скотий бог), составлявшим пару с Перуном в древнейших русских текстах – договорах с греками. В реконструкции их противостояние составляло сюжетную основу не сохранившейся в виде мифологических текстов славянской (балто-славянской) мифологии – был реконструирован так называемый основной миф. Как уже говорилось, степень близости двух традиций и единства их мифологии дискутируется, но продемонстрированные в книге опыты индоевропейской реконструкции мифов из сохранившихся языковых «обломков» признаются перспективными (ср. о мифах балтов и славян в индоевропейской ретроспективе [5. Р. 222–238; 6]).

Сравнительно-историческими и типологическими исследованиями в области индоевропейской мифологии с ориентацией на проблемы реконструкции мифологии славянской специально занимался Вяч. Вс. Иванов [7]. Естественно, эти исследования опирались на методы, разработанные в европейской науке: книга 1974 г. «Исследования в области славянских древностей» основывается на подходах К. Леви-Строса, М. Элиаде и в первую очередь Ж. Дюмезиля, чьи работы признавались пионерскими в области реконструкции индоевропейской мифологии. Эти имена были известны отечественным исследователям, но не все работы были доступны, а время переводов еще не наступило.

В 1980-е годы очевидным стал, однако, не только научный, но и общественный интерес к темам, не актуальным с точки зрения официальной идеологии. Этот интерес проявился в событии, которое предшествовало переменам второй половины 1980-х годов. Издание двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» («Мифы»), предпринятое вполне официальным (политически актуальные статьи проходили визирование ЦК и МИДа) издательством «Большая Советская энциклопедия». Подготовка издания началась в «глухие» 1970-е годы, когда я оказался редактором в отделе археологии и этнографии после защиты в 1975 г. археологической диссертации, связанной по теме с мифологическими реконструкциями. Оппонентами на защите были С.А. Токарев и Е.М. Мелетинский – будущие главный редактор энциклопедии «Мифы» и его заместитель.

С.А. Токарев был признанным главой советской школы «религиоведения», наследником классических направлений в эволюционистской сравнительной этнографии: под его редакцией одновременно с первым томом «Мифов» в 1980 г. вышла «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера. Благодаря его давнему участию в научно-редакционном совете издательства БСЭ и дружбе с инициатором издания Е.М. Мелетинским, а также некоторой наивности

издательских властей, считавших «мифы» безопасными и забавными сказками, издание было включено в план. Но структурализма, в том числе трудов К. Леви-Строса, Токарев не принимал, настаивая на методической скудости сведения разнообразных мифо-религиозных структур к основным бинарным оппозициям. Между тем параллельно изданию «Мифов» Вяч. Вс. Иванов готовил «Структурную антропологию» Леви-Строса, которая вышла в «Этнографической библиотеке» в 1983 г. Эпоха переводов наступила, но книжный дефицит не позволял свободно пользоваться переводными книгами («Структурная антропология» вообще предназначалась для служебного пользования в «научных библиотеках»). Энциклопедия «Мифы» была прорывом к «массовому читателю» (хотя оставалась дефицитом и при стотысячном тираже). Разные подходы к проблемам изложения и систематизации мифов приводили к коллизиям в работе редакций и редколлегий: роль «медиатора» играл Е.М. Мелетинский, сдерживавший противоречия внутри коллектива. К обсуждению проблемы на ученом совете Института славяноведения и балканистики были привлечены С.Б. Бернштейн и Н.И. Толстой. «Баталии» по поводу структурализма продолжались и в домашнем кабинете С.А. Токарева: мне довелось принимать в них участие вместе с давним другом Токарева (и моим) Д.С. Раевским: тот писал для «Мифов» раздел по скифской мифологии, целиком основанный на принципах реконструкции мифологической структуры. Необходимо отдать должное С.А. Токареву как подлинному ученому: он не мог проигнорировать мнение своих коллег², разделы, основанные на методических установках структурализма, сохранились в энциклопедии без искажающей редакторской правки.

Не менее сложной была ситуация с проблемами реконструкции конкретных мифологических систем, прежде всего немаловажной для политизированной «Советской энциклопедии» славянской мифологии. Академик Б.А. Рыбаков не был включен в коллектив, готовивший «Мифы». Цикл статей по славянской мифологии писали Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров.

Энциклопедический характер изложения требовал унифицирующих это изложение схем статей, и разработки Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова были положены в основу структуры обобщающих статей по разным мифологиям с выделением разных уровней пантеона, функций культурных героев, представителей низшей мифологии и жречества/шаманства. Эти разработки предопределили статус «редакторов-консультантов» на обороте титула (но не членов редколлегии советского издания на самом титуле). Напомню, что диссиденту Вяч. Вс. Иванову к тому времени власти дали защитить докторскую диссертацию в Вильнюсе, В.Н. Топоров оставался кандидатом наук.

По энциклопедическим нормам статьи по славянской и балтийской мифологиям были разделены. Увлеченному возможностями сравнительного исследования и реконструкции древних мифологий (в том числе славянской), мне, как редактору, удалось настоять тогда на подготовке статьи

---

² Переживания, связанные с полемикой по поводу структурализма, сохранили дневниковые записи С.А. Токарева: «Благодарим судьбу за встречу с ним: О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке». М., 1995.

«Индоевропейская мифология», которая, как и все статьи по славянской и балтийской мифологиям, были написаны в соавторстве Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова. Большая часть индоевропейских мифологий (пожалуй, за исключением мифов античности) охарактеризована в энциклопедии теми же авторами; Иванов занимался и подготовкой статей по персонажам ближневосточных мифов, включая статью «Илья» (пророк), происхождение которых необходимо было прояснить при посредстве лингвистических реконструкций; Иванов и Топоров подготовили большую часть концептуальных статей, начиная с «Антропологических мифов» (Вяч. Вс. Иванов), работая, в основном, уже по отдельности, но сохраняя единый структурно-семиотический подход к мифологии.

Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров исследовали фольклор/ритуал как часть мифологической/религиозной системы и использовали его для реконструкции праславянской и прабалтийской мифологий. Отсюда характеристика календарных персонажей (Карачун, Купала, Масленица) и даже ритуальных объектов (каравай/коровай) как персонажей мифологических в «Мифах». «Живая» фольклорная мифология была представлена этнографическими статьями по мифологиям «живых» народов мира, но мифологические персонажи славян, балтов и балканских народов характеризовались в рамках доисторических реконструкций. Соавторы настояли на том, что все статьи по славянской и балтийской мифологиям будут идти под двумя подписями, — проблематикой они занимались совместно, но статьи по балтийской мифологии писал в основном В.Н. Топоров. Получилось, что статьи по персонажам балтийской мифологии (особенно низшего — демонического уровня) оказались более «живыми», связанными с «этнографией», чем ориентированные на задачи реконструкции характеристики славянских персонажей.

Ситуация стала меняться с началом подготовки «Мифологического словаря» после успешной реализации энциклопедии «Мифы»: словарь не требовал обобщающих статей по мифологиям, но требовал систематической характеристики персонажей. Ответственным реактором МС стал Е.М. Мелетинский (С.А. Токарев скончался в 1985 г.), Вяч. Вс. Иванов стал членом обновленной редколлегии издания (М., «Сов. Энциклопедия», 1991). Тогда к пополнению словника подключились Н.И. Толстой и С.М. Толстая, раздел по славянской мифологии обогатился статьями по демонологии. В 1980-е годы параллельно с изданием «Мифов» формировалась программа подготовки этнолингвистического словаря «Славянские древности» (проект словника и предварительные материалы были опубликованы в 1984 г.). Новое направление, названное Н.И. Толстым этнолингвистикой, призвано было осуществить синтез возможностей глубинной реконструкции — выявления общих тенденций развития славянских культур и разработки живого метаязыка, объединяющего эти культуры. Вместе с первым томом «Славянских древностей» в 1995 г. коллективом, работавшим над этнолингвистическим словарем, был издан популярный энциклопедический словарь «Славянская мифология»³, предваряемый двумя вводными статьями — обобщающей статьей Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова «Славянская мифология» из

---

³ Словарь выдержал несколько изданий, в дополненном виде издан по-сербски в Белграде в 2001 г. (под ред. С.М. Толстой и Л. Раденковича).

«Мифов» и статьей Н.И. Толстого «Славянские верования». Собственно славянская мифологическая древность, ограниченная практически несколькими упоминаниями имен языческих богов в средневековых источниках, представлена в этнолингвистических изданиях статьями из «Мифов» и продолжает традицию лингвистической реконструкции⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Иванов В.В.* Диалектные членения славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1982.
2. *Иванов В.В.* К этимологии балтийского и славянского названий бога грома // Вопросы славянского языкознания. М., 1958. Вып. 8.
3. *Петрухин В.Я.* Ярила // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 637.
4. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
5. *Puhvel J.* Comparative mythology. Baltimore, London, 1989.
6. *Гейштор А.* Мифология славян / Пер. с польск. А.М. Шпирта. М., 2014.
7. *Иванов В.В.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. IV.
8. *Михайлов Н.* История славянской мифологии в XX веке / Под ред. С.М. Толстой и В.Я. Петрухина. М., 2017.

---

⁴ См. историографический анализ [8].

ИСЛАНДСКИЕ ПРЯДИ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ПАМЯТИ ЕЛЕНА АРОНОВНЫ ГУРЕВИЧ

© 2018 г. В.Я. Петрухин

*Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН;
профессор НИУ ВШЭ
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com*

Фундаментальное издание исландских прядей, осуществленное Е.А. Гуревич, дает богатейший сравнительно-исторический материал для понимания социальных и религиозных трансформаций на Руси и в славянских странах в эпоху Средневековья.

The fundamental edition of the Icelandic strands made by Elena Gurevich gives an extremely rich comparative historical material for understanding social and religious transformations in Rus and Slavic countries in the Middle Ages.

Ключевые слова: саги, пряди, летопись, христианизация, язычество.

Keywords: sagas, strands, chronicle, Christianisation, paganism.

DOI: 10.31857/S0869544X0000469-8

Древнеисландская литература — «Эдда и саги» — стала важным источником для понимания истории и культуры славянского мира (вендов в сагах) и древней Руси со времен формирования русской исторической науки. Значение этого явления мировой литературы для русской истории и культуры ярко показала современная отечественная школа скандинавистов, у истоков которой стояли Е.А. Рыдзевская¹ и М.И. Стеблин-Каменский. А.Я. Гуревич продемонстрировал важность древнеисландской литературы для исследования средневекового мира Европы в целом: она является своеобразной «лабораторией для медиевистов». Наследницей знаменитого историка стала его дочь — филолог-скандинавист Е.А. Гуревич: сферой ее специальных интересов была поэзия скальдов [2] и исландские пряди, «вплетенные» в пространные тексты саг отдельные мотивы и сюжеты из жизни древних исландцев. Фундаментальное издание прядей

---

¹ Собрание трудов исследовательницы, погибшей в блокадном Ленинграде, было издано М.Б. Свердловым и И.П. Шаскольским в 1978 г. в самом начале знаменитой серии публикаций «Древнейшие государства на территории СССР» (ныне — «Древнейшие государства Восточной Европы» (см.[1]).

в серии «Литературные памятники» стало памятником замечательной исследовательнице, успевшей перед безвременной кончиной в начале 2018 г. издать это труд с пространным комментарием [3].

Книга безусловно станет ценнейшим пособием для славистов и специалистов по эпохе становления Руси, ибо речь в прядях идет о времени принятия христианства в Скандинавии, и процессы великих перемен, общие для двух регионов – Восточной и Северной Европы – освещены в прядях ярко и с такими деталями, которых лишены более сдержанные по стилистике русские летописные памятники. Естественно, самой знаменитой из содержащихся в книге прядей является «Прядь об Эймунде сыне Хринга» [3. С. 220–241], единственной целиком посвященной событиям на Руси – Гардарики саг, да еще в связи с распрями между сыновьями Владимира Святославича. Норвежский герой Эймунд, бежавший от конунга Олава Святого и возглавивший «варяжскую» дружину Ярицлейва/Ярослава в Хольмгарде/Новгороде в одиночку расправляется с его братьями-соперниками, что приводит к бесконечным реконструкциям детективных сюжетов с возведением вины за убийства не на летописного Святополка Окаянного, а на Ярослава Мудрого. Е.А. Гуревич отметила в комментариях вслед за предшественниками, что имена братьев Ярицлейва не поддаются однозначной идентификации с историческими персонажами, и историчность самого Эймунда остается под вопросом. Для интерпретации сюжета существенна общая установка саг на доминантную роль героя в «древнеисландском рассказе»: он оказывается антагонистом правителя (в пряди об Эймунде Ярослав не выглядит «мудрым», следует советам-указаниям Эймунда) и совершает все главные деяния (ср. [3. С. 617 и сл.]). Общее место фольклорных сюжетов напоминает повторение мотива трех братьев (в эту троицу включаются и Эймунд, и Ярицлейв в противоречии с летописным известием о 12 сыновьях Владимира). Менее универсальные, но распространенные сюжеты наводят на мысль об их циркуляции по «варяжскому пути»: когда Эймунд обороняет Хольмгард от бьярмов, он велит вырыть ров перед стенами, а женщинам вынести на стены золотые обручья, чтобы подманить ко рву осаждающих [3. С. 229]. Е.А. Гуревич вслед за Р. Куком указала параллель сюжету в сагах, где женщины со стен дразнят врагов своими сокровищами, осыпая их оскорблениями; Р. Кук возвел этот сюжет к реальной осаде Бари Робером Гвискаром: осаждающих осмеивали со стен женщины, размахивая драгоценностями; в кампании принимали участие варяги, которые могли передать сородичам эту историю (см. [3. С. 788]).

Замечу, что и здесь речь может идти о распространенном фольклорном сюжете и, возможно, обряде. Н.И. Толстой указал на описание московскими войсками отряда Лжедмитрия в Кромах: к ним «выходила потаскуха в чем мать родила» с исполнением поносных песен [4. С. 6–7]. В «Пряди об Эймунде» сюжет рационализирован (врагов заманивают в ловушку), но «путь из варяг в греки», окружающий Европу, действительно функционировал в рассказах о странствиях исландцев: показательно, что с точки зрения саг и прядей эти странствия свободно объединяли Скандинавию, Восточную Европу (Великую Свитьод) и Англию в полном соответствии с описанием упомянутого пути в «Повести временных лет», включавшей англов в число варяжских народов.

Среди массы мотивов, донесенных «прядью» и ожидающих дальнейших исследований, хотелось бы отметить рассуждение Эймунда о его судьбе в изгнании: «Нам следует позаботиться о том, чтобы в чужих глазах выглядеть позначительнее других торговых людей» [3. С. 222]. Нельзя не вспомнить о том, что сам летописный Вещий Олег прикинулся купцом, чтобы захватить Киев. Купцы входили в состав русской/варяжской дружины. У Эймунда иная установка – он хочет сохранить статус конунга – вождя дружины, недаром в завершении пряди он получает от благодарных правителей Руси Полоцк и прилегающие земли [3. С. 240]; ср. о Полоцке в «Пряди о Торвальде Путешественнике» [3. С. 672].

Для понимания того, что происходило на Руси в эпоху становления государственности, важны не столько прямые упоминания событий в Гардарики, сколько механизмы взаимодействия общества, живо представленные в прядах и сагах и скупо описанные в летописи. К таким взаимодействиям, механизмы которых очевидным образом схожи в Скандинавии и на Руси, относится сбор дани, сопровождающийся кормлением, – пирами, – это полюдые на Руси и вейцла в Норвегии. Давно отмечено, в частности А.Я. Гуревичем, что грубое насилие (внеэкономическое принуждение в марксистской схеме) не исчерпывало этих отношений: имел место обмен дарами (в терминах культурной антропологии – «обмен услугами»); достаточно напомнить описание полюдья руси у Константина Багрянородного, завершающееся *продажей* данниками-славянами лодок для русской дружины. Конфликты в этой системе обмена, были, однако, постоянными: летописная расправа над князем Игорем, пытавшимся дважды собрать дань с древлян – хрестоматийный пример такого конфликта. Другой пример – изгнание варягов в начале русской истории; последующее призвание тех же варягов, прозванных русью, чтобы те правили «по ряду, по праву», часто воспринимается как конструкция, призванная закамouflировать реальное завоевание.

Для понимания отношения правителя и «подданных» в раннем Средневековье важна «Прядь о Хеминге сыне Аслака». Она повествует об осенних разъездах по пирам (вейцла) норвежского конунга Харальда Сурового и о том, как этот «суровый советом» правитель должен был «рядиться» – вести переговоры с принимающей стороной. Из места, где он пировал, конунг призывает к себе очередного «хозяина» – мудрого человека и проводителя Аслака. «Милостиво» конунг заявляет, что Аслак должен готовить угощение для него и сотни его дружинников. Тот отвечает: «Я не в состоянии устроить для тебя угощение, но я готов взять на себя все расходы и дать столько денег, сколько потребуется, и сверх того поднести вам подарки, как если бы я принял вас у себя». На недоуменный вопрос конунга о том, почему Аслак отказывается устроить пир, тот отговаривается отсутствием помещения, достойного знатных людей, нехваткой ковров и т.п. Конунг продолжает настаивать на приеме, и Аслак соглашается. Пир удается на славу, правда, вместо ковров стены украшают щиты, и хозяин сетует, что пришлось занимать гвозди для этого декора. Отговорка выглядит вызывающе, и действительно, в последующем диалоге конунга с Аслаком развивается конфликт – «спортивное» состязание конунга с Хемингом, сыном Аслака (язычник Хеминг выходит победителем);

конфликт составляет содержание пряди и разрешается чудесным явлением духа Олава Святого и обращением героя-язычника [3. С. 414 и сл.].

Состязание — распространенный мотив саг и прядей, проливающий свет на быт раннесредневекового мира, в том числе и во время пиров: в «Пряди о Торстейне Силе Хуторов», дружиннике Олава Святого, содержащей сказочные сюжеты — добывание чудесных предметов в далеких царствах, в том числе в «Стране Великанов» на Востоке. На пире у тамошнего конунга человек из его окружения запускает бычьей костью в спутников Торстейна, тот (скрытый от глаз благодаря чудесному амулету) перехватывает кость и калечит одного из соперников. Разгневанный конунг опять-таки переводит конфликт в спортивное состязание — велит перебрасывать раскаленный мяч, затем состязаться в борьбе, затем в питье из двух гигантских рогов. При помощи уловок Торстейна его друзья спасаются и при этом испытании [3. С. 193–194].

Нельзя не вспомнить здесь двух самых больших рогов из самого большого древнерусского кургана Черная могила и языческих обрядов²: Ибн Фадлан рассказывает, что русы на похоронах «злоупотребляют набизом, пьют его ночью и днем, так что иной из них умрет, держа кубок в руке» [5. С. 143]. Не менее выразительны статьи «Русской правды», предполагающие наказание за ссору на пире, в том числе за удар кубком. Эти наблюдения представляются достаточно существенными, чтобы правильно понять (при распространенной ныне благочестивой интерпретации этого отказа) знаменитый отказ князя Владимира соблюдать обычаи ислама в эпоху выбора веры: «Руси есть веселье питье».

Выбор веры, свершившийся на Руси и в Скандинавии практически одновременно, не сразу преодолел «языческие» нормы быта («Русская правда» с обычаем кровной мести была записана после крещения Руси). Пряди и летопись сходным образом демонстрируют пути этого преодоления, но «бытовые» подробности, которые содержат пряди, естественно отличают этот жанр. Самое знаменитое и многократно исследованное описание «борьбы» с идолопоклонством содержит «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам», входящая в состав «Большой саги об Олаве Трюгвасоне» (христианском правителе Норвегии): идол Фрейра, бога плодородия, почитался в Швеции как живое существо, нуждавшееся в наложнице. «Дьявол говорил с людьми из его уст», — замечает христианский автор саги. Норвежец Гуннар («весельчак и отличный рассказчик»), бежавший от Олава, приглянулся наложнице «божества», что вызвало недовольствие идола — «дьявола». Тем не менее, пройдоха решился сопроводить ритуальную повозку, в которой возили Фрейра с его наложницей по Швеции, и Фрейр нападает на соперника. Тут Гуннар в мыслях принимает обет вернуться в христианскую веру и помириться с Олавом-конунгом: тогда истукан повалился, и из дупла выскочил демон. Победитель разбил в щепы истукана и вернулся к своей подруге. Вместе они разъезжали по пирам всю зиму, но Гуннар от имени Фрейра объявил о прекращении кровавых жертвоприношений (начал исполнять обет), ему удалось бежать от язычников в Норвегию и крестить свою жену [3. С. 83–86].

---

² Впрочем, кубок «большого орла» из рук Петра является не менее яркой параллелью приключениям норвежца в Стране Великанов.

Христианская интерпретация идолов как бездушных обрубков дерева, каковые могут оживить лишь вселившиеся в истукан бесы, соотносится с языческим представлением о том, что «жизни» идола способствуют жертвоприношения: в другой пряди рассказывается об идоле Тора, который мог разговаривать и передвигаться благодаря обильным жертвам, — усердный жертвователю выводил деревянного бога из капища и «водил Тора по острову». В состязание с ожившим идолом вступает сам конунг Олав Трюггвасон: деревянный идол не выдерживает традиционного для скандинавской традиции испытания огнем [3. С. 48]; ср. [3. 74–75], когда «Тор» с конунгом, взявшись за руки, должны были пройти через костер — при этом дерево, из которого был сделан идол, сгорело [3. С. 69–75]. Не менее парадоксальным представляется другой эпизод борьбы Олава с тем же Тором: упорствующий язычник Свейн («Прядь о Свейне и Финне» [3. С. 120 и сл.]) готов принять христианство при условии, что капище со всеми богатствами сохранится³. Договоренность привела к своеобразному «двоеверию»: Тор не лишился материального содержания, а домочадцы Свейна крестились. Тем временем сын Свейна Финн принял крещение в Дании и вернулся ко двору Олава. Конунг рассказал Финну историю о двоеверном поведении отца — она приводит сына-христианина в такую ярость, что он обвиняет конунга в еретическом попустительстве язычникам. Тор, предчувствуя недоброе, во сне явился к брату Финна, сетуя на свою судьбу, но тот отказал в сочувствии беспомощному богу. Финн явился в капище, собрал в мешок накопленные там сокровища, сбросил богов с их престолов. Тору накинул на шею веревку, потащил истукана к берегу. «Там он привязал его к лодке и поплыл к конунгу, а Тор всю дорогу болтался за бортом под водой. Время от времени Финн наносил ему удары», а, прибывши к Олаву, разбил идола в щепы и сжег дотла.

Описание окончательной расправы с идолом находит параллели как в летописи, так и в латинских хрониках, описывающих разорение капищ у балтийских славян. В «Повести временных лет» особо выделяется расправа с кумиром Перуна, которого волокут к берегу, бьют палками и спускают по реке к Днепровским порогам: описание близко повествованию об изгнании Февруария из Рима в источнике летописи — Хронике Амартола [7. С. 246–255]; (ср. типологически близкие «обряды насилия» в иконоборчестве [8. С. 254 и сл.] и т.п. Специального комментария в связи с сюжетом из цитированной «пряди» заслуживает рассказ, очевидно распространяющий «дублетный» текст о влечении Перуна к Волхову в Новгороде; наутро после разорения «гребнища» житель новгородского предместья Пидьбы, направлявшийся продавать посуду в город, обнаружил, что Перун пристал к берегу «и отрину и шистомъ: “ты, рече, Перушице, досыти еси пиль и яль, а ныне попллови прочь”» [9. С. 160]. Фольклорный диалог с низвергнутым кумиром, который именуется пренебрежительно, — уникальный «языческий» реликт бытового отношения к высшему божеству, после крещения лишенному содержания, подобно скандинавскому «собрату».

Скандинавская «лаборатория», открытая Е.А. Гуревич, подарит еще немало сюжетов для понимания жизни средневековой эпохи.

---

³ Мотив капищ, как мест концентрации сокровищ, роднит скандинавскую традицию с традицией балтийских славян, которым латинские хронисты приписывали даже обычай десятины, жертвуемой язычниками своим богам ([6. С. 307]; ср. [3. С.26, 49, 245]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия: IX–XIV века. М., 1978.
2. *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов / Отв. ред. Е.М. Мелетинский. М., 2000.
3. Исландские пряди / Издание подготовила Е.А. Гуревич. Отв. ред. О.А. Смирницкая. М., 2017.
4. *Толстой Н.И.* «...Выходила потаскуха в чем мать родила» // Живая старина. 1994. № 4.
5. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков, 1956.
6. *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М., 2009.
7. *Петрухин В.Я.* «Проводы Перуна»: древнерусский «фольклор» и византийская традиция // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого. Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2004.
8. *Майзульс М.Р.* «Если ты бог – защищайся»: католические модели протестантского иконоборчества // Одиссей: человек в истории. 2015–2016. М., 2017.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 // ПСРЛ. Т. 3 (репринт издания под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950).

Н.Ф. КОТЛЯР. Удельная раздробленность Руси. СПб., 2017. 381 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0000470-0

Монография Н.Ф. Котляра «Удельная раздробленность Руси» в определенной степени повторяет и продолжает его работу «Древнерусская государственность», посвященную начальным стадиям восточнославянского политогенеза, в ходе которого из «надплеменного государства» сложилось «дружинное государство», в первой половине XI в. трансформировавшееся в «относительно централизованную» или «раннефеодальную монархию», просуществовавшую до смерти Мстислава I в 1132 г. [1]. Последние концептуальные определения и датировки, которые можно найти, например, в работах В.Т. Пашуто [2. С. 11] и Б.А. Рыбакова [3. С. 464, 469–470], присутствуют и в первой главе рецензируемой книги. В то же время, предпринята попытка пересмотра датировки «феодальной раздробленности», в результате которой «относительно единая держава Ярославичей в 40–70-х годах XII в. стремительно разделилась на два десятка княжеств и земель» (с. 3), но и это вряд ли можно считать новацией, так как аналогичная тенденция еще в 1980-х гг. наблюдалась в работах П.П. Толочко [4. С. 254, 256; 5. С. 112].

Историографический обзор трактовок удельного периода во второй главе представителями дореволюционной (В.Н. Татищев, М.П. Погодин, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский, А.Е. Пресняков, М.С. Грушевский) и советской историографии (А.С. Орлов, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин) повторяет шестую главу

в книге «Древнерусская государственность», ключевым аспектом которой являлась корректировка тезиса Б.А. Рыбакова о распаде древнерусского государства в 30-е годы XII в. на полтора десятка независимых княжеств и пересмотр тезиса о прогрессивном характере феодальной раздробленности. Работы более поздних авторов не рассматриваются.

Изложение фактического материала начинается с третьей главы, где обсуждается вопрос о формах междукняжеской кооперации (дуумвираты и триумвираты) и рассматривается феномен князей-изгоев. Некоторые фрагменты этой главы также восходят к 3–4 главе в книге «Древнерусская государственность». Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на авторские трактовки междукняжеских разделов 1026 и 1054 г. Трактовка раздела Русской земли в 1026 г. между Ярославом и Мстиславом Владимировичами базируется на представлении о том, что в первоначальной редакции летописного рассказа говорилось о равноправии братьев, а дополнения о «старейшинстве» Ярослава были добавлены позднее. Трактовка раздела 1054 г. базировалась на представлении о том, что летописный рассказ о «ряде» Ярослава Владимировича был нацелен на «правовое регулирование земельных отношений на Руси», которое «долгое время отсутствовало даже среди Рюриковичей», и провозглашал «лествичный» порядок замещения столов по старшинству (с. 51, 52).

При этом автор, ограничив историографический экскурс по истории изучения этого текста противопоставлением «доверительной» трактовки М.С. Грушевского и «скептической» трактовки А.Е. Преснякова, проигнорировал критические наблюдения, сделанные другими исследователями – например, А.А. Шахматовым, атрибутировавшим этот летописный рассказ составителю гипотетического Первого Печерского свода 1073 г. Никону [6. С. 284–304], или Л.В. Черепниным, который полагал, что он был зафиксирован в гипотетическом Начальном своде 1090-х годов [7. С. 324–325]. Следует отметить, что и М.С. Грушевский не слишком верил в достоверность этого рассказа, говоря о том, что летописное поучение соответствует политическим идеалам современного князю общества и что «оно могло быть вложено в уста Ярослава любым современным книжником, однако, с другой стороны, невозможно указать в нем ничего, что противилось бы положению или желаниям Ярослава» [8. С. 46–47]. В четвертой главе дана социально-политическая характеристика «ряда», в которой синтезированы наблюдения А.Е. Преснякова, В.О. Ключевского и Л.В. Черепнина, что позволяет отождествлять «лествичный» порядок наследования столов, установленный, как полагает исследователь, «рядом» Ярослава, с феодальной иерархией.

В вопросе о мотивах действий Ростислава Владимировича – первого князя-изгоя, Н.Ф. Котляр следует за М.С. Грушевским, полагавшим, что он мог претендовать на западнорусские земли (переданные по решению Любечского съезда 1097 г. его сыновьям), хотя подобное утверждение вступает в противоречие с летописными известиями о том, что в середине 1060-х годов Ростислав пытался укрепиться на княжении в Тмуторокани. Деятельность же изгоев в целом, по мнению Н.Ф. Котляра, была обусловлена исключением младших князей из родового порядка наследования, что провоцировало междоусобные

войны, следствием которых являлось усиление раздробленности.

Глава 5 посвящена деятельности княжеских кланов (Ольговичей, Мономашичей, галицких Ростиславичей и др.) в конце XI–XII вв., в большинстве из которых оформился «отчинный» принцип наследования волостей, провозглашенный на Любечском съезде 1097 г., тогда как клан Ольговичей почти до самого монгольского нашествия сохранял верность родовому («лествичному») принципу передачи власти. Развитие этой темы продолжается в седьмой главе, где повествуется о междукняжеской борьбе за Киев в середине XII – начале XIII в., фигурантами которой являлись Ольговичи, Мономашичи и их потомки. Как отмечает автор, соперничество за «старейшинство» внутри кланов протекало в дипломатическом русле, но с 1140–1160-х годов оно трансформируется так, что уже не связывается с обязательным пребыванием главы того или иного клана на киевском столе.

Глава 6, которая, как указывалось выше, восходит к шестой главе в книге «Древнерусская государственность», посвящена княжескому и боярскому землевладению, развитие которого являлось «универсальной причиной» раздробления Руси на уделы, начиная со второй половины XI в. «приводившей в движение все процессы и явления жизни в государстве» (с. 139). Разделяя эти два типа феодального землевладения, Н.Ф. Котляр выступает против тенденции к его удревнению, сформировавшейся в советской историографии в середине XX в., относящей период его становления к X в., а период юридического оформления – ко второй половине XI–XII вв., следуя за построениями Л.В. Черепнина и О.М. Рапова. Оставаясь в рамках разработанной Черепниным концепции «государственного феодализма», Н.Ф. Котляр отмечает, что «на Руси князь прежде всего был верховным властителем и олицетворял государство, а его личные владения (если они и существовали в X – первой половине XI в.) вряд ли отделя-

лись от общегосударственных — как в его понимании, так и в представлениях его подданных. С наступлением же удельной раздробленности областной князь в экономической области также оставался независимым от великого князя киевского или (в Северо-Восточной Руси) владими́ро-суздальского» (с. 152–153). Исходя из этих представлений, исследователь подверг критике тезис о княжеских бенефициях, подчеркивая, что «в практике межкняжеских отношений было замещение столов либо по принципу лестничного восхождения, либо (к концу XII в.) по отчинному порядку», так как «для древнерусского времени летописи не знают случаев лишения князьями-сюзеренами вассалов столов», хотя «во многих европейских странах того времени бенефиции не только раздавались, но и отнимались сюзеренами» (с. 155), в то время как сведения о пожаловании князьям волостей за службу на Руси в древнерусских источниках можно встретить нечасто (с. 161), так что для эпохи удельной раздробленности «не приходится говорить о складывании пусть даже элементарной и сколько-нибудь постоянной бенефициарной системы в государстве» (с. 166). Правда, Н.Ф. Котляр допускает существование бенефициев в качестве одной из разновидностей боярского землевладения (наряду с наследственными владениями и захватом общинной земли), но ключевой тезис исследователя заключается в том, что «на Руси XII–XIII вв. боярское землевладение, среднее и крупное, почти во всех зафиксированных источниками случаях было безусловно вотчинным, аллодиальным» (с. 183). Рассмотрение проблем феодального землевладения заверша-

ется в восьмой главе, где рассматривается процесс образования княжеских доменов и образования государственной территории в Киевской, Черниговской, Галицкой и Волынской землях на протяжении XI–XIII вв.

Подводя итог, можно сказать, что монография Н.Ф. Котляра, несмотря на избирательный подход к историографическому материалу, представляет попытку синтеза теоретических установок дореволюционной и советской историографии, хотя влияние стереотипов советской феодальной парадигмы исследователю так и не удается преодолеть окончательно.

© 2018 г. Д.А. Боровков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998; 2-е изд. СПб., 2016.
2. *Паушто В.Т.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши в XII–XIV вв. М., 1974.
3. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
4. *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983.
5. *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
6. *Шахматов А.А.* История русского летописания: В 2 т. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1.
7. *Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1948. Т. 25.
8. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2

М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян. М., 2016. 418 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0000470-0

Масштаб фигуры Лермонтова, огромное значение его творчества для нас, для всей русской литературы не вызывает никаких сомнений. Ученым-литературоведам, создававшим рецензируемую книгу, интересно было рассмотреть его творчество в контексте всех славянских литератур, проследить, как оно входило в культурное пространство славян, какой отклик находило в их культурной среде и когда именно этот интерес к великому русскому поэту начал проявляться. Собственно, впервые современное отечественное и зарубежное литературоведение подошло к данному вопросу столь масштабно и глубоко, решив рассмотреть проблему в таком широком контексте. В своей совокупности исследования, помещенные в настоящей книге, создали общую картину бытования произведений Лермонтова в славянском зарубежье, начиная с 1840-х годов вплоть до первых десятилетий XXI в.

Особо хочется отметить ясную и логичную композицию книги. Ее предваряет введение под заголовком «О контексте и мотивации проблемы», блестяще написанное ответственным редактором сборника Л.Н. Будаговой. Далее следуют четыре раздела, расположенные по принципу от общего к частному: от статей обзорного характера (раздел I), изучения контактных и типологических связей между отдельными произведениями Лермонтова и других славянских писателей (раздел II) до статей, посвященных произведениям Лермонтова, вызвавшим наибольший интерес у западных и южных славян

и до сих пор не дающим покоя исследователям и переводчикам — поэме «Демон» и драме «Маскарад» (раздел III). Раздел IV, озаглавленный строчкой из стихотворения поэта «Нет, я не Байрон, я — другой», завершает сборник. Сразу же хочется отметить, что богатство содержания книги и логика построения дают все основания считать ее даже не сборником статей, а полноценной коллективной монографией.

Введение очерчивает мотивацию, основные цели, задачи издания, его актуальность. Обозначенная здесь Л.Н. Будаговой сверхзадача книги отсылает нас к сверхзадаче всей современной литературоведческой славистики в целом: взглянуть на некое явление (в данном случае на творчество Лермонтова), на его восприятие разными народами «с высоты сегодняшнего дня, с высоты науки, свободной, как хотелось бы надеяться, от идеологических императивов недавнего прошлого и политической конъюнктуры настоящего, пересмотреть старые и найти новые аргументы, способные подтвердить плодотворность русско-славянских связей в становлении и функционировании национальных литератур» (с. 10–11). Кроме того, автор введения совершенно справедливо отмечает злободневность такого глубокого и детального изучения и освещения русско-славянских связей в свете сегодняшней политической и культурной разобщенности славянских народов и — как следствие — ослабления межславянских связей и даже памяти о них.

В первый раздел сборника, получивший название «Восприятие творчества Лермонтова за рубежом и в современной России», были включены статьи обзорного характера, посвященные специфике бытования и рецепции произведений Лермонтова в различных славянских странах. В самом широком контексте рассматривает вопрос о восприятии Лермонтова в Польше А.В. Липатов, размышляя в целом об особенностях зарубежной рецепции русской литературы. Отдельные авторы – И.И. Калиганов, Ю.А. Созина, Б. Косанович, Д. Ристецки взяли на себя огромный труд проследить всю историю восприятия произведений русского поэта соответственно в Болгарии, Словении, Сербии, Македонии, начиная с самых первых переводов и до настоящего времени. Из этих статей особо хочется отметить работы Калиганова и Косановича, очень богатые по содержанию, выделяющие все основные научные материалы, выходящие в Болгарии и Сербии о творчестве Лермонтова, глубоко анализирующие процесс изменения отношения к русскому поэту в этих странах в разные периоды истории. При этом Калиганов даже разрабатывает собственную периодизацию развития лермонтоведения в Болгарии, несколько отличающуюся от принятой в болгарском литературоведении. Кроме того, в конце статьи автор приводит обширную библиографию переводов основных произведений Лермонтова на болгарский язык и изданий его собраний сочинений и избранных сочинений в Болгарии.

Другие исследователи, чьи статьи также вошли в первый раздел книги, подробно остановились в своих научных материалах на анализе рецепции произведений Лермонтова в определенные исторические периоды: Д. Блюмова – в Чехии на рубеже XIX–XX вв., А.Г. Машкова – в Словакии в XIX – начале XX в., А. Элиаш – в Словакии в 1970-х–2010-х годах. Изучая эти статьи, сразу обращаешь внимание на то, насколько по-разному шел процесс освоения наследия Лермонтова отдельными славянскими народами. К примеру, поляки, чехи, сербы и хорваты уже в 1840-е годы начали переводить его стихотворения и повести, тогда как

словаки, словенцы, болгары, македонцы стали знакомиться с ними лишь в 1860–1870-е годы. При этом далеко не всем народам (особенно это касается словаков) импонировала лермонтовская критика «немытой России», ведь именно с Россией они, страдающие от иноземного владычества, связывали свои надежды на освобождение. Этим можно объяснить их изначально настроенное отношение к русскому поэту. Еще одно из любопытных наблюдений исследователей заключается в том, что популярность Лермонтова в различных славянских странах резко возросла в периоды общественных кризисов, скепсиса, разочарований, переоценки ценностей. Интересный взгляд ученого-лингвиста на творчество Лермонтова демонстрирует статья Н.Е. Ананьевой, рассматривающей полонизмы, польские реалии и, в целом, факты обращения поэта к польской тематике. На фоне многочисленных исследований о восприятии Лермонтова в странах Центральной и Юго-Восточной Европы неожиданным и приятным дополнением являются включенные в данный раздел статьи, посвященные тенденциям в современном российском лермонтоведении и новым традициям лермонтовских чтений в России (Т.С. Милованова, С.Ю. Ахметдинова).

Второй раздел сборника «Произведения Лермонтова и других писателей: типологические и контактные связи» состоит из десяти статей, в каждой из которых, как следует из названия, рассматриваются параллели между произведениями Лермонтова и произведениями других славянских авторов. Так, необычное для российского и словенского литературоведения сравнение приводит в своей статье М.Л. Бершадская, анализируя типологическое сходство на уровне тематики, композиции, поэтики и образной структуры между поэмой «Крещение у Савицы» Ф. Прешерна и поэмой Лермонтова «Последний сын вольности». Сравнение это необычно потому, что творчество великого словенского поэта давно принято сопоставлять с творчеством А.С. Пушкина, и такая традиция укоренилась уже довольно глубоко, од-

нако не менее плодотворным для изучения вопроса о своеобразии национально-исторических форм романтической поэмы оказывается и сравнение, которое приводится в данной статье. Рассуждая о лермонтовских героях, многие исследователи находят в славянских литературах родственные им явления: образы незаурядных личностей у Лермонтова сравниваются с подобными образами в словацкой поэзии (Н.В. Шведова); образы кавказцев в лермонтовской поэзии — с образами цыган у чешского поэта-романтика К.Г. Махи (А.В. Амелина); «печоринский» тип героя обнаруживается в ряде произведений словацкой литературы XX в. (Л.Ф. Широкова); образ русалки как героини литературы романтизма анализируется на примере произведений Лермонтова, Г. Гейне и М. Богдановича (С.Ф. Мусиенко). Особенности поэтики лермонтовских произведений, поднимаемые в его творчестве темы и проблемы становятся отправной точкой для сопоставительного анализа и рассуждений о связях, как контактных, так и типологических, с творчеством славянских писателей. Сквозь призму проблемы фатализма, столь значимой для творчества Лермонтова, рассматриваются произведения сербской литературы XX в. в статье С.Н. Мещерякова. Словенская исследовательница Н. Зайц сравнивает поэзию Лермонтова и поэзию С. Енко, акцентируя при этом внимание на проблеме лирического «я» у обоих поэтов. Творческие параллели и взаимосвязи между Лермонтовым и болгарским классиком И. Вазовым, к слову, много переводившим произведения русского поэта, находит в своей статье М.Г. Смольянинова. С точки зрения лермонтовских традиций и присутствия лермонтовского начала анализирует творчество Г. Сенкевича и А.К. Толстого Л.А. Мальцев, подчеркивающий несомненную перекличку романов «Огнем и мечом» и «Князь Серебряный» с «Песней про... купца Калашникова». Венчает эту часть книги статья И.Р. Монаховой, непосредственно погружающая читателя в лермонтовскую эпоху, в ее атмосферу, нравы и прекрасно иллюстрирующая ее цитатами из писем В.Г. Белинского. На примере от-

кликов Белинского на произведения Лермонтова особенно заметно, насколько творчество поэта было близко его современникам не только как образец высокой литературы, но и как выражение мыслей, чувств, воззрений их поколения.

Следующий раздел сборника составили статьи, в которых исследователи заострили свое внимание на двух вершинных творениях Лермонтова — поэме «Демон» и драме «Маскарад», каждое из которых почти на все славянские языки переводилось неоднократно. Рассматривая различные переводы «Демона» на чешский язык, начиная с самого первого, сделанного еще в 1863 г. Э. Ваврой, и оканчивая последним переводом М. Дворжака 2012 г., Н.К. Жакова прослеживает эволюцию восприятия зарубежными переводчиками и читателями этого произведения и его героев. Автор отмечает, как на язык перевода поэмы повлияли некоторые общие тенденции чешской поэзии (например отход от интонационных синтаксических знаков), а стремление сделать текст Лермонтова доступнее современному читателю нередко лишало перевод поэмы возвышенности и эмоционального накала. И.Н. Смирнова из нескольких переводов «Демона» на болгарский язык выбрала для анализа переводы Л. Любенова, Л. Стоянова и И. Вазова, придя к выводу о некотором упрощении образа Демона во всех трех случаях, об определенной болгаризации образных средств (олицетворения, метафор) и отдельных переводческих ошибках.

Что касается лермонтовской драматургии, то она находила путь к читателю и зрителю труднее и дольше всех других произведений. Драма «Маскарад» пользовалась наибольшей популярностью, но и ее начали переводить на славянские языки лишь в XX в. Среди статей, вошедших в сборник, три посвящены постановкам «Маскарада» на чешской и словацкой сценах (статьи И.А. Герчиковой, И. Райховой, М. Бабиака). Далекое не все рассматриваемые постановки были удачными, не всегда бравшиеся за пьесу режиссеры, а вслед за ними и публика, приходившая в театры, были

достаточно подготовлены к производству такой сложности и масштаба, как «Маскарад». Однако сам факт того, что в Чехии и Словакии в последнее десятилетие появилось несколько новых постановок «Маскарада», доказывает, что Лермонтов остается востребованным автором и его драматургия по-прежнему злободневна.

Интересным и нетривиальным композиционным решением стало вынесение обширной обобщающей статьи Л.Н. Будаговой «О специфике восприятия творчества М.Ю. Лермонтова западными и южными славянами» в особый раздел IV, озаглавленный строчкой из стихотворения поэта «Нет, я не Байрон, я — другой». Данная статья — это не просто некое заключение и обобщение всего вышесказанного, отнюдь не краткое резюме, которым порой принято завершать подобные научные сборники. В первую очередь, это интересное индивидуальное исследование автора, в котором анализируется неоднозначный и асинхронный процесс восприятия творчества Лермонтова у славян, хронология и особые выявленные пристрастия различных народов к отдельным его произведениям. Рецепция Лермонтова, как объясняет Л.Н. Будагова, способствовала развитию и совершенствованию романтизма и реализма у славян, с одной стороны, привнеся в романтизм, склонный у них к героической эпике, субъективно-лирическое начало, а с другой — освободив реализм от рудиментов романтического стиля, усилив в нем критико-аналитическое начало. Опыт Лермонтова участвует и в развитии психологической прозы, в пробуждении интереса к образам «лишних», «странных» людей, чей индивидуализм начинает ассоциироваться с борьбой личности за духовную свободу, за право человека быть самим собой. Но главное — творчество русского поэта предвосхитило возникновение модернизма рубежа веков. Глубокий знарок славянского модерна, Л.Н. Будагова проводит любопытное сравнение «Героя нашего времени» Лермонтова и произведений модернизма на

уровне композиции, образа главного героя, идейного уровня, приходя к выводу о том, что «уже нетрадиционностью своего романа Лермонтов стихийно соединяется с эпохой модернизма, взбунтовавшегося против общепризнанных канонов, а точнее — ее предвещает» (с. 365). Интересен также представленный в статье анализ знаменитого стихотворения Лермонтова «Из Гете», которое, вопреки сложившейся традиции, Л.Н. Будагова относит не к философско-элегической (решающей проблемы смерти и бессмертия), а в большей мере к жизнеутверждающей пейзажной лирике (создающей умиротворяющую картину вечера в горах). Заключительные строки «Подожди немного, / Отдохнешь и ты» она трактует как обещание усталому путнику не вечного успокоения в конце жизненного пути, а всего лишь приятного отдыха под домашним кровом.

Не случайно в название этого особого раздела была вынесена лермонтовская строчка, в которой он сравнивает себя с Байроном. Тема сравнения Лермонтова и великого английского поэта-романтика возникает и во многих стихах сборника. Байрон, наряду с немецкими романтиками, безусловно, был одним из первых, кто привлек внимание практически всех славянских поэтов-первопроходцев романтизма в своих странах. И явление «байронизма», естественно, не было чуждо и славянским романтикам (полякам Адаму Мицкевичу и Юлиушу Словацкому, чеху Карелу Гинеку Махе, черногорцу Петару Негошу, сербу Бранко Радичевичу, словенцам Матию Чопу и Станко Вразу). Но вот на что обращает свое внимание Л.Н. Будагова: пик востребованности Байрона в славянской среде приходится на 1820–1830-е годы, тогда как ближе к концу XIX в. все более значимым становится культ Лермонтова. В конце столетия уже сложно было найти славянских поэтов и писателей, которые бы увлекались Байроном — творчество Лермонтова буквально заслонило его собой. Горячими поклонниками Лермонтова были практически все самые крупные славянские литераторы того времени: чешские поэты Сватоплук Чех и Йозеф Сватоплук Махар, словацкий поэт

и писатель Янко Есенский, словенец Симон Енко и многие-многие другие.

В заключение можно сказать, что в результате работы российских и зарубежных специалистов у нас появился еще один глубокий и масштабный труд, обращенный не только к научному сообществу, но и ко всем неравнодушным к творчеству Лермонтова, всем любителям русской литературы и интересующимся

литературами зарубежными, в том числе славянскими. Труд, который прекрасно демонстрирует плодотворность русско-славянских связей и то, как для других народов русская литература порой становилась образцом и стимулом для собственных усилий в создании своей высокой литературной культуры.

© 2018 г. *Пескова А.Ю.*

Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб., 2016. 288 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0000471-1

За последние несколько десятилетий в России было подготовлено множество исследований, касающихся истории русского зарубежья. Однако колоссальный фонд наследия эмиграции не позволяет этому интересу иссякнуть. Особое место занимает в нем Чехословакия, в которой проходила «Русская акция» помощи эмигрантам, в результате чего в столицу этого небольшого славянского государства потянулись покинувшие родину русские ученые, публицисты, сделавшие Прагу «русским Оксфордом» или «русскими Афинами». В 2016 г. был опубликован сборник документов и материалов, в котором эмигранты, проживавшие в Чехословакии в межвоенный период, сами «получили слово». Его подготовили совместными усилиями три института: Славянский институт АН Чешской республики, Институт славяноведения РАН и Институт российской истории РАН.

Документы объединены в три раздела, но это довольно условно, поскольку каждый материал самоценен и освещает различные стороны прошлого.

Первую часть, озаглавленную «Воспоминания, письма», открывают мемуары И.К. Белорусс-Белошевой. В них она повествует о перипетиях Гражданской войны, которые наблюдала восьмилетним ребенком, перемещаясь с семьей из Самары во Владивосток: о деятельности чешского легиона, о жизни беженцев в поездах, о взаимоотноше-

ниях чехов и японцев на Дальнем Востоке. Эти воспоминания крайне необычны — в них запечатлелось детское восприятие происходящего, говорится не о войне, а о повседневности, они эмоциональны, не «приглажены» из каких-либо соображений. Идущие следом тексты принадлежат выходцам из казачества, офицерам русской армии — это отрывок из воспоминаний С.А. Щепихина и письмо В.В. Добрынина. Оба документа ценны своей точностью и детальностью в описании войны в Сибири и на Дону, снимающем появившийся в последние годы на белом движении глянец исключительного благородства. Письма эсера Е.Е. Лазарева рассказывают о политической стороне Гражданской войны в Сибири, в них затронуты непростые взаимоотношения Комуча с Сибирским правительством и Уфимским совещанием, которые переросли фактически в конкуренцию, расколовшую единый антибольшевистский фронт. В письмах историка А.А. Кизеветтера говорится об уже менее бурном времени: о жизни эмиграции в Праге, о его собственной научной и преподавательской деятельности, о судьбе знакомых русских эмигрантов.

Двумя статьями его же авторства начинается и следующий раздел — «Научные работы». Первая из них посвящена Н.М. Карамзину. А.А. Кизеветтер указал на его прогрессивное значение в трех основных сферах деятельности: писателя, историка и публици-

ста. Вторая статья является очерком общественной жизни страны с 1855 г., в которой огромную роль играл Московский университет, дополняет рассказ галерея портретов преподавателей, которых автор наблюдал лично.

Далее следует статья историка А.В. Флоровского — фактически отчет о деятельности Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран за 1927–1938 гг. Документ интересен тем, что свидетельствует о серьезных попытках создания реально действующего наднационального объединения историков. Примечательно, что проблемы, с которыми столкнулись современники А.В. Флоровского, знакомы многим и ныне: так, при составлении многотомного «Бюллетеня информации по историческим наукам в Восточной Европе» авторы действовали не по единому образцу, а так, как привыкли, и появилось «различие в самом типе изложения» (с. 158); при работе над «Словарем славянских древностей» «не все авторы одинаково строго отнеслись к задаче словаря», где-то не указав список литературы, где-то предоставив тексты, чьи размеры были непропорциональны описываемому явлению (с. 165).

Приводимая затем работа юриста А.Н. Фатеева имеет уже сугубо научное значение — в ней автор выделил, описал и указал пределы четырех основ для формирования границ государств: панрасизм, пангеографизм, панинтернационализм (панэкономизм) и панномизм. Подобные теории были актуальны в XX в., остаются таковыми и в XXI в. в связи с продолжающимся процессом дробления государств. Не менее политически злободневна статья историка В.А. Мякотина о Переяславском договоре 1654 г. По мнению автора, «такого договора в строгом смысле слова этого слова не существовало», поскольку он не был оформлен должным образом (с. 198), и это соглашение в «значительной своей части уже в самый момент его заключения оказалось несостоятельным и неосуществимым» (с. 204).

Третий раздел, «Публицистика», также содержит материалы разных периодов и разной проблематики. Статья

В.А. Мякотина была опубликована в 1919 г.; в ней доказывалось, что борьба с большевиками должна проходить без внешней помощи и опеки, к чему призывал ряд деятелей белого движения. Брошюры публициста Б.А. Евреинова появились уже в Праге. В них автор анализировал состояние самой эмиграции, писал про «очистительный огонь», в который попали вчерашние неженки, научившиеся теперь работать и понимать свой народ, доказывал, что далеко не все противники большевиков — оголтелые монархисты, обвинял «кающихся либералов» в тоске по сильной власти (с. 237). Эти тексты лишний раз свидетельствуют об определенных наивности и романтизме, царивших среди эмигрантов. Приведены и две статьи историка С.Г. Пушкарева. В первой он представил обзор взаимодействия южных и западных славян и России, традиционным врагом которых являлись турки и немцы. Вторую он посвятил судьбе набранной из русских чехов-добровольцев Чешской дружины и значению одержанной при ее помощи в 1917 г. победы под Зборовом.

Архитектор Л.С. Лада-Якушевич являлся человеком, чья профессиональная карьера состоялась именно благодаря «Русской акции» — он получил образование уже в Праге и сумел реализовать в Чехословакии. Две приведенные его статьи рассказывают о положении архитекторов в Чехии и задачах, стоявших перед русскими специалистами в этой области. Последний документ совершенно иной — это сатирический текст о «студенте-денди» в Праге, который признается: «в кино хожу только три раза в неделю, а в музеи и на разные там лекции так даже и совсем не хожу» (с. 276). Ему не хватает государственной стипендии для желаемого образа жизни, он постоянно занимает у знакомых, и в итоге бежит от долгов в Париж. Стоит отметить, что сатира лишь тогда бывает удачной, когда описывает широко распространенное явление. С учетом этого данная статья представляет собой весьма важный источник для понимания всех сторон «Русской акции».

Подытоживая, стоит повториться и сказать: данный сборник документов и материалов описывает различные стороны прошлого России и русского зарубежья, потому может быть интересным как исследователям развития исто-

рической науки, специалистам по Гражданской войне, по русской эмиграции и по многим другим темам, так и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым нашей страны.

© 2018 г. *Н.С. Гусев*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ В СЛАВЯНСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ»

6–8 декабря 2017 г. Центр славяно-иудаики Института славяноведения РАН провел международную конференцию «Запреты и предписания в славянской и еврейской культурной традиции», которая стала двадцать первой по счету встречей исследователей в рамках международного проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия» (материалы всех предыдущих конференций 1995–2016 гг. опубликованы, полные тексты сборников выложены на сайте http://www.sefer.ru/rus/publications/culture_conf_publications.php).

Конференция состоялась при поддержке Российского научного фонда (грант по проекту «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействия в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» № 15-18-00143). Одно из важнейших достоинств многолетнего семинара, посвященного славяно-еврейскому межкультурному диалогу, состоит в широком спектре рассматриваемых проблем и комплексном подходе в их изучении.

Прескрипционные представления и тексты составляют неотъемлемую часть традиционной культуры, связаны с системой ценностей этнических и конфессиональных традиций, формируют одну из важнейших аксиологических культурных категорий. В центре внимания докладчиков оказались вопросы формирования и функционирования системы запретов и предписаний в различных этноконфессиональных традициях, состава и типологии прескрипционных текстов, соотношение нормативного права и фактического (акционального, вербального) поведения, функции запретов и предписаний в обрядовом контексте. Эти проблемы обсуждались на материале устных и письменных текстов, памятников языка, фольклора, литературы, философии, музыкальной культуры.

В работе конференции приняли участие исследователи из Белоруссии, Латвии, России (всего было заслушано 38 докладов).

Конференция была открыта презентацией сборника материалов прошлогодней встречи «Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной традиции» (под ред. С.Н. Амосовой, О.В. Беловой (отв. ред.), И.В. Копченовой, В.В. Мочаловой, В.Я. Петрухина. М., 2017).

Представленные доклады тематически делились на несколько блоков. Первый блок был посвящен запретам и предписаниям в библейской традиции и текстах эпохи Второго Храма. *Светлана Бабкина* (Москва, РГГУ) коснулась библейских и талмудических предписаний спать головой по направлению на север, а не на восток-запад, которые тесно связаны с понятием ритуальной нечистоты, символическим значением сторон света и, в конечном итоге, с особым местом Иерусалимского Храма в жизни евреев. *Лидия Чаковская* (Москва, МГУ) проанализировала, как запрет на изображение заявляет о себе в Иерусалимском Храме, серьезно изменяя ближневосточную традицию храмового искусства как синтеза искусств (архитектуры, скульптуры, живописи) и выдвигая на первый план ритуал (ритуальные предметы, музыку, костюмы священников, воскурения, жертвоприношения). *Михаил Каранаев* (Нижнекамск, НХТИ) изучил брачные запреты в династической политике последних Хасмонеев в контексте иудаизма Второго Храма и общеэллинистической парадигмы. *Наталья Киреева* (Москва, РГГУ) предложила

рассмотреть законы о ночном изучении священных текстов в Кумранской общине, традиционно считающиеся доказательством существования там серьезных аскетических практик, через призму предписания, касающегося регуляции занятий во время традиционного для всех без исключения людей в доиндустриальные эпохи периода ночного бодрствования. *Анна Лунева* (Санкт-Петербург, СПбГУ) изучила новейший этап дискуссии о том, стоит ли рассматривать молитву «Биркат ха-Миним» («Благословение еретиков») и запрет на участие в синагогальной службе в контексте раннего периода иудео-христианских отношений или уже ее появление говорит о внутренних конфликтах в еврейской общине.

Доклады второго тематического блока конференции были посвящены запретам и предписаниям в свете книжности, фольклорных текстов, полемической и художественной литературы Средневековья, Нового и Новейшего времени. *Борис Рашковский* (Москва, ВГБИЛ им. М.И. Рудомино) выделил в традиционном средневековом сюжете о выборе веры несколько базовых мотивов, часть из которых связана с запретами и предписаниями (пищевые запреты, невозможность иноконфессиональных браков, разрешение/запрет на ведение войн). *Владимир Петрухин* (Москва, Инслав РАН) в своем докладе вступил в полемику с исследователем А.И. Алексеевым по вопросу о «еретической» клятве Ивана III («богом и землею и богом сильным, творцом всея твари»), доказывая, что формула клятвы встречается в ПВЛ и не является чуждой православной ортодоксальной традиции. *Дильшат Харман* (Москва, независимый исследователь) выдвинула в своем докладе на основе обзора иконографии талита в сефардских и ашкеназских рукописях XIII–XV вв. гипотезу о том, что внутренние предписания еврейской общины усиливаются за счет внешних запретов и давления христианского окружения, делая ношение талита символом самоидентификации евреев. *Александр Грищенко* (Москва, Инслав РАН) сравнил перечень нечистых птиц в правленном славяно-русском Пятикнижии XV в. и недавно найденном трёхязычном глоссарии из бумаг Авраама Фирковича, в которых русско-славянский перечень птиц во многом совпадает, что позволило докладчику выдвинуть гипотезу о том, что Фирковичу были доступны некие остатки славянского таргума Пятикнижия – церковнославянского (с русизмами) перевода в еврейской графике, которого вроде бы не могло не быть, но следов его до сих пор никому не удавалось найти. *Ольга Трефилова* (Москва, Инслав РАН) рассмотрела запреты на контакты православных с инородцами и иноверцами по текстам чина исповеди и епитимийникам в средневековых славянских требниках (в частности, случаи упоминания, причины появления и лексемы, обозначающие инородцев и иноверцев). *Татьяна Хижая* (Владимир, ВлГУ) проследила особенности восприятия библейского запрета почитания священных изображений в культуре русских субботников XVIII–XIX вв.: от агрессивных форм иконоборчества, неудач миссионерских попыток переубедить субботников до сохранения в некоторых общинах собственных практик визуализации. *Андрей Шпирт* (Москва, МГУ) описал ряд конфликтных ситуаций между евреями и крестьянами на востоке Речи Посполитой в первой половине XVII в. и проанализировал, насколько религиозные или предписанные нормы поведения (как евреев, так и христиан) влияли на повседневную практику еврейско-христианских отношений. *Виктория Мочалова* (Москва, Инслав РАН) посвятила доклад особенностям иудео-христианских отношений в ВКЛ на примере предписаний для евреев для их участия в заседаниях христианского суда в Вильно второй половины XVII в. *Галина Элиасберг* (Москва, РГГУ) рассмотрела тему семейных отношений в драматургии и беллетристике И. Тенеромо (псевдоним Исаака Борисовича Фейнермана, 1864–1925), известного журналиста, кинодраматурга и верного последователя учения Л.Н. Толстого, в чьих произведениях толстовство тесно переплетено с запретами и предписаниями еврейской традиции.

Третий и самый большой блок конференции был посвящен фольклорно-этнографической тематике. Дискуссию вызвал доклад *Евгении Хаздан* (Санкт-Петербург, независимый исследователь), попытавшейся рассмотреть ашкеназскую музыкальную традиционную культуру как уникальную, отличающуюся от представлений исследователей о традиционной культуре вообще. В ходе возникшей полемики было отмечено, что еврейская традиционная культура — это позднесредневековая европейская городская культура, а представления исследователей, к которым апеллирует докладчик, относятся скорее к XIX — началу XX в., и во многом устарели. *Валерий Дымыщ* (Санкт-Петербург, ЕУСПб) обратился к концепции «мицвы», одновременно обладающей значениями «доброе дело» и «заповедь, предписание», в традиционной культуре евреев Восточной Европы, и на основе фольклорных текстов и полевых материалов снял противоречие между этими значениями, показав, что в этой концепции важным элементом является денежный эквивалент на небесном счету, позволяющий зачесть «мицву» по ее «рыночной» цене. *Мария Каспина* (Москва, РГГУ) обратила внимание в своем докладе на то, что запрет на перестройку дома и печи в народной еврейской традиции, а также ряд других представлений, связанных с перedelкой дома (нечетность балок в доме, запрет на строительство дома из камня и др.) имеют в своей основе Галаху, демонстрируя, таким образом, постоянное взаимодействие бытового и книжного в еврейской народной культуре. *Галина Зеленина* (Москва, РГГУ) представила результаты полевого исследования среди российских любавичских хасидов статуса женщины, в частности, какие предписания современная ортодоксальная хабадская община возлагает на женское образование, имеющее сугубо прагматический характер, и как это становится одним из важнейших инструментов политики вовлечения современности в жизнь общины. В докладе *Александра Островского* (Санкт-Петербург, РЭМ) на материале преимущественно конца XIX в., собранного Бюро кн. В.Н. Тенишева, изложены представления о «кровосмешении», бытовавшие у русского крестьянского населения в различных губерниях (Вологодской, Казанской, Калужской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Псковской, Ярославской), оценки и формы реагирования на отступление от этих запретов. *Игорь Семенов* (Махачкала, ИИАЭ) рассмотрел горско-еврейские обряды Дагестана «офтум», «шенде» (воспитание мальчика до совершеннолетия в чужой семье), «кекул» (переодевание мальчика до совершеннолетия в девочку), практиковавшиеся в тех семьях, где мальчики постоянно умирали, и связанные с ними предписания. *Юлия Андреева* (Санкт-Петербург, МАЭ РАН), *Амалия Пртаван* (Москва, РГГУ) представили сложившийся в Армении образ молкан как «истинных русских» на основе собранного полевого материала в селах Фиолетово и Лермонтово.

Доклад *Максима Хижего* (Владимир, ВлГУ) был посвящен исследованию новых религиозных запретов и предписаний, которые сформировались в конце XX — начале XXI в. в среде православных христиан, их особенностям и трансформации. *Варвара Добровольская* (Москва, ГЦРФ) рассматривала представления у русских и русскоговорящих людей, не контактирующих с евреями, о пищевых запретах, существующих у последних, а также широко распространенные представления о несуществующих запретах. *Ольга Белова* (Москва, Инслав РАН) сформулировала некоторые общие положения относительно того, как в народной культуре славян формируются запреты и предписания, адресованные или атрибутируемые «чужой» (иноэтнической, иноконфессиональной) традиции, и какие культурные стереотипы влияют на форму и содержание прескрипционных текстов, зарождающихся и бытующих в славяно-еврейской культурной среде. Доклад *Александры Песецкой* (Санкт-Петербург, РЭМ) касался регламентации внешнего вида, поведения, ритуальных практик членов марийской секты «Кугу сорта» посредством целой системы установок. Особый интерес для исследования представляет костюм членов секты, отражающий основные положения учения «Кугу сорта» и отличающийся

крайним консерватизмом, а употребление текстиля в обрядовых практиках находит религиозное обоснование.

Наталья Славгородская (Санкт-Петербург, СПбГУ) изучила на основе русских фольклорных и этнографических источников, полевых записей конца XX – начала XXI в. логику прескрипций, имеющих варианты мотивировок, чтобы ответить на вопросы, какие связи между правилом и его мотивировкой можно проследить на уровне конкретных текстов; в какой степени содержание запрета определяет его мотивировку и связаны ли разные мотивировки одной прескрипции между собой; почему необходимость соблюдения правила объясняется тем, что его нарушение приведет к разным последствиям. *Мария Ясинская* (Москва, Инслав РАН) рассмотрела запреты и предписания, так или иначе связанные с темой зрения: касающиеся самого действия «смотреть», способов «смотрения», стремящиеся обезопасить субъект зрения или его объект, – что позволяет пролить свет на традиционные представления славян о зрении, его механизмах, связях с другими системами чувственного восприятия и ментальными процессами. Доклад *Светланы Амосовой* (Москва, Инслав РАН) был посвящен двум типам рассказов о персонифицированных днях недели – «текстах запрета» и «текстах вознаграждения»; сделан вывод о том, что персонифицируются те дни недели, которые наиболее семиотически отмечены в народной традиции. *Наталья Душакова* (Москва, РГГУ) проанализировала запреты и предписания (тексты и актуальные практики), регулирующие бытовое взаимодействие старообрядцев Северо-Западного Причерноморья (Республики Молдовы, Румынии, Приднестровья) с православными нестарообрядцами (никонианами) и евреями, уделяя особое внимание тому, как сами информанты интерпретируют мотивировки прескрипций, усвоенных с детства, и как объясняют необходимость нарушения запретов в различных ситуациях. *Данила Рыговский* (Санкт-Петербург, ЕУСПб) на примере известного старообрядческого «правила чашки» попытался понять, действительно ли ограничивают запреты контакты старообрядцев часовенного согласия Южной Сибири (общины Алтая, Тувы и Горной Шории) с иноконфессиональным окружением, а также влияют ли они на разрушение связей внутри общины (отталкивают ли запреты старообрядческую молодежь). *Ксения Трофимова* (Москва, ИФ РАН), анализируя нарративы о традициях почитания духа – хозяина дома («стопана») и святых покровителей места («бабалара») в цыганских поселениях Южной Сербии и Македонии, показала, как транслируемые запреты, предписания и их интерпретации участниками обрядов в каждом частном случае очерчивают как образы персонажей, так и образы ритуальных специалистов – зрителей святынь и их посетителей, а сочетания запретов и предписаний позволяют нам проследить путь воспроизводства региональных традиций паломничества к святыням, его локализации и трансформации в различных локальных культурных контекстах.

Наталья Алуферова (Санкт-Петербург, ЕУСПб) изучила механизмы взаимного контроля и практики избегания осуждения на примере поселка Пеньково-2 на юге Тамбовской области, интересного столкновением разных культурных традиций: пришлых курдов-мусульман и местных православных русских. *Дарья Радченко* (Москва, РАНХиГС) рассмотрела особую категорию апотропейных текстов («святых писем»/«писем счастья»/«небесных писем»), обращая внимание на ситуации формирования спонтанных практик уничтожения писем в случаях, когда их предписания вступают в конфликт с внешними факторами. Доклад *Светланы Погодиной* (Рига, ЛУ) был посвящен магическим практикам, запретам и предписаниям, связанным с деньгами, на примере современных латвийских полевых материалов, а также результатов анкетирования и фольклорных текстов 1920–1940-х годов.

Несколько докладов были посвящены запретам и предписаниям в советский период. *Александра Архитова* (Москва, РГГУ), *Анна Кирзюк* (Москва, РАНХиГС)

на примере дисциплинарных практик советской школы (контроля над прическами) проверили две гипотезы: лежали ли в основе предписаний и запретов, касающихся внешнего облика учеников в школе, вернакулярные представления взрослых о детском/взрослом, мужском/женском, и можно ли описать процесс изменений предписаний в этой области в послесталинский период как неуклонную либерализацию. *Елена Югай* (Москва, РАНХиГС), *Сергей Белянин* (Москва, РГГУ), *Мария Гаврилова* (Москва, РГГУ), *Александра Архипова* (Москва, РГГУ) продолжили «школьную» тему и рассмотрели дисциплинарную практику ношения школьной формы в контексте советской системы запретов и предписаний, максимально телесной и доступной для манипуляций. *Елена Югай* (Москва, РАНХиГС) обратилась к запретам и предписаниям, связанным с «эзоповым языком» в позднее советское время: прямым и иносказательным высказываниям, коммуникативным ситуациям, определявшим правила их использования, способам обучения этим правилам внутри групп, изменению функции секретного языка с защиты на выражение отношения и отмежевания от системы.

Сборник статей по материалам конференции планируется издать в 2018 г.

© 2018 г. *И.В. Копченова*

DOI: 10.31857/S0869544X0000472-2

*По поводу рецензии Т.Г. Таировой-Яковлевой на издание
«Переписки гетманов Левобережной Украины с Москвой
и Санкт-Петербургом 1654–1764 гг.»*

DOI: 10.31857/S0869544X0000473-3

Выражая благодарность автору рецензии, доктору исторических наук Т.Г. Таировой-Яковлевой за проявленный интерес к изданию данного комплекса документов, все же хотелось бы отметить, что большинство высказанных замечаний не могут быть признаны справедливыми, а некоторые суждения рецензента производят впечатление спорных и поспешных.

По поводу общих претензий Т.Г. Таировой-Яковлевой касательно названия издания и его соответствия содержанию необходимо пояснить следующее. Составитель ставил задачу включить в сборник переписку гетманов Войска Запорожского с царем, представителями центрального аппарата государственной власти и лицами из ближайшего окружения царя, оказывавшими реальное или мнимое влияние на царскую политику (Б.И. Морозов, И.Д. Милославский). Топонимами, символизирующими российскую высшую и центральную власть в разные периоды истории, являются Москва или Санкт-Петербург. Эти топонимы-символы довольно часто употребляются в научных исследованиях на разную тематику, и непонятно, почему они не могут быть использованы в заголовке сборника документов.

В предисловии к сборнику специально подчеркивается, что составителя интересовали документы периода нахождения Украины под властью российских царей и императоров вплоть до ликвидации института гетманства в правление Екатерины II, т.е. с 1654 по

1764 г. Из этого 110-летнего периода 101 год в состав Российского государства входила именно Левобережная Украина, отсюда и название **серии**. При этом в сноске к предисловию специально оговорено, что «до 1663 г. Украина, точнее Войско Запорожское, не разделялась на Левобережную и Правобережную и возглавлялась одним гетманом» [1. С. 49]. История левобережных гетманов начинается все же с И.М. Брюховецкого. Менее чем за год до его избрания, после отречения Ю.Б. Хмельницкого, гетманом Украины, по сути – Правобережной, стал П.И. Тетеря, хотя оба пытались распространить свою власть по обе стороны Днепра. Разумеется, нигде в сборнике Богдан Хмельницкий не назван левобережным гетманом.

Теперь к вопросу о переиздании опубликованных ранее документов. В любом случае обновление эдичий хотя бы раз в 50 лет – полезный процесс, который позволяет устранить закраившиеся в прежние публикации ошибки (в том числе пропуски), дополнить легенды ссылками на новые издания. Рецензент, по-видимому, не подвергает сомнению целесообразность переиздания материалов, опубликованных до революции, но не обращает внимания на то место в предисловии, где говорится о важности объединения в одном издании грамот гетманов и царских (последние в таком объеме не публиковались в советский период), что «позволяет избежать ненужных комментариев и в **определенной мере** восстановить при-

чинно-следственную связь между событиями и принятыми в тот период решениями» [1. С. 50]. Выделенные здесь слова рецензент по какой-то причине опустил и пришел к довольно банальному выводу, применимому к большинству изданий документов: «Публикация, в которой отсутствуют материалы взаимных посольств, наказы, отписки и статейные списки воевод — все равно является частичной и требующей использования других источников».

Рецензент почему-то не поставила в упрек составителю допущенную последним неслыханную «дерзость»: вопреки традиции опускать при издании актов большую часть царского титула, заменяя ее обозначением «[п. т.]» — полный титул. В данном издании он воспроизводится полностью, что позволило в полной мере отразить редакторскую правку в оригинальных текстах и внесение изменений в титул, происшедших по мере завоевания русским войсками новых городов и земель в войне с Речью Посполитой [1. С. 52]. В ряде случаев удалось установить, что для отпусков грамот Хмельницкому использовалось начало грамот с другим формуляром (см., например: [1. С. 78]). Это еще одна причина переиздания документов, опубликованных как до революции, так и после.

Сообщая читателям, что среди вновь изданных документов «много повторов», рецензент, во-первых, допускает некорректное утверждение, не приводя примеров этих «многих» повторов, во-вторых, обходит молчанием фрагмент предисловия, где как раз и объясняются причины публикации малозначительных, с ее точки зрения, документов. Вынужден процитировать этот фрагмент: «Принимая во внимание особую важность начального периода нахождения Украины под властью московского царя и ставя перед собой не только чисто исторические, но и источниковедческие и текстологические задачи, мы сочли необходимым включить в сборник все выявленные документы. При этом что некоторые грамотки гетману,

составленные в один день, по содержанию почти полностью повторяют друг друга» [1. С. 50].

Что касается принципов публикации документов, действительно, составитель основывался на «Правилах издания исторических источников» 1990 г., но в предисловии далее прибавлено, что учитывались еще и методические рекомендации С.М. Каштанова, изложенные в его работе «Актовая археография» (М., 1998). Мы отступили от рекомендаций С.М. Каштанова лишь в отдельных деталях. Например, при раскрытии сокращений использовали не круглые скобки, а более традиционные квадратные. Довольно спорным является замечание, что эти скобки «значительно» затрудняют восприятие текста. Специалистам не приходит в голову упрекать в трудности прочтения текстов публикаторов из Института русского языка им. В.В. Виноградова, в изданиях которых, например, сокращения вообще не раскрываются, и применяются вышедшие из употребления буквы русского алфавита (см., например: Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. М., 2009. Ч. 1: Русские тексты).

Единственный упрек рецензента, который составитель может принять на свой счет — это отсутствие указаний на предыдущие публикации в легендах к четырем документам. Сделано это по недосмотру, а вовсе не с целью выдать ранее опубликованные документы за неопубликованные, тем более что общее количество впервые изданных документов не названо. Все замеченные пропуски, смысловые ошибки и опечатки обязательно будут учтены в списке исправлений, который предполагается поместить в следующем томе серии.

Т.Г. Таирова-Яковлева не пытается понять цель вступительных очерков, не анализирует содержания. Суть ее претензии заключается в неправомерном якобы включении в очерк истории контактов России в первой половине XVII в. с Запорожским казачеством, как городовым (реестровым), так и сечевым

(низовым). Рецензент упирает на то, что Сечь — «замкнутое мужское сообщество, не признававшее ничьей власти», совсем не то, что «реестровое Войско Запорожское — регулярное войско, присягнувшее королю». Такое противопоставление является надуманным, подтверждением чему служит масса общеизвестных фактов. На протяжении всей первой половины XVII в. между Сечью и «Волостью» (городовым казачеством) существовало множество прочных связей, которые просто невозможно отрицать. Запорожцы из приднепровских городов постоянно посещали Сечь (оставляя семьи на «Волости») как с целью промыслов, так и с целью грабительских походов на турок и татар. Они и являлись их основным занятием, а не вовсе эфемерная королевская служба, за которую годами не платили денег. Гетманы Запорожского войска признавались и на Сечи, а упомянутый рецензентом Сагайдачный не раз принимал участие в разорительных набегах казацких чаек на османское побережье. В договоры, заключающиеся польскими властями с казачеством по итогам восстаний 1620–1630-х годов неизменно включались пункты, касавшиеся Запорожской Сечи (прекращение самовольных набегов на побережье Порты и др.). Сечь была очагом и движущей силой всех казацких восстаний первой половины столетия, включая и движение Б. Хмельницкого, который был избран гетманом именно на раде в Запорожье, значительное число казаков никогда не входило в составлявшийся польскими войсками реестр (максимальная численность — 8 тыс. по договору 1630 г.), но при этом проживало в городах Поднепровья. Несомненно поэтому, что и сечевое, и городское днепровское казачество в первой половине XVII в. следует рассматривать как две части сформировавшегося политического целого. Т.Г. Таировой-Яковлевой следовало бы обратить внимание на труды классика украинской историографии М.С. Грушевского [2], либо на фундаментальную работу современного украинского исследователя П. Саса, употребляющего, если верить рецензенту,

«некорректный» термин «запорожцы» в заглавии книги именно по отношению к казакам Сагайдачного [3]. (В свете заявления Т.Г. Таировой-Яковлевой о том, что Сагайдачный был гетманом реестрового казачества и противопоставления его тем самым казакам Запорожской Сечи, интересен следующий пассаж подробно изучившего тему П. Саса, полагавшего, что «немає потреби окремо торкатися теми козацького реестрового війська на службі Речі Посполитій, адже в часи перебування у Війську Запорозькому П. Сагайдачного його не було (курсив мой. — К.К.)» [3. С. 51]).

Во второй половине XVII в. определенная политическая дифференциация и даже конфликтность между Запорожьем и гетманской администрацией, опиравшейся на городское казачество, нарастает, однако факт признания кошевыми Сечи власти запорожских (украинских) гетманов несомненен, также как и сохранение прочных связей между двумя частями политического организма — «Войска Запорожского, Городового и Низового». Можно вспомнить хотя бы Ивана Брюховецкого, кошевого, который добился гетманской булавы. Все это, впрочем, не касается описываемого в очерке периода, и обращение Т.Г. Таировой-Яковлевой к позднейшим примерам выглядит не совсем логично. Она почему-то утверждает, что после 1654 г. «Запорожье (т.е. Запорожская Сечь. — К.К., Е.Р.) царю не присягало и попало под его юрисдикцию только по Вечному миру 1686 г.». Между тем, это совсем не так. Во-первых, уже по Андрусовскому перемирию 1667 г. утверждалось совместное владение Россией и Речью Посполитой Запорожской Сечью. Во-вторых, и до 1686 г. население Сечи присягало на верность царю. Сохранилась и давно опубликована копия крестопроводной записи, по которой присягали в 1676 г. новому царю Федору Алексеичу «подданные Войска Запорожского Низового, аз, кошевой атаман Иван Серко, и будущие при нем судьи, писарь, ясаулы, атаманы куренные, и все старшие и меньшие Войска Запорожского посполство» [4. Стб. 486–489].

Присягали казаки Запорожской Сечи царям и Ивану и Петру и в 1682 г. Факт это давно известен в литературе [5. С. 595–597], а подтверждающий его источник опубликован [6. С. 4].

Вообще все попытки разделить Запорожскую Сечь и реестровое казачество Речи Посполитой первой половины XVII в. отдают схоластичностью. Задача вводного очерка — дать развернутое представление о контактах русского правительства с днепровскими казаками во всем их многообразии и хронологической последовательности накануне тех масштабных военно-политических потрясений восстания Б. Хмельницкого и русско-польской войны в середине XVII в., которые коренным образом изменили судьбы Восточной Европы. И очерк этот обращен к широкому кругу читателей, интересующихся данной проблемой, а не только лишь к узким специалистам.

Выдвигает Т.Г. Таирова-Яковлева и претензии ко второму очерку «Россия и Украина в 1654–1657 гг.» Они сводятся к тому, что указанный текст не ставит проблему и не содержит ссылок на многочисленные исследования. Однако он и является ничем иным, как всего лишь обзором событий первого этапа вхождения Украины в состав Российского государства и русско-польской войны, и также предназначается для широкого круга читателей, а не только специалистов по данной проблематике. Отсюда и ограниченный выбор историографии, которая тем не менее включает все

крупнейшие работы последних лет, необходимые для адекватного и сжатого отображения эпохи, в том числе Я.О. Федорука, Б.Н. Флори, Л.В. Заборовского, С.Н. Плохия и др. Все же для сравнения приведем пример фундаментального академического издания «Письма и бумаги императора Петра Великого», где предисловия в уже вышедших томах весьма краткие и вообще не содержат ссылки на историографию. В противном случае, работа над изданием растянулась бы на еще более продолжительное время.

© 2018 г. *К.А. Кочегаров, Е.Е. Рычаловский*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. М., 2007.
2. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1995. Т. 7: Козацькі часи до року 1625; Київ, 1995. Т. 8: Роки 1626–1650.
3. *Сас П.* Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути (1617–1618 рр.). Біла Церква, 2010.
4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676.
5. *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. 2.
6. *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908.

К ЮБИЛЕЮ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ФЛОРИ

8 декабря 2017 г. исполнилось 80 лет выдающемуся российскому историку-слависту Борису Николаевичу Флоре. Его имя широко известно в научной среде, оно стало эталоном источниковедческой основательности научных исследований, тщательного анализа, формирующего базу для создания широкой панорамы истории славянского мира в Средние века и раннее Новое время. Авторитет Бориса Николаевича огромен и основан не на чинах и званиях, которые у него также имеются, а на его научных достижениях, уже ставших важной частью российской исторической науки.

Б.Н. Флоря родился в Москве, окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где его главным наставником был академик М.Н. Тихомиров. С 1965 г. Б.Н. Флоря работает в Институте славяноведения РАН (тогда Институт славяноведения и балканистики АН СССР), пройдя путь от младшего научного сотрудника до члена-корреспондента РАН. Уже много лет он возглавляет Отдел истории Средних веков. В 1969 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в.», в 1980 г. – докторскую диссертацию на тему «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.». Научную работу он успешно совмещает с преподавательской: с 1994 г. он является профессором МГУ.

Научные интересы Б.Н. Флори очень широки, они охватывают проблематику истории Средних веков и раннего Нового времени всего славянского региона включая Россию. В этой огромной сфере, однако, есть доминанты, на которых ученый особо сосредоточился. Это отношения России с Польшей, внешняя политика России в XVI–XVII вв., отношения с балканскими странами и Османской империей, политическая система Центральной и Юго-Восточной Европы, отношения между Россией и империей Габсбургов, этническое самосознание народов славянского региона, историко-политическая мысль славянского средневековья, рефлексия раннего Нового времени на события прошлого, т.е. реинтерпретация своей истории в новых общественных условиях.

Особенно велики его заслуги в исторической полонистике. Он впервые дал глубокий анализ русско-польских отношений в судьбоносный для обеих стран период – начало XVII в., рассматривая их в контексте европейской политики того времени. Также следует отметить его пристальный интерес к украинской тематике XVII в. – самого бурного периода истории Украины, когда она стала предметом столкновений Речи Посполитой и Московского государства, что сопровождалось формированием политического, этнического и конфессионального самосознания украинского народа. Украиноведческие исследования Б.Н. Флори (взаимоотношения православия, католичества и униатства, казацкие войны и др.) приобрели чрезвычайную актуальность в последние годы в связи с острой полемикой по проблемам украинской истории.

Значительное внимание Б.Н. Флоря уделяет раннему Средневековью. В написанных им главах в ряде коллективных трудов он предложил и обосновал оригинальную типологию раннефеодальных славянских государств, провел сравнительно-историческое исследование формирования и развития государственности у славянских народов, в особенности у русских, поляков и чехов. Ученый внес несомненный вклад в исследование кирилло-мефодиевской проблематики, одной из важнейших и активно исследуемых славистами всего мира. Книга «Сказания о начале славянской письменности» (М., 1981), в которой Б.Н. Флоря выступил как публикатор источников и автор введения и комментариев, сохраняет свое научное значение до сих пор.

Научные работы Б.Н. Флори основываются на фундаментальном исследовании архивных материалов. Он с сомнением относится к умозрительным и политически тенденциозным концепциям, не подкрепляемым историческими источниками. Он большой мастер источниковедческого анализа, недаром он начинал свою научную деятельность в Археографической комиссии.

Все научные положения в работах Б.Н. Флори тщательно продуманы и выверены, сугубо научны. Ему чужды как модные научные увлечения, так и общественно-политическая тенденциозность. Именно благодаря этому его научные труды уже стали живой классикой нашей науки. В то же время его исследования привлекают внимание широкого круга читателей, интересующихся историей. Особый успех имела его книга «Иван Грозный», дважды изданная в популярной серии «Жизнь замечательных людей» (в 1999 и 2002 г.).

Как руководитель Отдела истории Средних веков Института славяноведения РАН Б.Н. Флоря успешно определяет стратегию и тактику научных исследований отдела, сосредоточивая усилия коллектива исследователей, занимающихся разными странами и периодами, на тех проблемах истории славянского средневековья, которые имеют важное значение для всего славянского региона, являются стержневыми в процессах формирования и развития политического, исторического, этнического и религиозного сознания. Плодами этих усилий Б.Н. Флори как организатора науки стала сплоченность коллектива и научная актуальность тематики его исследовательской работы.

Б.Н. Флоря – научный редактор многих коллективных трудов и серийных изданий («Славяне и их соседи» и др.), член ряда редколлегий. Он пользуется заслуженным авторитетом в среде российских ученых, его труды приобрели международную известность, что нашло свое выражение в ряде официальных наград, таких как орден Республики Польша, Макарьевские премии 1997 и 2001 гг., премия В.И. Ключевского, присуждаемая Президиумом РАН (2017 г.), и др.

Необходимо сказать об облике Бориса Николаевича как человека и ученого. Эти две ипостаси в нем неразрывно слиты: он живет для науки и наука составляет главное содержание его жизни, ее смысл. Он воплощает в себе идеальную модель ученого, как она сформировалась в культурном сознании Европы Нового времени. Он фанатично любит знание и сам процесс исторического познания. Он предан науке всей душой, весь мир для него сконцентрирован в науке, но в то же время он внимательно следит за жизнью мира, за изменениями в политике и культуре. Быта для него как бы не существует; как классический тип ученого старых времен, он вне его и над ним. Таковы и его потребности: архив, библиотека, бумага и ручка, душевный покой, чтобы сосредоточиться на научной работе. Он скромнен и неприхотлив, лишен тщеславия и гордыни, демократичен и всегда доступен для научной беседы, охотно помогает коллегам, делится своими огромными познаниями. Он являет собой редкий в наши времена тип бескорыстного подвижника научного знания. Кажется, что он работает всегда и везде, склонившись над архивным документом или обдумывая материал, который он стремится охватить и в целом, и в деталях.

Коллеги не только чрезвычайно ценят и уважают Бориса Николаевича, но и по-человечески его любят. К его юбилеям были изданы два сборника: *Florilegium*. К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000 и *Анфилогион*. Славяне и их соседи. Выпуск 12: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. М., 2008. В обоих книгах содержится библиография научных работ юбиляра, включающая книги, главы в коллективных трудах, публикации источников, научные статьи, рецензии. К его 80-летию подготовлен сборник под красноречивым названием «Вертоград многоцветный».

Поздравляем дорогого Бориса Николаевича с юбилеем, который он встречает в расцвете своих сил, желаем ему здоровья и дальнейших научных свершений на благо российской исторической науки и славистики в целом.

© 2018 г. Г.П. Мельников
DOI: 10.31857/S0869544X0000474-4

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Борису Николаевичу здоровья и творческих успехов.

К ЮБИЛЕЮ ХАНСА РОТЕ

Крупнейший немецкий славист Ханс Роте родился 5 мая 1928 г. в Берлине; свои детские и юношеские годы провел в Восточной Пруссии. Изучал славянскую и индоевропейскую филологию, а также историю церкви в Киле, Марбурге и Лондоне, а затем вновь в Марбурге; из числа его учителей в первую очередь следует назвать Альфреда Раммельмайера, а также Дмитрия Чижевского. В 1954 г. Х. Роте защитил в Киле кандидатскую диссертацию, посвященную глагольно-инфинитивным словосочетаниям в церковнославянском языке и начал преподавать в университете Марбурга; в 1963 г. защитил там докторскую диссертацию по творчеству Н. М. Карамзина. В 1966 г. возглавил кафедру славистики в Боннском университете, где проработал до выхода на пенсию в 1993 г. Вместе с Хансом-Берндом Гардером он является основателем известной издательской серии «*Vausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven*». На сегодняшний день продолжает работу руководителем Боннского отделения Патристической комиссии Академии наук федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия. Назову лишь наиболее важные из его научных публикаций: задача полного их обзора может быть решена лишь в формате объёмной публикации (наиболее полно библиография работ Х. Роте представлена на сайте Немецкой национальной библиотеки). В первую очередь упомяну монографические издания ученого на немецком языке (названия даны в переводе на русский): «Европейское путешествие Н.М. Карамзина, начала русского романа» (1968), «Религия и культура в регионах Российской империи в XVIII веке: первый опыт изложения в основных чертах» (1984), «Антон Чехов, или Перерождение искусства» (1990), «Обрыв: Иван Гончаров и “реализм” в литературе от Тургенева до Достоевского (1849–1869)» (1991), «Что такое древнерусская литература?» (2000), «Пушкин. Судьба поэта, эволюция его поэтического творчества» (2009), «Достоевский в европейской литературе» (2013), «Хороший вкус, его действенность и упадок в славянских литературах и не только» (2016), «Зарождение, расцвет и упадок восточноевропейских штудий» (2016).

Следует отметить, что с самого начала основополагающим научным принципом немецкого ученого стал давно известный (впрочем, никем не отмененный) призыв гуманистов *ad fontes*. Ханс Роте всегда излагает собственные историсофские выводы лишь на основе изучения реально сохранившихся рукописных или старопечатных текстов. В 1976–1977 гг. Х. Роте опубликовал сборник текстов «Древнейшая восточнославянская поэзия: 1575–1647», в который вошли 115 текстов на церковнославянском, польском и так называемом западнорусском письменном языках.

Пожалуй, в первую очередь Ханс Роте известен как исследователь и издатель памятников религиозной письменности славян, изданных в серии «*Biblia Slavica*». Это древнейшая чешская (дрезденская) Библия (1993), «*Biblia*» в переводе на польский язык Симона Будного (1994), Кралицкая Библия (1995), Хорватская Библия Бартула Кашича (1999–2000), Брестская Библия 1563 г., Библия Венцеслава (2001), словацкая (так называемая Камадульская) Библия (2002), «Библия руска» Франциска Скорины (Апостол, 2002), «Новый Завет» в переводе на польский язык Ст. Мужинковского (2007–2008). Кроме того, под редакцией Х. Роте были изданы «Минея Дубровского» (1999), «Службная Минея за месяц февраль» (1996, 1997, 1999, 2000, 2006), «Указатель литургических гимнов в восточнославянских рукописях XI–XIII вв.» (2008). Х. Роте – редактор крупных международных проектов, посвященных изданию стихотворных произведений великого белорусского поэта-просветителя Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» (в трех томах, 1996–2000) и «Рифмологион» (в двух книгах, 2013–

2017). Отдельно следует отметить указатель «Литературные журналы в России 1800–1812 гг.: полное оглавление по темам и авторам» (1999).

В ряде работ Ханс Роте поднял проблему определения топонима «Восточная Европа» и в связи с этим вопрос о перемещении культурных влияний из германского региона в регион славянский. Конечно, нельзя не обратить внимание на ярко выраженный «германоцентризм» немецкого слависта. Так, рассуждая о началах славянской филологии как научной дисциплины, он считает ее основателями либо урожденных немцев, преподававших в России (А. Шлётцера, П. Кеппена, А. Востокова), либо славян, получивших образование по классическому немецкому образцу (Й. Добровского, Й. Шафарика, Б. Копитара). При этом исследователь как будто забывает упомянуть парижские лекции Адама Мицкевича, положившие начало изучению славянских литератур; не вспоминает о том, что многочисленные материалы для исследований передал Й. Шафарику профессор Московского университета О.М. Бодянский; обходит молчанием имена К.Ф. Колайдовича и П.П. Пекарского. Тем не менее, работы Х. Роте безусловно заслуживают внимания. Так, например, его фундаментальная работа «Что такое древнерусская литература?» вполне адекватно и полно представляет уникальный культурный феномен, не имеющий себе подобных в истории мировой словесности. Не «раздувая» этого феномена искусственно, немецкий ученый, не боясь обвинений в так называемом непонимании самой сути либо самого духа русской культуры (порой звучащих *a priori* в адрес «западных» ученых), не прячется за привлекательными, хотя зачастую размытыми понятиями пассионарности либо «загадочной русской души». Он обращает внимание на состав рукописей, представляющих собой физический субстрат понятия «древнерусская литература»: из 348 сохранившихся 251 – это богослужебные книги, т.е. литургические в узком смысле памятники, предназначенные для повседневной богослужебной практики. Исходя из этого, под древнерусской литературой Х. Роте понимает ничто иное, как постепенно складывающийся письменный (в первую очередь литургический) дискурс на общеупотребительном культовом (церковнославянском) языке, в также развитие в некоторых религиозных центрах в период с 1050 до 1240 г. письменной традиции, которая в отдельных епархиях (изначально в Новгороде и Киеве, позже в Галиче, Смоленске и Владимиро-Суздальской земле) сформировала своеобразную письменную культуру. В дальнейшем, отмечает ученый, «центры письменности стали образовательными центрами и источниками духовной силы, прежде всего в Киевской Печерской лавре, а также в Новгородской ремесленно-торговой республике».

Полемизируя со своими коллегами-славистами (в том числе и с Д.С. Лихачевым), Ханс Роте глубоко уважает их. Проливая свет на те или иные хитросплетения в истории славянской гуманистики, немецкий филолог на первое место ставит человека – истинного подвижника; в этом смысле в контексте истории «Слова о полку Игореве» он уделил особое внимание личности профессора А.А. Зимина. Древнерусская же словесность, по его мнению, представляет собой особый вид литературы: она, по мысли ученого, «в наше духовно нестабильное время в такой степени влияла на судьбу ее исследователей, как ни у одного другого цивилизованного народа Европы». Пожалуй, Ханс Роте имел здесь в виду не в последнюю очередь самого себя.

От всей души хочется пожелать Ученому по случаю юбилея дальнейших успехов в его работе и творчестве, новых свершений и открытий.

© 2018 г. Ж.В. Некрашевич-Короткая

DOI: 10.31857/S0869544X0001443-0

К ЮБИЛЕЮ МИОДРАГА СИБИНОВИЧА

Заслуженный белградский славист, почетный доктор МГУ, профессор Миодраг Сибинович — один из крупнейших за рубежом России специалистов по русской литературе и сравнительному литературоведению. За пять десятилетий творческой работы в филологии он многое сделал для воссоздания в югославянском, прежде всего сербском культурном сознании объективной — достоверной и многосторонней — картины развития русской литературы. Его научные интересы охватывают несколько столетий истории русской, белорусской, украинской словесности и сосредоточены более всего на русской поэзии, которую он рассматривает в широком культурно-историческом контексте, учитывая рецептивные взаимодействия и диалектику литературных направлений, представляя литературу в развитии. Продуктивные научные экскурсии совершал он и в сопредельные области — другие славянские, а также грузинскую и армянскую литературы. Теоретическая рефлексия и стремление дать полноценную картину духовного состояния эпохи сочетаются в его исследованиях с тщательным анализом произведений. В период, когда эстетическое понимание художественности преодолевало рецидивы политико-идеологических упрощений и вульгарно-социологического подхода к искусству, он, сторонник идеи многообразия культуры и множественности интерпретаций художественного текста, наравне с классикой изучал наследие авангарда, обращая пристальное внимание на содержательность формы, жанрово-стилевых и композиционных структур.

Историк литературы, критик, эссеист, ученый-компаративист с широким кругозором, он внес важный вклад и в искусство художественного перевода. Филологические штудии всегда подкреплялись у него вдохновенной переводческой работой, существенно обогатившей представления его соотечественников о литературном багаже восточного славянства. Его переводы литературы разных времен и стилей точны, тактичны, виртуозны; они стали неоспоримым фактом общеславянского интертекста, принадлежащего мировой культуре.

Родился Миодраг Сибинович 6 сентября 1937 г. в сербском городе Заечар, окончил гимназию в Неготине, затем, в 1959 г. — философский факультет Белградского университета (в группе русского языка и литературы при кафедре восточно- и западнославянских языков и литератур). Отслужив год в армии, стал преподавателем той же кафедры; прошел путь от ассистента до ординарного профессора. Степень доктора филологических наук получил в 1970 г., защитив диссертацию на тему «Лермонтов в сербской литературе до Второй мировой войны». Его лекционные курсы по теории перевода и русскому фольклору были первыми в Белградском университете. Как приглашенный профессор он преподавал в университетах Нови-Сада, Скопье, Приштины. Два года работал на кафедре славянской филологии Московского университета, вел занятия по сербскохорватскому языку и читал курс «Введение в теорию перевода. На материале сербско-русских литературных связей» (совместно с Т.П. Поповой). Многократно бывал на научных стажировках в Москве, Ленинграде, Праге, Тбилиси. В 1983—1985 гг. работал проректором по учебной работе Белградского университета.

Миодраг Сибинович — автор многих книг на сербском языке о русской литературе, о сербско-русских и сербско-славянских культурных и литературных связях, первых в сербской филологии трудов по истории, теории и практике художественного перевода. Среди его монографий: «Лермонтов в сербской литературе» (1971); «Оригинал и перевод» (1979); «Пушкинский “Евгений Онегин”» (1982); «О переводе» (1983); «Поэтика и поэзия. Великие русские лирики» (1990); «Новый оригинал. Введение в перевод» (1990); «Техника перевода» (1990); «Славянские импульсы в сербской литературе

и культуре» (1995); «Русские поэты от барокко до авангарда» (1995); «Между мирами. Новые аспекты литературного наследия Десанки Максимович» (1999); «Пушкинский и сербский “Евгений Онегин”» (1999); «Русские литературные источники» (2000); «За горизонтом. Очерки русской, украинской, белорусской и грузинской литературы» (2002); «Новая жизнь оригинала» (2008), «Славянская вертикаль. Сербские, русские, белорусские и украинские литературные темы» (2008), «Индивидуальная конкретизация литературного произведения. Статьи о русской и сербской литературе» (2012), «Умножение миров. Русские писатели в сербской переводной литературе» (2015); «Славиристические темы. Статьи и исследования» (2015); «Зрочки сквозь гриву. Интерпретация стихов о коне в поэзии славянских народов» (2017). Его перу принадлежат главы о романтизме в русской литературе первой половины XIX в. и о русской поэзии середины XIX в. в фундаментальном коллективном труде «Русская литература X–XX веков» (Белград, Сараево, 1976–1978), многочисленные статьи, обзоры, очерки, предисловия и послесловия. Его работы публиковались в переводе в России, Белоруссии, на Украине, в Чехословакии, Болгарии, Швейцарии.

Среди переводов М. Сибиновича – поэзия и проза, прежде всего русская, белорусская, украинская, а также чешская, болгарская, армянская, грузинская, в том числе произведения Руставели, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Лескова, Чехова, Шевченко, Блока, Розанова, Мандельштама, Ахматовой, Есенина, Пастернака, Заболоцкого и др. Он подготовил более тридцати книжных изданий восточнославянских писателей в переводе на сербский язык. Среди них: первое в мире собрание сочинений Есенина в переводе на иностранный язык (т. 1–5, 1966), полное собрание сочинений Есенина (т. 1–5, 2000), первое собрание сочинений Лермонтова в переводе на сербский (т. 1–3, 1980), первые два сербских издания избранной поэзии Заболоцкого (1968, 2011), первая на сербском языке антология белорусской поэзии (1993, 2012), первое сербское двуязычное издание поэзии Пушкина (1999), двуязычное издание избранной поэзии Мандельштама (1999), две книги избранной поэзии Ахматовой (1999, 2011), антология стихотворений русских поэтов о любви (1999), антология украинской поэзии XIV–XX веков «Наперекор ветрам» (2002), антология русской народной поэзии «Зоркое сердце» (2004), «Антология русской лирики. X–XXI век» (т. 1–3, 2007), антология «Ветер в гриве. Конь в поэзии славянских народов» (2011). Им подготовлены также два тома переводов Десанки Максимович из полного собрания сочинений выдающейся поэтессы (2012).

Миодраг Сибинович возглавлял Центр научных работ и публикаций филологического факультета Белградского университета на этапе его создания, руководил многими исследовательскими проектами факультета (например, «История и поэтика сербского литературного перевода», «Межславянские литературные и культурные связи», «Сербская литература и культура в европейском контексте»), организовал международные симпозиумы «Русская эмиграция в сербской культуре XX века» (1993, совместно с Институтом славяноведения и балканистики РАН), «Русская эмиграция в Сербии и других славянских странах в XX веке» (1995), «Межславянские языковые и литературные связи» (1995, совместно с филологическим факультетом МГУ), «Есенин в конце XX века» (1997). Участвовал в издании научных журналов «Књижевна историја» (Белград; один из основателей, член редколлегии), «Живи језици» (Белград; главный и ответственный редактор), «Преводилац» (Белград; член редколлегии), «Филолошки преглед» (Белград; член редколлегии), «Зборник за славистику Матице српске» (Нови-Сад; главный и ответственный редактор), «Слов'янський світ» (Киев; член международной редколлегии), «Україн» (Киев; член международной редколлегии).

Был председателем Просветительского совета Сербии (1984–1989), секретарем и членом правления Союза славистических обществ Югославии, Славистического общества Сербии, Общества иностранных языков и литератур Сербии, Союза литературных переводчиков Сербии. В 1990–1998 был председателем Комитета славистов Югославии, в 1991–1998 – членом Международного комитета славистов. Инициатор и участник многих проектов, посвященных развитию культурного сотрудничества и популяризации восточнославянских литератур на сербской языковой территории. Многолетний лектор белградского Народного университета им. Илии М. Коларца,

Национальной библиотеки Сербии, Русского дома в Белграде и других научно-просветительских учреждений Сербии, а ранее и всей Югославии. Член Союза писателей Сербии и Союза переводчиков Сербии.

В 1996 г. Ученый совет Московского университета присвоил М. Сибиновичу звание почетного доктора МГУ. Он лауреат ряда премий и знаков отличий, в том числе премии им. Милоша Джюррича за лучший перевод поэзии (книга избранного А. Ахматовой, 1999), премии им. Йована Максимовича за перевод русской прозы (книга Т. Толстой «Кысь», 2005). За перевод первой на сербском языке антологии белорусской поэзии удостоен почетной грамоты Республики Беларусь «2000 год хрысціянству» (2001), за перевод антологии украинской поэзии – международной премии им. Ивана Франко (2004). Отмечен специальным отличием Республики Сербия за выдающийся вклад в национальную культуру (2007), премией Союза писателей Сербии (2013), грамотой им. Радована Кошутича Славистического общества Сербии (2017).

Ученый и поэт, полагающийся не только на точное знание, но и на интуицию своего Пегаса, он неутомим в стремлении к неизведанному, в поиске того, что сам определяет как «неявные указатели течений в роднике энергий человеческого духа». Среди научных и общественных заслуг профессора Сибиновича – плодотворные усилия по изучению судеб русской эмиграции и ее роли в развитии югославской культуры. Он убежден, что роль эта оказалось значительной благодаря тому, что «для подлинных художников, творцов не было ложной дилеммы “русское, национальное или европейское”. [...] Им [...] было ясно, что единственный путь к историческому существованию и процветанию – развитие национального, в том числе славянского, в неразрывной связи с достижениями других народов Европы и мира» (Введение к сборнику статей «Руска емиграција у српској култури XX века». Београд, 1994. Т. 1. С. 7). Труды самого Миодрага Сибиновича – пример столь же просвещенного и преданного служения науке и культуре, а значит – общему благу всех народов.

© 2018 г. *А. Базилевский*

DOI: 10.31857/S0869544X0000475-5

ПАМЯТИ АНДРЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ЗАЛИЗНЯКА (1935–2017)

12 декабря 2017 г. Андрей Анатольевич Зализняк прочел в Институте славяноведения РАН доклад о берестяных грамотах, найденных в прошедшем сезоне; 16 декабря он провел занятие со студентами МГУ по исторической акцентологии русского языка, 24 декабря его не стало. Так он простился с двумя главными пространствами своей деятельности – Академией наук, где он проработал более полувека (с 1960 г.), и Московским университетом, с которым он был связан еще дольше – как студент (1952–1957), аспирант и преподаватель (с 1958 г.). Неожиданность его ухода повергла все научное сообщество в глубокую скорбь, в это невозможно было поверить, ведь к своим 82 годам А.А. Зализняк не успел состариться, он был легок и скор, полон молодого энтузиазма и интереса к жизни. Нам теперь предстоит осознать, что его жизнь окончилась, что он сделал то, что сделал, и сказал то, что успел сказать. Нам предстоит постичь логику его жизни во всей ее непоправимой завершенности. За время, прошедшее со дня его смерти, было сказано и написано много прекрасных слов – это были не только слова боли его осиротевших учеников и коллег, но и впервые произнесенные, но давно сложившиеся в сознании оценки трудов и личности ученого и его роли в отечественной филологии. Его имя ставили в один ряд с именами корифеев отечественной науки о русском языке – А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Н.С. Трубецкого; его личность сравнивали с Моцартом и Пушкиным.

В 1957 г. 22-летний Андрей Зализняк вернулся в Москву после годичной стажировки в Париже, где он слушал лекции выдающихся лингвистов А. Мартине, Э. Бенвениста, Л. Рену и др. и занимался изучением древних индоевропейских и восточных языков. В том, что из всех студентов филфака на стажировку в Париж командировали студента английской группы романо-германского отделения, была и случайность, но имелись и своя логика и закономерность: этот выбор был оправдан не только блестящими успехами Зализняка в учебе, но и его свободным владением французским языком и многими другими языками. Вернувшись из Парижа, он начал вести на филологическом факультете МГУ курс санскрита, а затем ведийского языка, древнеперсидской клинописи, несколько позже арабского языка, древнееврейского языка и лингвистических задач. Это были факультативные занятия, на которые собирались студенты разных курсов. В это время в Московском университете Вячеслав Всеволодович Иванов, учитель Зализняка, вел занятия по крито-микенским надписям, хеттской клинописи и читал курс введения в сравнительную грамматику индоевропейских языков (однако уже осенью 1958 г. он был уволен из МГУ за поддержку Пастернака и связь с Р. Якобсоном).

В 1960 г. Андрея Анатольевича, еще не окончившего аспирантуру, пригласили на работу в Институт славяноведения, в отдел славянского языкознания. Руководитель этого отдела, Самуил Борисович Бернштейн, озабоченный сборением научной молодежи и уже добившийся зачисления в Институт таких ярких лингвистов, как В.А. Дыбо и В.М. Иллич-Свитыч, возлагал большие надежды на А.А. Зализняка и предложил ему заняться углубленным изучением славяно-иранских

языковых контактов. Эта область славистики была (и остается) слабо разработанной, и молодой ученый с его глубокой и разносторонней индоевропейской лингвистической подготовкой был единственной надеждой Бернштейна. Но этой надежде не суждено было сбыться, потому что научные интересы Андрея Анатольевича лежали совсем в другой области.

Этой совсем другой областью был русский язык. Всем известны феноменальные способности Зализняка к иностранным языкам, проявившиеся еще в школьные годы, но он не раз говорил, что его интересуют не языки, а язык, язык как совершенный и исключительно сложный механизм, сделавший человека человеком и обеспечивший его непрерывный прогресс в познании мира и самого себя. Такое постижение глубинных механизмов языка возможно только на базе родного языка. Работа с русским языком как предметом изучения началась для Андрея Анатольевича с краткого очерка русского языка для французов, который он опубликовал в качестве приложения к учебному русско-французскому словарю, а сам словарь стал «побочным продуктом» стажировки во Франции. Именно из этого приложения тянутся нити ко всему дальнейшему блестящему пути А.А. Зализняка как русиста. Уже работа над приложением показала, сколь неточны, неполны и противоречивы были описания морфологии русского языка в имеющихся грамматиках. Обнаружились и серьезные лакуны в науке о русском языке — в грамматиках полностью отсутствовали правила, касающиеся ударения. В подходе, который избрал Андрей Анатольевич, главными были строгая логика и полнота фактических данных, ничто не должно быть упущено, нужно было найти алгоритм построения правильных грамматических форм с учетом ударения — сначала исчерпывающий анализ реальных форм, а затем четкие правила их порождения.

Кандидатская диссертация А.А. Зализняка называлась «Классификация и синтез именных парадигм в русском языке», за нее ему по рекомендации оппонентов и единодушному решению ученого совета Института славяноведения в 1965 г. была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В 1967 г. диссертация была издана в виде книги «Русское именное словоизменение», сразу же ставшей классикой русистики. Ее естественным продолжением и развитием был «Грамматический словарь русского языка», вышедший через десять лет, — первое полное описание всех грамматических форм русского языка, по которому для каждого из почти 100 тысяч слов можно было построить все его словоизменительные формы. И вся эта грандиозная работа была выполнена до появления компьютеров, вручную! Впоследствии это описание, в полной мере удовлетворяющее самым строгим требованиям автоматического порождения всех словоизменительных форм русского языка, легло в основу русского интернета. Такого рода труд, казалось бы, несоизмеримый с возможностями одного человека, был под силу только такому ученому, как А.А. Зализняк с его потребностью и способностью «наводить порядок» в бескрайнем море фактов и «идти до конца» по пути установления истины. Этому помогала общая научная атмосфера 1960-х годов, интерес к точным методам в гуманитарных науках и особенно в лингвистике, развитие исследований в области машинного перевода, а затем и семиотики. Во всех этих направлениях одним из лидеров был его учитель Вяч.Вс. Иванов.

В том же 1960 г., когда Андрей Анатольевич был принят на работу в Институт славяноведения, по специальному решению Президиума Академии наук СССР были созданы секторы структурной лингвистики в трех академических институтах — Институте языкознания под руководством А.А. Реформатского, в Институте русского языка под руководством С.К. Шаумяна и в Институте славяноведения под руководством В.Н. Топорова (которому в то время было всего 32 года). Формирование нового сектора происходило при самом активном участии Вяч.Вс. Иванова и А.А. Зализняка, который рекомендовал В.Н. Топорову нескольких своих учеников.

Спустя несколько лет Андрей Анатольевич перешел из сектора, занимавшегося «традиционной» славистикой, в сектор структурной типологии (где он проработал до самой смерти), которым впоследствии руководили Вяч. Вс. Иванов, затем Т.М. Николаева, Ф.Б. Успенский и в самое последнее время И.А. Седакова. В первом же издании сектора — сборнике «Структурно-типологические исследования» 1962 г. — была напечатана статья Зализняка, посвященная строгому формальному описанию правил уличного движения как одной из «простых» систем, изучение которых необходимо для обращения к таким сложным системам, как язык. Это было, таким образом, прямым предвосхищением его формальной морфологии. А.А. Зализняк активно участвовал в знаменитом «Симпозиуме по структурному изучению знаковых систем» 1962 г., в Тартуских летних школах по семиотике, во многих других научных мероприятиях и изданиях сектора. Но все же основная линия его научной деятельности была связана именно с русистикой — сначала с созданием строгого формального описания словоизменения современного русского языка, а позднее — с историей русского языка. Поворот от современности к истории наметился очень рано: уже в 1962 г. Андрей Анатольевич предложил доклад на тему «О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией».

Вполне закономерным этапом научного пути А.А. Зализняка стала разработка акцентологии русского языка. Эта линия также восходит в конечном счете к очерку русской морфологии в кратком русско-французском словаре. Его первая работа по этой тематике («Ударение в современном русском склонении») появилась уже в 1963 г. Интерес Андрея Анатольевича к теории и истории русского ударения поддерживался не только его собственным стремлением к исчерпывающему описанию русского словоизменения, но и пионерскими работами его ближайших коллег по институту В.А. Дыбо и В.М. Иллич-Свитыча в области славянской акцентологии. Благодаря акцентологическим трудам А.А. Зализняка было впервые построено прочное здание истории русского ударения.

С 1982 г. и до последних дней жизни А.А. Зализняк работал над дешифровкой и толкованием новгородских берестяных грамот, в результате чего им был реконструирован особый древненовгородский диалект как разновидность русского народного языка древнейшей поры, создана теория палеографии берестяных грамот и практическая система палеографических показателей (он называл это «дискретизацией континуума»), позволяющих датировать грамоты и надписи с большой точностью, сопоставимой с точностью дендрологической и иных датировок. Этот круг работ Зализняка, выполненных в сотрудничестве с В.Л. Яниным, А.А. Гиппиусом и другими коллегами-«новгородцами», получил не только признание специалистов (археологов, историков, лингвистов), но и большую известность в широких кругах общества, в том числе и благодаря ежегодным лекциям Зализняка в МГУ, которые пользовались невиданной популярностью среди студентов разных факультетов и научной общественности. Именно изучение языка новгородских грамот позволило Андрею Анатольевичу подвергнуть новому анализу текст «Слова о полку Игореве», споры о подлинности и датировке которого не прекращались многие десятилетия, и показать, что лингвистические особенности этого текста указывают на его безусловную древность и подтверждают его отнесение к XII в.

В 2000 г. в Новгороде была обнаружена уникальная восковая книга XI в. с текстами псалмов, под которыми на деревянной (липовой) основе А.А. Зализняк рассмотрел слабые следы многочисленных текстов, писавшихся на воске ранее, в виде бесчисленных и беспорядочно наслоившихся друг на друга буквенных штрихов. В течение нескольких лет Андрею Анатольевичу удалось невероятное — прочитать, фактически дешифровать, большие фрагменты этих текстов. Трудности этой реконструкции невозможно переоценить. Однако эту работу ему пришлось оставить, в том числе из-за возникших проблем со зрением. Тем не менее судьба

этого памятника и перспективы дальнейшего его изучения не переставали волновать ученого. Сейчас невозможно себе представить, кто мог бы быть способен продолжить его работу.

Стала уже афоризмом фраза А.А. Зализняка, сказанная им на церемонии вручения ему премии имени А.И.Солженицына, о том, что истина существует, и задача науки — ее поиск. Это убеждение было для Зализняка и философией, и религией, и стратегией жизни. Оно вдохновляло его на всем его многотрудном научном пути и оно же давало ему силу возвысить свой голос против лженауки и разного рода научных спекуляций типа исторических «реконструкций» Фоменко и его сторонников. В этом проявился его общественный темперамент, для многих неожиданный — ведь он был мало вовлечен в систему отношений в научной среде, редко откликался на работы коллег, не выступал оппонентом, не руководил аспирантами, не занимал никаких должностей, не входил ни в какие ученые советы и комиссии. Но при этом его влияние на научное сообщество — особенно благодаря преподаванию и публичным выступлениям — было и остается огромным.

Я в своей жизни не встречала более счастливого человека, чем Андрей Анатольевич. Более счастливого и более свободного. Как удавалось ему в нашей стране и в наше время быть свободным от пут действительности, от обстоятельств, которые многих его современников либо ломали, либо сковывали и угнетали? Как ему удавалось не видеть ничего, кроме самой жизни, радости труда и познания? Он наслаждался своей работой, общением с молодежью, он был счастлив в своей семье и в друзьях (с некоторыми дружил со школьных лет). Он каким-то непостижимым образом сумел отодвинуть от себя все, что могло остановить или задержать его стремительное движение к научной истине, к познанию языка и проникновению в его тайны.

Его труды, составившие эпоху в развитии науки о русском языке, будут изучаться, будут издаваться и переиздаваться, на них будут воспитываться новые поколения русистов. Но больше не будет его лекций и докладов, его живого голоса, его провоцирующих вопросов к слушателям, его детского смеха, не будет его новых книг и статей. Тем, кому посчастливилось знать его многие годы и учиться у него, трудно с этим смириться.

© 2018 г. *С.М. Толстая*

DOI: 10.31857/S0869544X0000476-6

ПАМЯТИ АННЫ ЛЕОНИДОВНЫ ХОРОШКЕВИЧ (1931–2017)

1 мая 2017 г. ушла из жизни Анна Леонидовна Хорошкевич, крупный специалист по истории Московской Руси и международных отношений в Восточной Европе в XV–XVI вв., доктор исторических наук.

А.Л. Хорошкевич родилась 28 марта 1931 г. в Москве в интеллигентной семье. Ее отец, видный художник Л.Н. Хорошкевич (1902–1956) происходил из старинного дворянского рода с украинскими корнями. По окончании в 1954 г. исторического факультета МГУ Анна Леонидовна поступила в аспирантуру Института истории АН СССР, в котором продолжала потом долгие десятилетия трудиться в качестве научного сотрудника (после реорганизации исторических институтов в 1968 г. работала до 2001 г. в Институте истории СССР АН СССР, с 1991 в Институте российской истории РАН). Из коллег старшего поколения, по позднему признанию Анны Леонидовны, наибольшее влияние на нее оказал выдающийся ученый академик М.Н. Тихомиров (1893–1965). Тесно сотрудничала она и с другим крупным историком, А.А. Зиминим (1920–1980), уже после его кончины завершив и подготовив к печати их общий труд «Россия времени Ивана Грозного» (М., 1982), а в последние годы жизни отдав немало сил и энергии публикации его мемуарного наследия.

Уже в юности определился круг основных интересов А.Л. Хорошкевич: международные связи (в том числе экономические, торговые) средневековой Руси, ее место среди стран и народов Восточной, Центральной, Северной Европы. На основе защищенной в 1958 г. кандидатской диссертации «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Ганзой в XIV–XV веках: (состав ввоза и вывоза)» была подготовлена первая монография А.Л. Хорошкевич «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках» (1963). Прекрасное знание источников по проблемам внешнеэкономических отношений, торговых связей в Восточной Европе позволило ей углубиться в вопросы социально-экономической истории одной из пограничных восточноевропейских территорий, тесно связанной торговыми узами с Северной Европой. В качестве докторской диссертации ею была защищена в 1974 г. работа «Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV в.».

Одна из заслуг Анны Леонидовны Хорошкевич перед российской историографией заключалась в активном введении ею в оборот отечественной науки впервые переведенных на русский язык иностранных источников, в которых находили отражение реалии средневековой Руси. Этим она занималась в течение всей жизни, но особенно интенсивно в 2000-е годы. В качестве ответственного редактора или члена редколлегии, автора или соавтора вступительных статей и комментариев она принимала участие в публикации «Записок о Московии» С. Герберштейна, сочинения М. Литвина «О нравах татар, литовцев и московитов», записок М. Груневега о Москве 1585 г., «Путешествия в Россию» Я. Ульфельдта, «Описания Украины» Г. Левассера де Боплана, «Записок о Московии» Г. Штадена, дневника путешествия Э. Кемпфера по России в 1683 г. В этих работах в полной мере проявился компаративистский подход А.Л. Хорошкевич, ее умение через представление

взгляда иностранных путешественников, посещавших русские земли, сопоставлять культурный опыт разных народов. При этом позицию историка со все большей последовательностью определял не «славянофильский», а именно «западнический» взгляд на западноевропейскую цивилизацию как на некий образец и ценностный ориентир, которого Россия смогла достичь только в петровскую эпоху, не только став неотъемлемой составной частью европейского концерта, но и перенимая многое из светской культуры тогдашней Европы. Среди других публикаций средневековых источников, выполненных А.Л. Хорошкевич, можно назвать много томное издание «Полоцких грамот» XIII – начала XVI в., а также «Литовской метрики» (книги судных дел 30–40-х годов XVI в.). Значение этих публикаций было тем более велико, что в советской, особенно в российской советской историографии проблемы внутренней истории Великого княжества Литовского изучались недостаточно и трактовались тенденциозно.

Итогом многолетних штудий, посвященных месту Московской Руси в Европе в эпоху Ивана III, стала ее монография «Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в.» (М., 1980). К 1500-летию Киева был приурочен выход ее совместного с В.Т. Пашуто и Б.Н. Флорей труда «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (М., 1982). Вопрос об исторических судьбах восточного славянства после распада Киевской Руси ставился в ней в контексте изучения генезиса украинской, а также (в рамках Великого княжества Литовского) белорусской нации. Неся на себе вынужденный отпечаток определенных идеологем своего времени, эта работа вместе с тем носила во многом новаторский характер. Отдала дань Анна Леонидовна и изучению российской государственной символики, ее происхождения и применения: книги «Символы русской государственности» (М., 1993), «Герб, флаг и гимн: Из истории государственных символов Руси и России» (М., 2008).

Человек крайне принципиальный и бескомпромиссный в отстаивании своих убеждений, А.Л. Хорошкевич, вступив в конфликт с директором А.Н. Сахаровым, покинула в 2001 г. ИРИ РАН, перейдя на работу в Институт славяноведения РАН, в отдел восточного славянства, где проработала более десяти лет. С Институтом славяноведения она была связана до конца жизни. Период 2000-х годов был весьма плодотворным в научной деятельности Анны Леонидовны. В 2001 г. была опубликована одна из самых значительных ее монографий «Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв.», в которой были проанализированы на широком международном фоне истоки конфликта, на три последующих столетия имевшего огромное значение для южного направления внешней политики Московской Руси. За ней последовала другая принципиально важная и удостоенная в 2005 г. Макарьевской премии фундаментальная монография – «Русское государство в системе международных отношений в середине XVI в.» (М., 2003). Обращаясь к эпохе Ивана Грозного, Анна Леонидовна, как всегда, стремилась выявить взаимосвязь внешней и внутренней политики русского государства. Так, причина Ивана Грозного рассматривалась ею как комплекс крайне жестких мер тиранической власти, направленных на устранение сопротивления оппозиции немалой части элиты авантюрной внешней политике и на мобилизацию всех внутренних ресурсов Московской Руси на решение экспансионистских внешнеполитических и военно-политических задач в условиях Ливонской войны, в конечном итоге завершившейся поражением.

Работы А.Л. Хорошкевич получили международное признание. Особенно большим авторитетом она пользовалась, еще с советских времен, в среде украинских и белорусских коллег, но ее труды многократно публиковались также в Польше, Германии (прежде всего на немецком языке), она принимала активное участие в работе Немецкой исторической комиссии по истории Балтики, членом которой являлась.

Память об Анне Леонидовне Хорошкевич, ярком человеке и выдающемся, глубоко профессиональном ученом-историке навсегда останется в сердцах людей ее знавших, а ее лучшие труды по истории Московского государства Руси XV–XVI вв. и международных отношений в Восточной Европе в этот период уже вошли в золотой фонд отечественной историографии, без обращения к ним невозможно себе представить дальнейшее развитие исторической науки.

Коллеги

CONTENTS

ARTICLES

<i>Floria B.N.</i> (Moscow). The political elite of the Grand Duchy of Lithuania and Russia in 1673.....	3
<i>Denisov N.G., Kalugin V.V.</i> (Moscow). Canvas books of the Old-Believer artisan Maxim from the 1820s.....	10
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). Concerning the formation of old-Slavic compound words.....	27

ESSAYS

<i>Velikanov V.S.</i> (Moscow). The Russian garrison in Hadyach in 1664–1668 (an episode of the Russian military-administrative presence-making in Ukraine).....	40
<i>Bogatyrev A.V.</i> Once again about Jan Sobieski, Vasily Tyapkin and the Baltic policy.....	49
<i>Rybalka A.A.</i> (Penza). Lübeck, or no Lübeck: Fedor Moroshkin in search of Russia on the Oder.....	54
<i>Kosik V.I.</i> (Moscow). Memory about the Russians in Banja Luka (from biographies).....	62
<i>Bakuntsev A.V.</i> (Moscow). Ivan Bunin and Russian Scientific Institute in Belgrade (to the history of unfulfilled cooperation).....	74
<i>Dulatov B.</i> (Ostrava; Almaty). World War One prisoners of war of Slavic origin in Simbirsk governorate (on the materials of the State Archive of Ulyanovsk Oblast).....	81

IN MEMORIAM

<i>Petrukhin V.Ya.</i> Semiotics and myths of the ancient Slavs in the work of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (in memoriam of the scholar).....	91
<i>Petrukhin V.Ya.</i> Icelandic strand and Ancient Rus: in memoriam of Elena Aronovna Gurevich.....	97

REVIEW ARTICLES

<i>Boroykov D.A.</i> Н.Ф. Котляр. Удельная раздробленность Руси.....	103
<i>Peskova A.Yu.</i> М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян.....	106
<i>Gusev N.S.</i> Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы.....	111

SCHOLARLY LIFE

<i>Kopchenova I.V.</i> International conference «Prohibitions and prescriptions in the Slavic and Jewish cultural traditions».....	114
--	-----

LETTER TO THE EDITORIAL BOARD

<i>Kochegarov K.A., Rychalovsky A.A.</i> Concerning the review of Tatyana Tairova-Yakovleva on the edition «Correspondence of the Hetmans of Left-bank Ukraine with Moscow and St. Petersburg 1654–1764».....	119
---	-----

YUBILEES

<i>Melnikov G.P.</i> To the jubilee of Boris Nikolaevich Floria.....	123
<i>Nekrashevich-Korotkaya Zh.V.</i> To the jubilee of Hans Rothe.....	125
<i>Bazilevsky A.B.</i> To the jubilee of Miodrag Sibinović.....	127

OBITUARIES

<i>Tolstaya S.M.</i> In memoriam of Andrey Anatolyevich Zaliznyak (1935–2017).....	130
In memoriam of Anna Leonidovna Khoroshkevich (1931–2017).....	134